

**АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ**

СИЛОВОЙ
ВАРИАНТ

Противостояние

Александр Афанасьев

Силовой вариант

«Остеон-Групп»

2018

Афанасьев А. Н.

Силовой вариант / А. Н. Афанасьев — «Остеон-Групп» ,
2018 — (Противостояние)

ISBN 978-5-85689-236-8

Мы представляем читателю третью книгу грандиозной эпопеи «Противостояние», в которой альтернативная реальность продолжает по-своему перекраивать судьбы планеты, в которой население нашей страны так и не познало всех радостей перестройки и нового мышления, Афганистан не узнал ни мира, ни талибов, а США продолжают строить козни и втягиваться в разгоревшийся конфликт сверхдержав...

ISBN 978-5-85689-236-8

© Афанасьев А. Н., 2018

© «Остеон-Групп» , 2018

Содержание

От автора.	7
Пакистано-афганская граница. Район населенного пункта Чаман. 12 июня 1988 года	8
Афганистан, Кандагар. Аэродром. 12 июня 1988 года	18
Воздушное пространство Афганистана. Борт самолета Ан-12РТ 86	21
ОДРАЭ. Операция «Сеть». 12 июня 1988 года	
Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР. 12 июня 1988 года	23
Кандагар, Афганистан. 12 июня 1988 года	26
Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР. 12 июня 1988 года	29
Афганистан, местность западнее Кабула. ППД «Кабул-1». 12 июня 1988 года	32
Афганистан, Кабул. 12 июня 1988 года	34
Северный район Кабула. Несколько часов спустя	37
Афганистан, Кабул. 15 июня 1988 года	41
Афганистан, местность западнее Кабула. ППД «Кабул-1». Вечер 15 июня 1988 года	43
Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР	45
Афганистан, Кабул. Рынок	47
Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР	49
Афганистан, воздушное пространство. Севернее Кабула. Тяжелый штурмовик «Скорпион-5». Ночь на 15 июня 1988 года	52
ППД «Экран-1» ВСН МО СССР	55
Афганистан, севернее Кабула	56
ППД «Экран-1» ВСН МО СССР	57
Афганистан, севернее КАБУЛА	59
Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»	60
Населенный пункт, севернее Кабула	61
Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»	63
Населенный пункт, севернее Кабула	64
Тяжелый штурмовик Скорпион – 5	66
Нива	67
Тяжелый штурмовик Скорпион – 5	70
Тревожная группа	71
Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»	72
Населенный пункт, севернее Кабула	74
Тревожная группа	75
Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»	77
Тревожная группа	78
Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»	81
Бывший генеральный секретарь ЦК НДПА. Мохаммед Наджибулла	82
Группа захвата	85
ППД «Экран-1» ВСН МО СССР. Авиабазы Баграм. 16 июня 1988 года	87
Лэнгли, штат Виргиния. 17 июня 1988 года	99
Вашингтон, округ Колумбия. 17 июня 1988 года	106

Белый Дом. 17 мая 1988 года	111
Пентагон. 17 июня 1988 года	117
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Александр Афанасьев

Силовой вариант

© А.Афанасьев, 2018

© ООО "Остеон-Групп", 2018

* * *

От автора.

*Худшие враги получают из бывших друзей
Бальтазар Грасиан*

Эта книга, которая первоначально должна была называться «Экспансия», но стала называться «Холодная война» – это своего рода гимн. Гимн тем временам, прежде всего восьмидесятым годам, времени наивысшего напряжения двух сверхдержав, последнего десятилетия уверенного развития мира.

Холодная война закончилась – и в ней проиграли не мы, Советский союз, в ней проиграли обе державы. Соединенные штаты сейчас напоминают Римскую Империю на закате ее величия: подорванная экономика, безответственные политики, размывание морально-нравственных ценностей. США идут по пути СССР, и конец уже близок. Кто мы? – так называется новая книга американского футуролога Самуэля Хантингтона. Сильно ли это отличается от злоеющих слов Ю.В. Андропова «Мы не знаем общества, в котором живем»? США – это монстр, случайно выживший динозавр родом из той эпохи – и новые хищники, злые и проворные уже атакуют его, ожидая пока динозавр истечет кровью и его можно будет начать рвать на куски. Время настает – нелегкое, жестокое время.

Какой мирный дивиденд мы получили, отказавшись от холодной войны, от сверхнапряжения сил? В столовой производителя оружия мирового класса, завода «Ижмаш» – теперь клуб для гомосексуалистов – а в США открытым гомосексуалистам разрешено служить в армии, на флоте теперь венчают гомосексуальные пары моряков прямо на борту кораблей. Мы к этому шли, мы этого хотели? Что нового мы смогли сделать за два десятилетия мира? Что нового вошло в нашу жизнь? Да ничего, по сути – развитие остановилось вместе с холодной войной. Осталось – загнивание и проедание.

Эта книга – дать памяти тем, кто воевал на фронтах той войны. Как же они отличаются от нас, нынешних... Как же отличается девятнадцатилетний пацан, беззащитный в кабине идущего на перевал Саланг КаМАЗа – но все равно раз за разом выходящий в рейс – от нынешнего водителя – контрактора, который приходит к моджахедам и договаривается о том, чтобы разворовать груз, а машину поджечь, чтобы потом получить за нее страховку. Как отличается пацан, который написал домой из Афганистана «Мы – первые солдаты Третьей мировой войны» – от тех, кто есть там сейчас.

Кстати, а ведь пацан этот – был прав. И советские солдаты в Афганистане – они по факту и стали – первыми солдатами Третьей мировой войны.

Те, кто воевал на этих фронтах – были совсем другими людьми. Жесткими, не толерантными, держащими свое слово, рискующими своей жизнью и уважающими своего противника больше, чем своих политиков. Они воевали не за деньги – они воевали за идею, за правду, которую они знали.

За что мы – воюем сейчас? Кто –нибудь задумывался?

Не знаю – сколько книг будет в этой серии. Может одна, может больше. Не будем загадывать будущее, давайте лучше попробуем вспомнить прошлое. Итак, прямое продолжение диалоги «Наступление» и мой новый проект из альтернативной истории – Холодная война...

Пакистано-афганская граница. Район населенного пункта Чаман. 12 июня 1988 года

Переселение народов...

Иначе нельзя было назвать ту картину, которая открылась перед «журналистом» Джекобом Шифтом в пограничной зоне, в нескольких километрах от КП на афгано-пакистанской границе. Вместо знаменитого Хайберского прохода, сообщение через который оборвалось после ядерного взрыва в Пешаваре, унесшего до двадцати пяти тысяч человеческих жизней – теперь был южный маршрут, намного ближе к Карачи – через Кветту, Спинбулак и Кандагар, по построенной американцами дороге, которую так и звали – американка. Пограничная зона в этом месте превратилась в чудовищный цыганский табор. В Пакистане было много лагерей беженцев, много лагерей моджахедов – и все они после ядерного взрыва снялись с места и переселились на юг, ближе к основному каналу поступления гуманитарной помощи, и к крупнейшему городу страны – Карачи, в котором можно было найти работу. В Афганистан их, по понятным причинам, пускали в час по чайной ложке – вот почему временные поселения беженцев начинались уже за пятнадцать километров от границы, а последние километры перед границей на автобусе или машине можно было преодолеть лишь со скоростью беременной черепахи.

Джекоб (Яков) Шифт (Шифф) был евреем, бывшим советским, ныне американским гражданином, журналистом по документам, и агентом ЦРУ. Его родители жили в Ташкенте, во время Великой Отечественной войны их, родителей и их самих, еще маленьких, полумертвых от голода вывезли из блокадного Ленинграда сюда, в Ташкент, обратно они уезжать не желали, остались здесь, в этом теплом и гостеприимном краю. Мать работала учителем немецкого в школе, отец – в городской филармонии. В семидесятых, оба они, верующие евреи, решили эмигрировать в Израиль, потому что кто-то разнес слух, будто Сара Левин, их соседка, эмигрировала в Израиль и там ей выдали подъемные сто тысяч долларов США. Шиффы считали, что советское государство им катастрофически не доплачивает – а сто тысяч долларов будут им совсем не лишними. Да еще и вызов пришел по почте – причем от женщины, которую они не знали, но которая написала, что она их родственница и ждет их в Израиле. Вопреки общепринятому мнению, документы на выезд удалось выправить достаточно быстро...

Израиль стал для интеллигентных Сары и Михаэля Шиффов настоящим потрясением. Естественно, никто их не встретил в порту Хайфа с цветами, оркестром и сотней тысяч долларов подъемных. Министерство по делам эмиграции выдало небольшое, можно даже сказать нищенское пособие и ключи от временного жилья, настоящего клоповника в дурном районе Тель-Авива. Квартирка была на первом этаже, по размерам меньше, чем та, которая была у них в Ташкенте, в районе жили наркоманы, бандиты, эмигранты из Африки. Причем – через год квартиру надо было освободить, и куда они пойдут с детьми – мало кого волновало. Всех записали в ульпан – школу для изучения языка для эмигрантов, а Якова Шиффа – вдобавок еще и в ешибот¹, причем согласия его никто не спрашивал. Два месяца их таскал на допросы ШАБАК², проверяли, не являются ли они агентами КГБ, заброшенными на землю обетованную. Потом, слава Иисусу отстали.

Из ешибота Яков сбежал, заявив публично в классе, что Бога нет – хорошо, что это произошло уже после того, как они нашли свое жилье, не менее мерзкое, но все же свое. Иначе – бесплатное жилье могли бы отнять. Отец вместо филармонии устроился ассенизатором, мать

¹ Религиозная школа.

² Израильская контрразведка.

вместо школы – прислугой в дорогой отель. Так началось житье – бытие семьи Шиффов на земле обетованной.

Яков Шифф, уже успевший проучиться несколько классов в советской школе, при появлении в школе израильской поразил учителей своими знаниями – то, что он знал по математике в Израиле вообще проходили только в институте. Ему дали стипендию, потом за стипендию же он поступил в институт, потом его отправили по программе обмена ни куда-нибудь, а в США, в Джорджтаунский университет. Большинство преподавателей этого университета сотрудничали с ЦРУ, вот почему паренька из Израиля сначала втянули в деятельности анти-советской группы в университете, а потом – предложили остаться в США и стать сотрудником американской разведки. Яков – не раздумывая, согласился.

Еще в Израиле – Яков стал завзятым антисоветчиком, и возненавидел свою Родину. А как не стать – когда все разговоры матери и отца сводятся к этому, к тому, что с ними сделал проклятый советский режим? Просто удивительно, но и Сара и Михаэль Шиффы, происходящие из семьи ленинградских интеллигентов – во всем том, что с ними произошло, винили не себя, а Советский союз! Прежде всего, потому, что СССР не потрудился дать им дипломы о высшем образовании, которые были бы признаны здесь, в Израиле. Они сами приняли решение уехать, сами наслушались разговоров о ста тысячах долларов, и как не удивительно, поверили в это, они сами собирали документы на выезд, бросили квартиру и налаженный быт – но во всем был виноват СССР. Они говорили об этом каждый день на тесной кухоньке, в которой двое помещались с трудом, они повторяли это детям – во всем виноват СССР. Иного у них просто не было – иначе пришлось бы признаваться, что во всех своих бедах виноваты исключительно они сами, признаваться перед детьми и перед самими собой. Так что – антисоветизм Якова Шиффа, переделавшего на американский манер свои имя и фамилию и ставшего Джекобом Шифтом – имел богатую почву для развития, американским вербовщикам почти не пришлось работать над ним.

В ЦРУ бывший советский паренек с университетским образованием и уникальным набором языков – английский, немецкий, иврит, русский, точики-фарси (фарси таджикского диалекта, почти дари) и узбекский – оказался настоящей находкой. Его сразу взяли государственным служащим четвертой ступени³ с окладом в двадцать шесть тысяч долларов в год и оплаченной медицинской страховкой, меньше чем через три месяца его повысили, потом опять повысили. Карьеру он делал в отделе по борьбе с советской угрозой. Сейчас он являлся уже государственным служащим десятой ступени и, после прохождения курса подготовки на «ферме» в лесах Виргинии – агентом с правом вести оперативную деятельность...

В отделе он продвинулся вверх примерно полгода назад, когда там нашли русского шпиона и выгнали всех, кто был с ним связан. Сейчас он был начальником сектора, и именно ему – предложили ехать в Афганистан. Больше – было просто некому, кто погиб, кто был отстранен во время «охоты на ведьм», кто ушел сам. Его журналистская карточка, знание узбекского на хорошем уровне, восточная, еврейская внешность и умение вести себя как узбек – в Пакистане и Афганистане должны были послужить пропуском куда угодно...

Джекоб Шифт прибыл в Пакистан рейсом из Маската, обычным коммерческим рейсом с Востока, потому что рейсов из США в Пакистан теперь было мало, пассажиров было куда проще отследить. Самолет из Маската приземлился в Карачи, крупнейшем городе страны и крупнейшем порту региона, единственном, где продолжали действовать хоть какие то законы и нормы цивилизации. Оттуда, он сел на автобус, идущий коротким маршрутом – на Кветту и Спинбулак, к Южному переходу...

³ В США существует что-то типа петровской табели о рангах, всего ступеней – 18. Для начинающих предусмотрены ступени A1-A4, то есть его взяли на максимальную для начинающего ступень.

Беда чувствовалась везде. Она чувствовалась по спешно установленным во всех людных местах дозиметрам, по которым можно узнать, что беспокоиться об уровне радиации не стоит, по белым бронетранспортерам сил ООН, введенным в страну и обеспечивающим порядок до всеобщих парламентских и президентских выборов, по маскам на улицах, скрывающим лица и защищающим органы дыхания от радиоактивной пыли. Радиоактивной пыли не было – была беда. Во всем.

* * *

Четыре – ноль. Государство Пакистан проиграло четвертую в национальной истории войну. Да проиграло так, что сейчас речь шла о дальнейшем существовании пакистанской государственности...

Государство Пакистан, его создание – вообще было исторической ошибкой. В сорок девятом году рухнуло вековое британское господство над Индией, принесшее немало зла этой стране и этому народу. Одним из последних деяний британцев был раскол некогда единой Индии на мусульманскую и индуистскую части. Джавахарлал Неру и Мухаммед Али Джинна, лидеры двух основных общин, борцы за независимость лишь по несчастливой случайности не смогли договориться об условиях сосуществования в условиях независимости, и так на карте появилось государство Пакистан, который находился под британским протекторатом еще несколько лет после раздела. Раздел проходил «по живому» – и сопровождался резней, при разделе было перебито миллион человек, это только то, что известно, в некоторых местах людей вырезали целыми поселениями. Пакистан оказался разбит на две изолированные части, а местность под названием «Джамму и Кашмир» стала индийским штатом, хотя население там было преимущественно мусульманским. И то и другое – в будущем приведет к большой крови.

В государстве Пакистан изначально было много чего неправильного. Правящий класс остался в основном пробританским, это были дети аристократов и образованных людей, воспитанных британскими нянями и в британских детских садах – а детские впечатления очень живучи. Почти все они группировались около армии, потому что армия, вооруженные силы – были единственным, что позволяло им оставаться на плаву в безбрежном море нищего крестьянства. Основной религией для крестьянства был ислам – но не агрессивный, агрессивный ислам в страну принесут многим позже. Люди просто верили местным муллам и богословам – это, несмотря на то, что муллы творили харам, брали с людей последние деньги и сожительствоvalи с маленькими мальчиками. Была в стране и достаточно сильная, имеющая влияние среди городского пролетариата коммунистическая партия.

Три войны – Пакистан проиграл, проиграл Индии, поддерживаемой Советским союзом, причем последняя война сопровождалась территориальными потерями и была просто омерзительной. Жители Восточного Пакистана – сейчас это называется «государство Бангладеш» были в основном не мусульманами и не поддерживали генералов, рвущихся к власти в стране – тогда пакистанская армия начала войну против собственной страны. Десантные части высаживались в Восточном Пакистане и солдаты получали приказ изнасиловать как можно больше женщин, чтобы «улучшить породу» восточных пакистанцев и создать-таки единый пакистанский народ, пусть и таким вот варварским способом. Создать не удалось – Восточный Пакистан превратился в Бангладеш, а генералы, битые в бою и опозорившиеся – пришли к власти.

Во главе государственного переворота, приведшего к десятилетию военной диктатуры – встал начальник генерального штаба армии Пакистана, генерал Мухаммед Зия уль-Хак, личность примечательная. Родился в офицерской семье, отец работал в британской армейской штаб-квартире в Дели. Окончил академию в Вест-Пойнте, участник боевых действий, грамотный и инициативный офицер. Затем был направлен в Иорданию на службу королю Иордании Хусейну и там, в сентябре семидесятого года принял участие в геноциде палестинцев, позд-

нее ставшем известным как «Черный сентябрь» – генерал чужой страны и американский агент принял командование второй механизированной дивизией иорданской армии и бросил ее против иорданского народа. В семьдесят шестом был назначен начальником генерального штаба Пакистана, в семьдесят девятом совершил государственный переворот в Пакистане, приказал повесить демократически избранного главу государства Зульф리카ра Али Бхутто, высказывающего симпатии к Советскому союзу и размышляющего об «исламском коммунизме». Сразу после начала событий в Афганистане занял открыто антисоветскую позицию, пригласил в страну бандитов со всего Востока, американских инструкторов, разрешил устроить в стране десятки лагерей по подготовке боевиков. Именно при уль-Хаке в стране появились проповедники из Саудовской Аравии, занесшие сюда совершенно нетипичный для Пакистана ваххабизм. В восемьдесят пятом году во время восстания в Зоне Племен приказал применить химическое оружие против собственного народа. В восемьдесят седьмом году, после переворота в Москве и эскалации противостояния в Афганистане – принял решение о вооруженном нападении на Афганистан и находящиеся там части Советской армии. Это стало роковым для него решением – генерал уль-Хак вместе со всей военной верхушкой и представителями китайской и американской военной миссии погиб при ядерном взрыве недалеко от аэропорта Пешавара. Еще один ядерный взрыв – уничтожил пакистанский завод по производству ядерного оружия. Обезглавленная и отрезанная от нормального тылового снабжения пакистанская армия потерпела тяжелое поражение, потеряв четыре пятых своего танкового парка и две третьих самолетного.

Американцы пришли на помощь гибнущему пакистанскому государству, поставив в Совете безопасности ООН вопрос об обуздании советско-афганской агрессии и жестко предупредив уже изготавившуюся к наступлению Индию. Советский союз заблокировал американскую резолюцию и поставил на голосование свою – об обуздании пакистанской агрессии против суверенного государства Афганистан. Были представлены доказательства того, что именно пакистанская армия совершила акт агрессии против суверенного государства Афганистан и вторглась на его территорию значительными силами механизированных войск.

Соединенные штаты Америки обвинили советское руководство в том, что СССР нанес по территории третьей страны ядерный удар. Советский представитель заявил, что нет никаких доказательств того, что это сделал СССР и заявил о том, что Пакистан сам разрабатывал ядерное оружие в нарушение договора о нераспространении и ядерный взрыв или взрывы могут быть следствием плохо закончившихся ядерных экспериментов или случайным взрывом готовых изделий, произведенных самим Пакистаном. Сразу же после этого представитель Афганистана положил на стол фотографии сгоревших американских танков и сбитых в афганском небе американских самолетов с авианосца и потребовал привлечь США к ответу как соучастника пакистанской агрессии. Представитель США заявил в ответ, что он не признает ни самого афганского представителя, ни его требований, потому что в Афганистане нет законной власти. Представитель США также обвинил СССР и Афганистан в убийстве законного руководства Пакистана. Представитель СССР заявил, что генерал уль-Хак, правитель Пакистана, причастен к преступлениям против человечности, в частности к актам геноцида палестинцев и пуштунов, пришел к власти в Пакистане в результате государственного переворота и убил законно избранного главу государства – поэтому его власть никак нельзя считать законной.

Препираться на дипломатическом уровне можно было долго – поэтому стороны решили разойтись примерно по нулевой ничьей. Ни Афганистан с Пакистана, ни Пакистан с Афганистана не получали никаких компенсаций, ни СССР ни США не признавались агрессорами либо сторонами, пострадавшими от агрессии. Поскольку в Пакистане отсутствовала законная власть как таковая – страна переходила под управление временной администрации ООН, во главе этой временной администрации встал югославский дипломат. Главным консультантом временной администрации и, что греха таить, наиболее вероятным кандидатом на президент-

ских выборах, которые планировалось провести в стране в течение двух лет – стала дочь убитого Уль-Хаком последнего премьер-министра страны Беназир Бхутто. На все время до президентских выборов – в стране вводилось чрезвычайное положение.

Обеспечивать какое-то подобие порядка в стране должны были войска миротворческого контингента Организации объединенных наций, которые должны были состоять из войск государств, не входящих ни в блок НАТО, ни в блок ОВД. Таких было не так много, основой частей ООН стали солдаты армии Союзной республики Югославия, СРЮ. Они были перевезены в Карачи морем – и уже при высадке вынуждены были вступить в бой с мародерами и исламскими экстремистами, занимавшими сильные позиции в порту. Почти сразу стало ясно, что одними югославскими силами тут не обойдешься и контингент надо немедленно увеличивать.

Тогда же, на заседании Совета безопасности ООН Афганистан и СССР одержали свою единственную, пусть зыбкую – но все же победу. Афганский представитель заявил о праве территорий Пакистана, населенных пуштунами, так называемых «территорий под федеральным управлением» на самоопределение и создание независимого пуштунского государства. Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы включать это заявление в итоговый текст резолюции или даже в коммюнике по пакистанскому вопросу, США мгновенно воспользовались бы правом вето. Но слова были сказаны и все, кто должен был их услышать – их услышали. Потому что договор аренды указанных территорий у Афганистана, заключенный еще между афганской и британской монархиями – истек в одна тысяча девятьсот девяносто четвертом году.

Что же касается Афганистана – то там, после войны и измены большей части Политбюро – партия НДПА была распущена, как полностью дискредитировавшая себя на пути строительства социализма в Афганистане. К власти пришло внепартийное правительство во главе с бывшим полевым командиром Ахмадом Шахом Масудом. Первым же решением на посту председателя правительства, Масуд подтвердил неизбежность социалистического пути развития Афганистана и обратился к Советскому союзу с просьбой оказать помощь в ликвидации последствий иностранной агрессии.

Удивительно – но большей частью афганцы восприняли это спокойно. Масуд был хоть и не пуштуном – но храбрым воином, а здесь это уважали. Партийная грызня в НДПА надоела всем, когда не стало Политбюро – многие вздохнули с облегчением. Пуштуны услышали слова Масуда, когда он пообещал всеми силами бороться за восстановление единства Афганистана – и решили, что с такой властью – им точно по пути, так жестко ни один афганский правитель не выступал вот уже лет сто. К тому же – Масуд объявил свободу вероисповедания и многие этому поверили, в отличие от лицемерных заявления доктора Наджиба. Наджибуллу кстати, так и не нашли – возможно, он погиб, возможно – где-то скрывался.

Естественно, заявления Масуда не вдохновили ни остатки пакистанских властей, ни остатки групп моджахедов. Однако, Пакистан был сейчас слаб как никогда, потеряв армию как хребет, как стержень, вокруг которого строится государство, Пакистан погряз во внутренних дразгах и разборках, а моджахеды были очень слабы. Та «новая армия», которую готовили в лагерях под Пешаваром, была деморализована, частично попала под ядерный удар, а внутренние силы моджахедов в самом Афганистане потерпели тяжелое поражение, рискнув выступить в открытую. Многие банды были уничтожены до последнего человека.

Джекоб Шифт ехал в Афганистан с миссией оценки обстановки и налаживания контактов, утерянных во время войны. Его не ориентировали на длительное залегание, миссия должна была продлиться максимум три недели. За эти три недели он должен был оценить обстановку в стране, прежде всего в Кабуле и Кандагаре, попытаться наладить контакты с агентами ЦРУ в стране и, вне зависимости от успеха последней миссии – проследовать обратно

в Карачи. Там сейчас организовывалась новая опорная резидентура ЦРУ под видом миссии «Врачи без границ⁴», и там он должен был работать как минимум до конца 1991 года...

* * *

Несмотря на журналистские документы, Джекоб Шифт был одет как афганский узбек, правда цивилизованный узбек, в довольно чистую и опрятную одежду. Переоделся он в туалете, в аэропорту, «западную» одежду бросил там же, на радость уборщикам. Одежда, а, особенно обувь – здесь ценились...

Их колонну сопровождали не югославы, а румыны, еще одна страна – пария Восточного блока. Николае Чаушеску хоть и поворчал – но дивизию собственной мотопехоты и еще некоторые части сюда прислал. Усатые, небритые, расхристанные румыны в выкрашенных свинцовыми белилами касках сопровождали колонну автобусов и грузовиков по дороге, идущей на Белу, Сураб, и на Кветту, столицу федеральной территории. Колонна была просто чудовищной – больше пятидесяти одних большегрузных машин ООН в белой раскраске, автобусы, частные машины, разукрашенные как передвижные храмы. На всех на них из охраны было примерно два десятка румын в грузовике Раба и двух бронетранспортерах, примерно таких же, как у русских, но только с тремя осями вместо четырех. Уже сидя в автобусе, Шифт заметил идущих вдоль колонны румынских солдат, им водители давали деньги. Это был способ заработка: машины в белой раскраске ООН ехали бесплатно, но за плату к охраняемому конвою ООН могли присоединиться все желающие, вот почему конвой получался таким большим и разномастным, настоящий цыганский табор на марше. До того, как прибыть сюда – Джекоб знакомился с оперативной обстановкой в регионе и отметил, что румыны, похоже, здесь не столько миротворят, сколько зарабатывают. Генерал румынской армии Анастасие Виктор Стэнкулеску⁵, отправленный Чаушеску командовать миротворческой миссией – открыто ездил на новеньком Даймлере...

На улицах Карачи было шумно и дымно, Шифт заметил, что многие машины выглядят побитыми, а по дороге нет – нет, да и попадаетесь сожженное здание. Адское пламя междоусобицы полыхнуло здесь сразу же: как только все узнали, что убит глава государства и все генералы – народ ринулся жечь и грабить...

На выезде из города они миновали блок-пост, совмещенный с постом дозиметрического контроля: танк, то ли югославский, то ли румынский: мрачные люди в ОЗК⁶ и с автоматами Калашникова, большая арка дозиметра, которые раньше применялись только при таможенном досмотре, огромная очередь на въезд в город, шустрые бачи, ныряющие между машинами и собирающие плату за право пройти по «зеленому коридору» без досмотра, покорные судьбе лица пакистанцев. Джекоб Шифт не знал точно, что здесь произошло, не знал истории пакистанского народа – но решил, что и здесь во всем виноваты Советы. А кто же еще?

Потом они наткнулись на свалку. Во время бунта, больше смахивающего на начало гражданской войны в стране и с трудом подавленного, жители Карачи с удовольствием жгли машины, которые им чем-то не нравились: в итоге в городе остались десятки, если не сотни тысяч сожженных машин. Их вывозили сюда, в несколько километров от города, в пустынную местность и бросали тут, превращая мирный пейзаж в апокалиптическую свалку. Сначала их свозили в порт, вроде как японцы планировали бесплатно вывезти их на металлолом, но потом пустили слух, что машины эти – из зоны заражения, и японцы вежливо отказались. Так и гро-

⁴ Враги без границ, так этих врачей называли в Чечне.

⁵ В нашем мире генерал Стэнкулеску сыграл немалую роль в государственном перевороте в Румынии.

⁶ Общевоинской защитный комплект.

моздилась здесь эта свалка, прирастающая в размерах каждый день – памятником политической ненависти и религиозному безумию.

На обочинах дорог жили люди...

Эти палаточные города простирались километров на двадцать от города по любой дороге, ведущей в сторону от Карачи, единственного крупного города, где поддерживается какое-то подобие порядка, где можно найти хоть какую-то работу или сесть на пароход и уплыть. Куда угодно уплыть, только прочь из этой страны с ее мертвой, не дающей урожаев землей, с ее диким народом, с ее радиацией, убивающей медленно, но верно.

Палатки, контейнеры, какие-то куски шифера, стали, доски, сложенные в безумного вида хижины, дети, полно детей, нищих, голодных, разутых, протягивающих руки к проходящим по дороге машинам – гуманитарную помощь не прекратили разворовывать даже перед угрозой социальной катастрофы. Такова была цена политических решений маньяка у власти. Такова была цена военного угара, охватившего страну. Такова была цена джихада, цена отказа от цивилизации во имя торжества варварства.

Джекоб Шифт вдруг подумал, что все это напоминает ему Апокалипсис. Если и не сам апокалипсис – то его преддверие. Проигранную третью мировую войну.

Когда его отправили сюда – директор ЦРУ, так же как и Шифт ненавидящий СССР до зубовного скрежета сказал ему – вы будете работать на переднем крае. На самом переднем крае. Мы проигрываем войну Советам. Наша страна, наши ценности, весь наш образ жизни, вся западная цивилизация – под угрозой.

Теперь он видел, что это значит на самом деле.

Потом палаточные лагеря и свалки кончились, и пошла земля. Где-то распаханная – но большей частью нищая, урожаев не дающая. Здесь, больше чем на сто миллионов человек – приходилось меньше акра пашенной земли на каждого.

Колонна шла по дороге, встречая другие колонны – пустые, спешащие в порт на погрузку грузовики под белым флагом ООН. Здесь была, без преувеличения – дорога жизни для миллионов людей...

Шли очень медленно. Кое-где останавливались, часть машин уходила из конвоя, часть – принимали.

К утру следующего дня, преодолев примерно несколько сот миль, они прибыли к самому жерлу ада. Погранпереход на границе Афганистана и Пакистана. Южный переход, после прорыва крупных сил моджахедов и пакистанцев афганцы здесь все заминировали, выставили сторожевые посты. Каждый день несколько десятков человек подрывалось на минах в самоубийственной попытке проникнуть в Афганистан – где есть советская помощь и нормальное, пытающееся быть справедливым общество. Ходили слухи, что севернее есть тайные тропы в горах, там людей проводят в Афганистан за большую плату.

Джекоб Шифт заметил ориентир – примерное место, оно было на фотографиях в досье как отправная точка его путешествия в Афганистан. Позиция пакистанского пограничного патруля, пара километров от самой границы, на холме, господствующем над местностью. Там было выстроено что-то вроде опорного поста пограничников, мини-крепость, каменная, с бойницами. Шифт знал, что это одно из любимых мест для посещения высокопоставленными американскими разведчиками во время их визитов в Афганистан: фотографии с этого места были и у бывшего директора ЦРУ Кейси и у нынешнего Одома, и у Збигнева Бжезинского и у конгрессмена Чарли Уилсона, вложившего огромный вклад в финансирование моджахедов и не раз лично бывавшего в Пакистане. По преданиям, ходившим в ЦРУ – особенно неистовствовал здесь Бжезинский: взобравшись на крышу, маленький злобный поляк обратился лицом на Запад и долго что-то орал на смеси русского, польского и английского, потрясая сухоньким кулачком. После того, что произошло в Пакистане – Бжезинский не показывался на людях,

по Вашингтону ходили недобрые слухи, что он проходит лечение в закрытой психиатрической клинике...

Здесь – табор начинался километров за двадцать до таможенного и пограничного поста, дозиметры были везде, их колонна пробиралась в час по чайной ложке, а потом и вовсе встала. Потом они продвинулись вперед на несколько сотен метров – и водитель автобуса заявил, что дальше их не повезет. Дорога и впрямь была перекрыта, лучше туда было не соваться...

В отличие от обычных пассажиров автобуса, Джекоб Шифт путешествовал налегке – с дорожным чемоданом и большим баулом, здесь это было налегке. Стоило ему только сойти с автобуса – как толпа бачат осадила его со всех сторон, бачата вопили, кто-то хватался за чемодан, то ли предлагая помочь нести, то ли пытаясь украсть, кто-то откровенно лез в карман, кто-то протягивал руку, прося о помощи. Вспомнив советы более опытных товарищей, не раз бывавших в таких странах, Шифт разделил все наличные деньги, какие у него были на несколько частей, две тонкие стопки купюр засунул под стельки ботинок, еще две – в нашитые изнутри карманы безрукавки. Туда же сунул и паспорт, и карточку с аккредитацией, и рекомендательные письма, в карманах не оставил ничего. «Деньги» на фарси было «пуль», он знал фарси, и можно было бы бросить горсть медных монет, чтобы отстали – но человек, готовивший его к заброске, и сам не раз здесь бывавший, делать подобное не советовал. Ограбят уже по-серьезному, а то и убьют.

Через это людское месиво он проталкивался только полчаса, чтобы встать в конец изнывающей под солнцем очереди, стоящей к таможенному посту, там, как и везде на востоке, работой себя особо не утруждали. Взглянув в начало очереди, Шифт понял, что стоять придется часа два или три, и беспомощно оглянулся по сторонам. Несмотря на местную одежду у него не было чалмы, и можно было запросто заработать солнечный удар.

– Мистер, мистер! Товарищ! Рафик! Эфенди!

Кто-то назойливо дергал его за рукав. Посмотрев, Шифт увидел стоящего перед ним пацаненка лет десяти. В отличие от других таких же бачат, на этом были *ботинки*, а это само по себе было *признаком*. Ботинки здесь были роскошью.

– What do you want? – спросил Шифт по-английски.

– Афганистан? Афганистан? – пацаненок ткнул пальцем туда, где было начало очереди.

– Yes, Afghanistan.

– Фифти доллар! Фифти доллар – Афганистан. Афганистан – фифти доллар.

Доллары у журналиста Шифта были, но он не хотел их пока светить. Достал две сиреневые банкноты с профилем В.И. Ленина, показал их бачонку. Бачонок моментально сориентировался – показал шесть пальцев. Ага, значит, три советских рубля стоят один доллар, такой курс на границе и скорее всего, в самом Афганистане. И даже в Пакистане знают, как выглядят советские деньги и что они стоят. Интересно, интересно...

Джекоб Шифт отсчитал требуемую сумму и протянул ее бачонку, тот сноровисто, как банковский кассир пересчитал купюры, и спрятал их так быстро, что Шифт не успел понять, куда именно. Потом, вцепившись ему в рукав, потащил из очереди.

Сопровождаемыми усталыми, безразличными, а то и ненавидящими взглядами, они подошли к пакистанскому таможенному посту. Тут пацаненок потащил Шифта прямо в здание поста, и он испугался – там его могли схватить, мало ли что придумают пакистанцы, ведь они в своем поражении обвиняют и Америку тоже. Но они – всего лишь прошли темным коридором, и вышли на ничейную землю между двумя постами.

На афганском посту бачонок о чем-то коротко переговорил с одним из пограничников, судя по звездам на погонах, это был старший лейтенант или что-то подобное, соответствующее звание в афганской армии. Ничего и никого не стесняясь, протянул пограничнику купюры. В разговоре Шифт уловил проскальзывающее «Вроу». Ах вот в чем дело! Вроу – на пуштунских диалектах «брат», значит, старший стоит на пограничном посту, а младший – ищет клиентов

по ту сторону границы. Пятьдесят долларов с клиента – это больше, чем среднее жалование старшего лейтенанта в афганской армии за месяц. Его предупреждали о царящем здесь разложении, причем с обеих сторон – а теперь он столкнулся с этим лично.

Как и прошлый раз – бачонок провел его через афганский пост, никакие документы с него не спрашивали и не досматривали. Вывел – уже на афганскую землю.

– Ташаккор, бача... – поблагодарил бачонка Джекоб Шифт.

– Бамона хода⁷, мистер – отозвался бачонок, и со всех ног припустил обратно, к афганскому посту.

Агент ЦРУ Джеком Шифт только что «порвавший нитку», «инфильтровавшийся», «заброшенный с заданием» в Афганистан за сто пятьдесят советских рублей – вздохнул и пошел вглубь афганской территории. Где-то тут должна была быть стоянка такси, автобусов, или что-то в этом роде, что позволит ему доехать до Кандагара и дальше.

* * *

Пограничник, только что получивший от своего маленького брата шесть сиреневых купюр по двадцать пять рублей, прошел в здание пограничного поста, в узком и темном коридоре столкнулся с советским военным советником, который учил их работе на границе. Шесть сиреневых купюр – незаметно поменяли хозяина...

* * *

Автобусная станция конечно же была. Рядом стоял в беспорядке целый выводок такси, машин пятьдесят, не меньше, но Шифт решил ехать на автобусе. Ему рекомендовали пользоваться именно общественным транспортом, потому что так меньше шансов погибнуть или быть похищенным. Кроме того – он справедливо подозревал, что водители такси, возящие клиентов от самой границы – все как один стучат в ХАД, а в толпе – намного проще затеряться.

В этом он был прав.

На автобусах были надписи, куда они едут – на пушту, на дари (фарси) и к его счастью – на русском, который он знал. Пройдя мимо длинного ряда автобусов – это были советские ПАЗ, венгерские РАБА и чешские Шкода, разваливающиеся на ходу, он нашел автобус, на котором по-русски было написано Кандагар, потом подошел к группе шоферов, куривших около соседнего автобуса. Пушту – а это были пуштуны – он знал, но немного.

– Салам алейкум – сказал он.

– Ва алейкум ас салам... – нестройно ответили водители.

– Ин отобус кей херокад миконад?⁸

– Ен саад, эфенди⁹ – отозвался один из водителей, он говорил не на чистом фарси (дари) а на каком-то диалекте.

– Коджа ман харидан белит?¹⁰

Расставшись с шестьюстами афганцами – довольно дорого – агент Шифт стал обладателем билета, который продал ему один из водителей, здесь все было по-простому. Оставался еще час до отправки – и можно было осмотреться по окрестностям, не слишком, в общем, отходя от автобусной станции...

⁷ Счастливого пути.

⁸ Этот автобус когда тронется в путь? (кабули фарси).

⁹ Один час, эфенди.

¹⁰ Где я могу купить билет?

* * *

Агента ЦРУ Джекоба Шифта сотрудники КГБ СССР взяли под контроль сразу при прохождении границы. Только один из офицеров был в форме – форме пограничных войск, он был военным советником при афганской пограничной страже и контролировал непосредственное прохождение американским агентом границы. Этот офицер находился здесь не просто так: КГБ контролировало здесь «лаз» через границу, которым могли воспользоваться иностранные разведчики – не подозревая, что с момента прохождения лаза они попадают под контроль советской разведки. Деньги, которые ему передал «коррумпированный» афганский пограничник – советский офицер положил в пакет – с очередным вертолетом, он отправит эти купюры в Кабул, чтобы там поискали отпечатки пальцев, возможно, так удастся точнее идентифицировать пришельца. Немаловажно было узнать и то, являются ли эти деньги подлинными, или фальшивыми, напечатанными в лабораториях ЦРУ. Когда прошел обмен крупных купюр – американцы лишились огромных сумм, накопленных в подвалах швейцарских и американских банков для того, чтобы в нужный момент, в сотрудничестве с врагами народа выбросить их на потребительский рынок, вызвав инфляцию. Теперь эти деньги можно было выбрасывать – но советская разведка получила информацию, что американцы наладили печать двадцатипятирублевых купюр, чтобы компенсировать потери. То, что у иностранного агента оказались именно двадцатипятирублевые, пусть и потрепанные купюры – было интересно.

Когда американский агент прошел границу и направился к находящейся тут же стоянке автобусов и такси до Кандагара и даже до Кабула – офицер дал условный сигнал рукой (по-иному было нельзя, не исключено, что с той стороны пересечение границы обеспечивалось радиотехнической разведкой противника, и любой радиовсплеск был бы засечен) выводному – агенту, который должен был начинать слежку. Выводной, одетый как пуштун провел американца несколько десятков метров и остановился, передав его двум другим агентам, сам же он направился к стоявшим неподалеку такси. Один из агентов прошел к автобусам, вслед за американцем, и купил билет на тот же автобус, что и он. У агента были два больших баула с бытовой техникой – он купил ее подешевле здесь, чтобы довести до Кабула и продать там, на базаре с наценкой. Когда пассажиры в автобус набились как сельди в бочку, водитель автобуса, усаженный афганец – этнический таджик – завел двигатель и выехал со стоянки. Проехав примерно с километр, он пристроился к хвосту большой колонны, которая шла в Джелалабад под конвоем Советской Армии. Такие колонны ходили каждый час, место в них стоило недорого, и для торговцев это было намного выгоднее, чем терять товар в нелегальных караванах.

Агент, который купил билет вместе с американцем, сидел сзади, это был невысокий и жилистый, загорелый, бородатый мужчина, обнявший объемистую сумку с товаром, и настороженно смотрящий по сторонам, как будто кто-то хотел отнять у него сумку с товаром. В сумке был дорогой и не слишком крупный товар, так называемые «вокмены», небольшие магнитофоны, которые надо было подвесить на пояс, и они играли музыку со стандартной кассеты, последний писк моды кабульских базаров, на которых стало меньше шурави, но сами афганцы стали жить лучше и покупать больше. Тридцать девять вокманов, которые этот человек купил здесь, в приграничье, ровно тридцать девять и один точно такой же, который он привез с собой и положил в ту же сумку. Потому что где лучшего всего спрятать дерево – как не в лесу.

В нескольких машинах от автобуса к колонне присоединился пикап, в нем сидели еще двое пуштунов...

Ровно в одиннадцать часов по местному времени – колонна тронулась.

Афганистан, Кандагар. Аэродром. 12 июня 1988 года

Аэродром Кандагара, почти полностью уничтоженный во время афгано-пакистанской войны – быстро восстановили, но не до конца. Старое здание управления полетами решили не трогать, построили новое. На нем, почти разрушенном – теперь была грубо сработанная плита из афганского мрамора, на которой были выбиты имена погибших здесь, в жестоком и неравном бою с душманами и солдатами регулярной пакистанской армии. Теперь – это был памятник, и в развалинах – всегда стоял накрытый кусочком хлеба стакан с техническим спиртом, который сливали с самолетов. Это было именно то, что пили покойные при жизни, этим поминали их и в смерти...

Уаз – 469 батальона аэродромного обслуживания выкатил на залатанную военными строителями полосу нечто странное. Это был самолет, размером примерно с Як-52, только без кабины. Тот же самый движок от Яка, длинные крылья, позволяющее самолету дольше оставаться в воздухе, фюзеляж, в котором место пилота занимало топливо. На самолете была разведывательная аппаратура последнего поколения и аппаратура, позволяющая передавать данные (в том числе видеосигнал) либо на самолет – ретранслятор, либо на наземный пост управления, размещавшийся в обычном КУНГе с антеннами.

Это и был аппарат «Ворон», произведенный МОЭПО, Московским опытно-экспериментальным производственным объединением, созданным при поддержке людей из ЦК КПСС на московском заводе «Знамя труда», производящем самолеты Миг. Началось все с того, что несколькими молодым инженерам попал в руки аппарат, который упал в распоряжении сирийских войск в восемьдесят втором году, во время войны с Израилем. Тупая советская привычка все засекречивать обходилась дорого – если бы не настойчивость одного из выпускников МАИ, искавшего тему для дипломной работы – этот аппарат так бы и пролежал в спецхране без толку. Советские инженеры просто не понимали, зачем советской армии нужен разведывательный аппарат, который можно сбить удачной очередью из пулемета – им подавай сверхзвуковой «Ястреб» Туполева, который запускался с четырехосной машины. Урок долины Бекаа, когда благодаря наведению с таких вот аппаратов была наголову разгромлена мощнейшая система ПВО – впрямь не шел... по крайней мере до какого-то момента. Истратив несколько литров спирта, выпускник МАИ все же сумел ознакомиться с примитивным творением израильской военщины и сварганил примерно такой же аппарат – только на восемьдесят процентов состоящий из уже освоенных советской промышленностью компонентов. Защита дипломной работы едва не провалилась. Почувствовав опасность советские «ученые» решили дать бой неопытному в бюрократических баталиях юнцу, который тот обречен был проиграть – если бы об аппарате случайно не узнал инструктор отдела оборонной промышленности ЦК КПСС, заглянувший в МАИ. Председатель Государственной технической комиссии Юрий Дмитриевич Маслюков требовал новых разработок. Спешно организовывался в отдельный род войск спецназ, Комитету государственной безопасности по настоятельной просьбе товарища Алиева передали три мотострелковые дивизии, которые предстояло довести до ума и сделать из них три дивизии войск специального назначения КГБ СССР – все это требовало неких новых подходов к вооружению и оснащению. Дальше – все произошло примерно так же, как с ударным самолетом Скорпион, для производства которых сейчас открыли отдельный цех в Ташкенте. Поездка на Старую площадь, разговор нескольких неопытных юнцов лично с товарищем Маслюковым – и через два дня постановление ЦК КПСС о создании МОЭПО на базе завода в Луховицах с конструкторской поддержкой КБ Яковлева и Микояна. Советская бюрократическая машина была косной и неповоротливой – но в то же время, если счастливицам удавалось добраться до самой верхушки – решения принимались быстро, жестко и правильно. Юрий Дмитриевич, успевший согнать немало толстых задниц с насиженных ими кресел – был не тем

человеком, с которым можно было шутить и саботировать его распоряжения. Все на собственной шкуре убедились – расправа следовала конкретная.

Благодаря тому, что Ворон собирался почти весь из уже освоенных промышленностью узлов и агрегатов – производство удалось пустить через полгода. На последней встрече с молодыми конструкторами, которым работу по Ворону зачили как дипломную – Юрий Дмитриевич посоветовал работать и в направлении гражданской продукции, заметив, что еще Леонид Ильич Брежнев приказал, чтобы на всех военных заводах страны на один рубль военной продукции выпускалось как минимум на один рубль продукции гражданской. В Жуковском в этом году организовывали слет конструкторов – самоделщиков, которые должны были представить свои наработки в области легкой и сверхлегкой авиации – а МОЭПО должно было отобрать самые лучшие конструкции для производства как военных, так и гражданских образцов. Сейчас, на стапелях МОЭПО стояли образцы: Коршун – размером больше, чем АН-2, с бомбами, НУРСами и в перспективе с управляемыми ракетами и Воробей. Этот аппарат должен был перевозиться в машине и запускаться с руки человека. В качестве основы этой конструкции – приняли работу ребят из дворца пионеров.

Первые Вороны прибыли в Афганистан пару месяцев назад и с самого начала заслужили глубокое уважение военных. А ну-ка – идет колонна, а над ней кружит этот аппарат, в колонне идет машина управления, в ней экран и командир колонны видит, что происходит перед ней. Прямо сразу видит, в режиме реального времени! Аппарат может пролететь дальше, осмотреть склон, опасный поворот, место, где часто бывают засады, подозрительный кишлак. Если видно, что впереди засада – тут любому дураку понятно, что делать. Развернули минометы – да и накрыли место засады, корректируя огонь по тому же Ворону, по картинке, которую он дает. Или зеленка. Кружит над зеленой аппарат, авианаводчик смотрит и передает команды летчикам или группе спецназа, действующей в зеленке. Самое главное – увидеть противника прежде, чем он увидит тебя, если увидел – шансов у душманов нет, как нет шансов у любой банды против частей регулярной армии.

УАЗ, бодро фырча мотором, вывел аппарат на полосу, там один из летных техников отцепил водило¹¹. В УАЗе же находилась стартовая аппаратура контроля, ею управлял инженер.

- Предполетный контроль – громко крикнул инженер – питание!
- Есть! – отозвался техник, включая питание вручную.
- Плоскости!

На аппарате зашевелились элероны, которые были здесь как на обычном самолете.

- Норма!
- Хвостовое!
- Норма!
- Тормоза!

Техник нагнулся и осмотрел тормоза.

- Норма!
- Потребители!
- Норма, есть движение!
- От винта!
- От винта выполнил... двигатель запущен!

Двигатель – простейший, питающийся бензином, специально переделанный так, чтобы потреблять его как можно меньше – схватился «с полтолчка», уверенно зажуужал.

- На полосе чисто, предполетный выполнен... вышка!
- Мы вас видим – отозвалась вышка – есть разрешение.
- Управление!

¹¹ Жесткая сцепка, чтобы подцеплять летательный аппарат к машине для буксировки.

– Принято, готовы – отозвался КУНГ, в котором находились «потребители» разведывательной информации. Как только аппарат оказывался в воздухе – управление переходило от группы запуска к группе управления...

– Принял решение произвести запуск. Обороты...

Самолет едва удерживался на месте, готовый сорваться в полет, его удерживали лишь тормозные колодки. Мотор работал ровно и стабильно.

– Полоса!

– Чисто!

– Взлет!

Самолет рванулся вперед, его начало заносить влево по полосе – но инженер парировал это ручкой управления. Пробежав сотню с лишним метров, аппаратик оторвался от земли и начал набирать высоту, превращаясь в едва заметную точку в небе...

– Так... запуск... шестьдесят три... успешно, без претензий – инженер заполнял журнал летной работы – иди, распишись. На сегодня, наверное, отмучались.

– Наверяд ли... – техник служил здесь больше, чем инженер и чувствовал обстановку по только ему известным признакам – какая-то ерунда серьезная делается, если ретранслятор подняли. Не дадут нам сегодня покоя...

Самолетик, который запустили с Кандагарского аэродрома, покачиваясь в восходящих воздушных потоках, спиралью поднимался над городом. С левой плоскости уже была видна плотина ГЭС Суруби, которую тогда чудом удалось уберечь от подрыва, видна были и нитка дороги Кандагар – Кветта, запруженная транспортом. Заняв положенный эшелон, самолетик завершил последний при наборе высоты круг и полетел на восток...

Воздушное пространство Афганистана. Борт самолета Ан-12РТ 86 ОДРАЭ. Операция «Сеть». 12 июня 1988 года

Окрашенный в светло-серый цвет четырехдвигательный Антонов-12РТ, выделявшийся среди других самолетов уродливыми наростами антенн по бокам – неспешно описывал круги над пустыней, стараясь держаться на максимально выгодных с точки зрения экономии топлива высоте и скорости полета. Официально – это был самолет – ретранслятор, призванный обеспечить надежной связью все отряды и группы, действующие в приграничье, а так же нормальную связь с Кабулом джелалабадской группировки. На самом же деле – самолет принадлежал к восьмьдесят шестой отдельной разведывательной эскадрилье и функции его были несколько шире...

– Береза, Береза, я Купол два, Купол два. Аппарат семь вошел в зону, мы его видим. Передавайте управление, передавайте управление.

– Купол два, передаю управление, все системы стабильны, до передачи пять четыре три два один – управление передал.

– Береза, управление принял.

Оператор на борту модернизированного Ан-12РТ покачал штурвалом, чтобы убедиться в том, что самолетик слушается – и показания авиагоризонта и других приборов подтвердили, что самолет перешел под воздушный контроль.

Управление беспилотным аппаратом с борта большого самолета было для советской военной науки и практики совершенно новым направлением – да и не только для советской. Во Вьетнаме американцы использовали небольшие самолеты – они запускались либо с земли, либо с борта С130, почти такого же турбовинтового транспортника. Разница была в том, что они летели по раз и навсегда заданному маршруту и не могли отклониться от него – а тут нужно было реализовать именно управление. Но это реализовали – в войска поступили уже три Ан-12РТ, модернизированных для управления беспилотными аппаратами с воздуха, на каждом из них было по два операторских места для управления беспилотниками. Уже были отработаны все элементы управления – и даже такие сложные, как взлет и посадка на аэродром по управлению с воздуха...

Поскольку дистанционное управление летательным аппаратом требует большого объема передаваемой информации – управление осуществлялось при помощи нескольких стандартных авиационных приборов, которые были установлены на Ан-12РТ и на которые передавались показания с Ворона и с помощью модернизированной РЛС. Она видела маленький беспилотный самолетик по установленному на нем радиомаяку и позиционировала его на карте местности, заранее загруженной в память управляющей ЭВМ. Взлет и посадку можно было осуществлять по визуальному каналу – то есть можно было на отдельном телевизоре видеть картинку с установленной в носу камеры – но в таком случае, терялась возможность получать разведывательную информацию, система просто не могла пропустить одновременно два потока информации. Впрочем, году к девяносто второму им обещали беспилотные аппараты нового поколения – способные держаться в воздухе до двадцати четырех часов. Сейчас было десять.

– Управление, системы стабильны, управление взял.

– Оператор, приступить к поиску, использовать радиоканал.

– Есть.

Перед оператором управления БПЛА были стандартные органы управления от легкого самолета, которыми он манипулировал, был телевизионный экран для получения картинку и что-то вроде экрана РЛС – для получения картинку уже в радиолокационном поле. Система

боевого документирования не только записывала сигнал с обоих каналов – но и могла передавать его в штаб на земле в реальном режиме времени.

На экране РЛС не было ничего кроме зеленой мути – это и впрямь был экран от РЛС, но модернизированный для того, чтобы искать цели на земле, цели, отмеченные радиомаяками. Оператор повел аппаратик вдоль дороги – и его усилия почти сразу были вознаграждены ярко-желтой, пульсирующей точкой, появившейся на экране.

– Управление, есть радиокontakt, контакт устойчивый, помех нет.

– Приступить к сближению.

Оператор перенаправил самолетик так, чтобы желтая точка была в самом центре экрана, потом развернул самолет и включил видеоканал. Беспилотный аппарат шел на высоте около полутора тысяч метров, день был солнечным – и чтобы увидеть его, нужно было смотреть в небо и знать, что он там.

– Сближение завершено, визуальный канал... есть визуальный канал. Даю увеличение...

Аппаратура, которая была установлена на беспилотном аппарате – была разработана Ленинградским оптико-механическим объединением и в своей основе имела наработки для самолета М55 Геофизика, который уже сходил со ступеней КБ Мясищева для летных испытаний. Это был высотный разведывательный самолет, предназначенный примерно для тех же целей, для каких был предназначен знаменитый U2, сбитый под Свердловском. Тогда советские военные эксперты предположили, что такой самолет не будет нужен, потому что он уязвим для вражеских ракет ЗРК – и жестоко ошиблись. Сейчас U2 активно переделывались в самолеты мониторинга наземной обстановки и передачи информации – то есть эти самолеты должны были контролировать «свою» территорию и обеспечивать передачу разведывательной информации наземным силам в реальном времени. Учитывая сложности с бандитизмом во многих странах, идущих по пути социализма, проблемы в Афганистане – сверхвысотный разведывательный самолет, способный длительное время контролировать территорию с огромной высоты и передавать данные в наземные штабы немедленно – нужен был и Советской армии. Постановлением Политбюро ЦК КПСС в обязанности мясищевского ЭМЗ¹² и смежников вменялось представить самолет с характеристиками, аналогичными U2 последних модификаций к испытаниям не позднее первого квартала девяносто первого года.

– Есть визуальный канал, есть максимальное приближение. Приступить к опознанию.

Линзы, которые были поставлены на этот БПЛА – были одним из того немного, что в аппарате было не советское. Завод в Йене, ГДР, знаменитый Цейс. Пока что советская промышленность не могла давать линз, через которые можно читать газету с расстояния в несколько километров. Хотя комплекс по производству таких линз с лазерной микрошлифовкой – в Ленинграде строился.

– Есть опознание. Это автобус, объект находится в автобусе.

– Совпадает, опознание завершено. Взять под контроль.

– Есть.

– Экран, Экран я Купол два, Купол два. Объект взят под контроль западнее Спинбулака, продвигается по направлению к городу в транспортном средстве. Сеть наброшена, повторяю – сеть наброшена.

– Вас понял, Купол два. Продолжайте операцию.

¹² Экспериментальный механический завод.

Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР. 12 июня 1988 года

Авиабазы в Баграме, основная военная авиабаза в Афганистане с великолепной взлетной полосой, построенной американскими инженерами – в середине восьмидесят девятого года была передана, вместе со всей прилегающей территорией, в ведение только что сформированных Войск специального назначения Министерства обороны СССР. Планом предусматривалось создание здесь постоянно действующего учебно-тренировочного и оперативного центра для отработки действий в условиях горной и пустынной местностей. Этот центр должен был здесь остаться как военная база даже тогда, когда все остальные советские войска уйдут из Афганистана в связи с замирением и утратой необходимости в оказании интернациональной помощи. Уроки, полученные во время «примирения» и последующей вооруженной агрессии государства Пакистан – были поняты и усвоены.

В зале боевого управления Экран – 1 перед монитором, на который картинка передавалась с самолета – ретранслятора через кандагарский узел связи – стояли несколько человек. Выделялся среди них хорошо всем известный Герой Советского Союза, генерал-майор Валерий Востротин, который стал первым командующим войсками специального назначения Советского союза. Едва ли не самый молодой генерал во всех вооруженных силах СССР, Валерий Востротин прошел Афганистан от и до, участвовал в штурме дворца Тадж-Бек, схватывался с бандитами в зеленке чуть ли не в рукопашную, командовал воинскими частями во время проведения знаменитой Магистральной. Несмотря на то, что он ни дня не прослужил в спецназе – части спецназа, которые впервые за все время существования могли не скрываться под вывесками «отдельных мотострелковых рот» или ПСС-ников¹³ – спецназовцы приняли его как командира, признали. Командиром он был жестким, но справедливым, не терпел дедовщины, особое внимание приказывал уделять тренировкам на местности с боевыми стрельбами. В состав инструкторов спецназа выделили несколько человек из спецназа ГРУ ГШ¹⁴, которые отслужили в спецподразделениях НАТО¹⁵ и ставили тренировочный процесс.

Рядом с ним стоял один из его замов – в форме подполковника – авиатора, у него никогда не было другой, официально он и служил в авиационном полку. Звали его Иван Васильевич и по слухам – он то, как раз и умудрился отслужить то ли в британской, то ли в австралийской САС. Иван Васильевич сейчас отвечал за тренировочный процесс в спецназе и работу с пополнением. Иван Васильевич свое особое положение в вооруженных силах подчеркивал окладистой бородой – по уставу офицер должен быть опрятен, а значит – чисто выбрит, максимум – носить усы. Но в поле это правило не соблюдалось, все зарастали бородами. И в САС – тоже многие носили бороду.

Третьим был варяг – человек, отвечавший за учебный процесс в войсках спецназа КГБ СССР. После того, как Председателем Президиума Верховного Совета СССР стал генерал госбезопасности Алиев – он добился немыслимого ранее – КГБ выделялись целых три армейские мотострелковые дивизии. До этого – КГБ на пару с МВД «владело» в Москве лишь ОМСДОН – отдельной мотострелковой дивизией особого назначения, дивизией Дзержинского. Сейчас дивизия Дзержинского была полностью передана МВД, спешно организовывались ОМОН,

¹³ Поисково-спасательная служба.

¹⁴ Спецназ ГРУ ГШ оставался – но был сокращен по численности. Разница была в том, что СПН ГРУ был нацелен на разведку в глубоком тылу противника, поиск и уничтожение мобильных ядерных пусковых установок – а ВСН МО СССР были общевойсковыми, но подготовленными на предельно высоком уровне.

¹⁵ По слухам было и такое – спецназовцы ГРУ под чужими именами заключали контракты и служили в спецподразделениях НАТО, чтобы выявить уровень подготовки и тактические приемы.

отряды милиции особого назначения для борьбы с особо опасными преступниками, организованной преступностью, массовыми беспорядками и проявлениями террористического характера, а КГБ, получив три общевойсковые дивизии, спешно создавал инфраструктуру для создания на их базе спецназа КГБ СССР. В Западной Германии и Франции спешно, через Финляндию закупалось спецоружие и снаряжение, в нескольких местах Советского Союза, в том числе на Иссык-Куле строились военные городки и пункты постоянной дислокации спецназа, перетряхивался, *укреплялся* личный состав дивизий – ставленники Алиева в КГБ пообещали новоиспеченным спецназовцам, что через два года максимум каждый офицер, которого оставят в спецназе, получит благоустроенную квартиру. Силовые министерства Советского Союза спешно вооружались, то ли против врага, то ли против друг друга, создавалась система сдержек и противовесов. Но в чем-то – это было хорошо, спецназ, доселе неизвестный и забытый, стремительно выходил из тени, и начальник строительства центра на Иссык-Куле, выходец из Вымпела, известный как «Товарищ Бек» щеголял новеньким западногерманским MP5K, который он носил по-пижонски, на груди, как немец. Это видимо, должно было показать заскорузлой армейской махре возможности КГБ по вооружению личного состава.

Четвертым – был старший офицер КГБ по имени Владимир Дмитриевич – он прилетел утром вместе с товарищем Беком. Его звали только по имени и отчеству, ни фамилии, ни воинского звания, ни должности его никто не знал.

Все трое стояли перед монитором и наблюдали за въезжающим – за несколько сотен километров отсюда – автобусом в город Кандагар...

– Первая пташка... – задумчиво проговорил Востротин, проводя рукой по саднящему от дурной бритвы подбородку.

– Будут и другие – заметил Иван Васильевич – от нас тут не отстанут...

– Установили, кто он? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Востротин.

– По нашим данным, это американец – сказал Владимир Дмитриевич – здесь под легендой журналиста.

Востротин ему не поверил – что-то эти кагэбешники насторожены, как собаки легавые на осеннем гоне. Если и американец – то не простой. Неужели – внедряют резидента? Но если так – то почему ему приказали держать под парами две группы захвата, одну в Кандагаре, другую – в Кабуле? Если это резидент – его надо тихо отслеживать вести, радоваться тому, что он попал под контроль с самого начала, смотреть, кто вступает с ним в контакт и с кем вступает в контакт он. Отслеженный резидент – это актив разведки, если его просто взять – пришлют другого и все, а этого на кого-нибудь обменяют. А ведь здесь, в Афганистане – захват может закончиться трупам, в том числе и трупом самого резидента. И что с этим делать?

Нет, нечисто что-то, нечисто...

Автобус медленно пробирался по запруженным людьми улицам южной части города, направляясь к автобусной станции и стоянке такси. Беспилотный аппарат следовал за ним как привязанный, он шел на минимальной скорости – но автобус и вовсе продвигался вперед со скоростью пешехода, отчего аппарат был вынужден выписывать огромные круги – восьмерки в воздухе, чтобы постоянно держать автобус под контролем...

– Сколько еще времени аппарат продержится в воздухе?

– Смена через три часа – ответил оператор КГБшнику, он не знал его звания и не мог обращаться по званию – в крайнем случае, поднимем еще один самолет и еще один ретранслятор, вот и все...

– Он остановился – констатировал оператор в центре Экран.

– Автобус остановился. Контролируем – раздался голос офицера управления с Ан-12РТ, позывной Купол – два.

– Купол два, это экран, внимание на картинку.

– Есть.

Из автобуса выходили люди. Почти одинаковые, с сумками, с баулами. В правом верхнем углу экрана бежали цифры – отсчет оперативного времени...

Кандагар, Афганистан. 12 июня 1988 года

– Бебахшид! Бебахшид¹⁶!

Афганец, толкнувший его у автобуса, отскочил в сторону, приложил руку к груди.

Джекоб Шифт молча отступил в сторону, машинально проверил, остался ли в нагрудных карманах паспорт с деньгами. Его предупреждали, что на Востоке полно карманников.

Паспорт был на месте. Деньги – тоже.

Таскаться с сумками по городу было неудобно, но делать было нечего, он не собирался заселяться в отель здесь. Ему надо было просто оставить здесь несколько меток, остальным займутся другие.

На улицах, несмотря на очень серьезные разрушения, было шумно и оживленно. Стояли самосвалы, старые, афганские и новые советские Зилы, афганцы работали – у кого-то автомат за спиной, кобура с пистолетом – но тоже работали, где-то разбирали, где-то строили, где-то работали с песней, где-то без – но работали. Торговали дуканы – базар был за городом, основные покупки делали там, а тут покупали покушать. Шифту пришло в голову, что это сильно отличается от того, что он увидел в Карачи – разгромленный, озлобленный город. Он вдруг понял, чего он не увидел в Карачи – работы. В Карачи никто не работал, не пытался ничего восстановить. Как будто город этот был – не их.

Несколько раз проверившись – за ним никто не следил – он вышел к площади пушек – она чудом не пострадала при бомбардировках и боях, ее охраняли обе стороны. Рядом была барахолка – шумное, тесное место, которое по преданиям работало даже во время боевых действий. Вдохнув воздуха, как пловец перед прыжком в воду – Джекоб Шифт нырнул в толпу.

Человек, которого он должен был активизировать – находился в ряду, где торговали коврами. В этом ряду – коврами была застелена все проходы между торговыми местами, потому что в этой части света ценятся вытоптанные ковры. Человек, который ему был нужен – владел целым дуканом, он сейчас был открыт и не пострадал от бомбардировок. У этого человека дочь вышла замуж в США, он работал за то, что американцы дали гражданство ей и пару грин-карт еще другим его родственникам. Сам он ничего не просил – здесь многие смирились с тем, что умрут на афганской земле, и умрут очень скоро.

Стоило ему только остановиться у прилавка – как к нему подскочил бачонок – зазывала, громкоголосый, босоногий, в каком-то рванье. Ни один покупатель здесь не оставался без внимания...

– Я хочу видеть эфенди Карима – сказал Шифт, проговаривая каждое слово.

Эфенди Карим вышел из задов дукана, осанистый, чернобородый, в волосах серебром проскальзывала седина. Он посмотрел на гостя, одетого как жители севера, таджики, на его только что отрошенную бороду – и сразу все понял.

– Я пришел издалека и путь мой был долг и труден – произнес Шифт заранее оговоренную фразу, подтверждающую его принадлежность американской разведке.

– Заходи, незнакомец – ответил дукащик Карим – будь моим гостем и узнай, что такое восточное гостеприимство...

* * *

Его провели на второй этаж дукана – тут вместо стекол оконные проемы были заделаны картоном, виднелась свежая кладка из местного кирпича. Это показывало обстоятельность и

¹⁶ Простите (дари).

состоятельность владельца дукана – у многих не было денег, чтобы привести свои жилища в порядок.

Рядом с заделанным картоном окном – прямо на полу был накрыт достархан.

Хозяин подождал, пока гость неуклюже поджав под себя ноги устроится за достарханом, потом сел и сам. Налил гостю горячего чая с молоком в нечто, напоминающее пиалу – чай здесь пили именно так. Это было выражением дружелюбности и гостеприимства. Протянул плоскую, пресную, свежую лепешку.

– Нун бухор, джахонгар¹⁷

– Ташаккор, эфенди Карим.

Шифт поблагодарил хозяина дома, приложив руку к груди, как благодарили в Узбекистане, потом осторожно поднес пиалу к губам. Чай был горячим и жирным, почти как бульон, молока было много, и оно было не коровьим. Возможно, козье, здесь много коз.

– Я пришел, чтобы передать вам привет от Джамили, эфенди Карим... – начал разговор Шифт.

Джамилей как раз и звали дочь Карима, которой дали американское гражданство. Она жила в Лос-Анджелесе, муж бросил ее с двумя детьми. Работала в Макдональдсе.

Джекоб Шифт положил на достархан фотографию, два чернявых мальчишки и какой-то мультипликационный герой, кажется утенок Дональд. Снимок был сделан во время посещения Диснейленда, посещение оплатило ЦРУ. У самой Джамили – на это не хватило бы денег.

Дукандор Карим взял фотографию, какое-то время смотрел на нее, лицо его ничего не выражало, глаза были сухи как колодец в пустыне. Потом он спрятал фотографию за безрукавку.

– Благодарю тебя, путник, за добрые вести о моей семье.

– Благодарить следует не меня – намекнул Шифт.

– Благодарность за добро – известная черта нашего народа – сказал дуканщик Карим – и за зло тоже.

Шифт не понял, к чему были последние несколько слов, и решил, что пора переходить прямо к делу.

– Моих друзей интересует – остались ли у них еще друзья в этом городе?

– Друзья остались... – сказал дуканщик Карим – те, кто остались в живых. Но их дружеские чувства сильно подорваны.

Шифт улыбнулся.

– Не далее чем через месяц, к вам в дукан придет человек и купит самый большой и красивый ковер, какой только будет висеть в этом дукане. И самый дорогой.

– И что этот человек захочет узнать?

– Последние новости, эфенди Карим, как всегда. Последние новости. Моих друзей всегда интересуют всяческие новости...

Дукандор Карим немного подумал. Потом – решительно достал из-за отворота безрукавки фотографию внуков, и вернул гостю.

– Боюсь, новости будут не слишком хорошими, путешественник. И боюсь, в моем дукане не найдется столь хорошего ковра, чтобы угодить твоему другу.

Шифт посмотрел на фотографию. Потом на дукандора, который сидел, недвижимый, как китайский божок.

– Мои друзья будут очень расстроены, эфенди. Очень расстроены.

Дукандор пожал плечами.

– Иншалла.

– Настолько расстроены, что...

¹⁷ Кушай хлеб, путешественник (в значении угощайся).

Шифт оборвал фразу, чтобы она звучала многозначительно. Несказанное слово – твой раб, сказанное – твой господин. Лицо дукандора по-прежнему ничего не выражало.

– Путешествуя по Афганистану, соблюдай осторожность, незнакомец – сказал, наконец, дукандор – Афганистан стал слишком опасным местом для гостей. Особенно, гостей издалека.

Шифт сунул руку за отворот своей безрукавки, достал какую-то купюру, бросил на достархан, расплачиваясь за стол, за который он был приглашен в качестве гостя. Это было тщательно рассчитанным оскорблением.

– Я непременно последую вашему предостережению, эфенди. Но не забывайте и вы следовать ему же.

* * *

Выходя из дукана Джекоб Шифт ожидал увидеть все, что угодно – не слишком усердно прячущихся соглядатаев, направленные на него стволы автоматов – но ничего этого не было. Все так же кричали и хватали прохожих за рукав бачата – зазывалы, все так же хазарейцы со своими телегами тащили неподъемную ношу, стуча деревянными подошвами сандалий по земле, все так же сидели важные дукандоры, несуетно и уверенно смотря на мелькающих перед ними людей. Дукандор не сдал его. И не сдаст. Потому что его провал – будет означать смерть и для него самого. За измену здесь, как и во всех государствах под советской пятой – карают особенно строго.

Шифт, повесив одну из сумок на ремне на бок – поплелся к автобусной стоянке.

Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР. 12 июня 1988 года

– Вот он! Есть сигнал!

– Есть условный сигнал от агента – подтвердил и оператор Купола – два – контакт установлен, есть сопровождение. Сопровождение устойчивое.

Несколько человек, стоящих в зале боевого управления Экран – вслед за иностранцем прошли от автобусной станции до рынка, увидели то, как он остановился около одного из дуканов – а потом и зашел внутрь.

– Что там? – спросил кагэбэшник.

– Через ХАД пробьём – ответил Иван Васильевич – через пару часов будет результат.

– Через ХАД – не надо! – резко ответил кагэбэшник – мы сами!

Все трое понаблюдали за тем, как агент садится в автобус до Кабула, потом все трое вышли из зала, предоставив текущую работу операторам станции слежения. Востротин ушел еще раньше...

* * *

ППД «Экран – 1» брал свое название от легендарного в Афгане позывного «Экран», который был присвоен штабу сил специального назначения при штабе ОКСВ. Сейчас так назывались все пункты дислокации групп спецназа – Экран и порядковый номер. Баграм был Экраном – один, станции слежения располагались на возвышенности – и от них можно было наблюдать ту грандиозную картину, во что превратился ранее безраздельно отданный авиаторам аэродром, который во время вторжения пакистанской армии превратился в опорный центр всего ОКСВ, при сдаче или разрушении которого – кампания была бы полностью проиграна.

Укрепления спецназа – начинались сразу за ангарами и шли к горам, настолько, насколько хватало глаза. Спецназ зарывался в землю – Хост, Джелалабад, другие места, находящиеся под постоянным обстрелом – учили осторожности. Одновременно в нескольких местах работали экскаваторы – работы по выемке земли продолжались и сейчас, что-то то строили, то перестраивали. Заглубленные казармы – пусть не совсем уютно, но выдержит прямое попадание мины 120 миллиметрового миномета. Перекрытые в несколько накатов ходы сообщения, убежища. Зарытые на несколько метров под землю емкости с топливом, питьевой водой. Закрытые капониры для техники. Минометные позиции.

Особую гордость представлял тренировочный комплекс – с недавнего времени такие приказали копать везде, и не только в спецназе, в спецназе командовал «грунтовыми работами» Иван Васильевич. Заглубленный тир со стометровой директрисой, еще один – специально для отработки упражнений с ведением огня на триста шестьдесят градусов, лабиринты, глубиной по несколько метров с внезапно появляющимися мишенями, учебные пещеры и даже здания, с комнатами, вырытыми в земле, которые тоже надо было брать штурмом. Раньше все это проходили в Чирчике, и то не так, в основном напирали на общефизическую подготовку, выносливость. Теперь подготовка в Чирчике сократилась с шести месяцев до месяца, остальные пять месяцев готовили уже здесь, с упором на огневую подготовку. По просьбе министерства обороны для спецназа изменили срок службы – теперь служили не два года, а три, как в морфлоте. И первый год – был почти непрерывным обучением.

Гул стрельбы был почти непрерывным, это было звуковым фоном, на который никто не обращал внимания. Тренировки проводились в таких вот ямах и лабиринтах, это глушило звук, но не совсем.

Трое – двое гэбэшников и бывший САСовец – остановились у одной из таких ям, это назвалось «лабиринт».

– Сами-то строитесь? – спросил САСовец.

– Первую очередь уже пустили – ответил товарищ Бек – теперь только самые трудоемкие объекты остались. И жилье... как всегда в последнюю очередь.

– Обещают?

– Да у меня есть. У нас вроде для личного состава ДОСы¹⁸ цивильные делают, а для инструкторов вроде как отдельные коттеджи, как у американцев.

– Да уж... гэбье бездомным не останется... – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Иван Васильевич...

Товарищ Бек хлопнул рукой по висящему на груди автомату.

– По Сеньке и шапка...

Несмотря на то, что товарищ Бек был киргиз – по-русски он разговаривал лучше любого русского.

– Проверим? – принял вызов бывший САСовец.

– Это всегда можно...

– Подполковник... – начал москвич

– Размяться не помешает – заявил Бек – пока этот агент до Кабула едет, все равно ничего не будет.

Иван Васильевич из этого короткого диалога сделал вывод, что второй москвич выше званием, полковник, а скорее всего – уже в генеральских лампасах. Но Бек, которого в Афганистане отлично знали как бывшего военного советника пятого управления ХАД, одного из создателей афганского спецназа – ему напрямую не подчиняется. Спецназ КГБ вообще был как бы выведен в отдельное управление – потому что любой приказ относительно спецназа КГБ проходил под кодом 00 – два нуля, совершенно секретно, никто точно не знал схему управления. Подчинялся он то ли непосредственно Председателю КГБ, то ли бери выше – Председателю Президиума Верховного Совета. Финансирование спецназа КГБ проходило закрытой строкой не только в государственном бюджете – но и в бюджете самого КГБ. Но судя по словам Бека – сходу ДОСы начали строить, да еще коттеджи для офицеров – финансировали их изрядно.

Они спустились по вырубленным в каменистой земле ступеням, в один из стрелковых комплексов для быстрого прохождения. Семиметровый вырытый взрывчаткой и экскаваторами котлован, препятствия, сложенные из старых самолетных покрышек, от десяти до тридцати мишеней, прохождение на время и на точность, огонь почти в упор. Совершенно не похоже на то, как сдают стрелковые упражнения офицеры – 25 метров дистанция, стрелковая стойка, стрельба с одной руки, зажмурив глаз. Афганистан научил многому, сейчас был не сорок пятый.

Товарищ Бек привел в боевую готовность свой «фашистский» автомат. Иван Васильевич разжился АКС-74У, стандартным оружием советского спецназа для ближнего боя. Инструктор «накрыл» мишенную обстановку на двадцать мишеней...

Конечно же, победил Бек. Несмотря на свой внешне непритязательный вид – этакий замурзанный хазарец-монголоид – это был профессионал высочайшего класса, сначала постигавший науку диверсионной войны в Балашихе, а потом – в трех спецкомандировках в Афганистан. Причем все эти три спецкомандировки он провел на самом последнем крае, сначала воевал сам, в крайней – уже инструктором афганского спецназа ХАД, пятого управления. Именно они – взяли-таки здание министерства обороны Афганистана во время мятежа, и столько успели натворить в городе. Сейчас часть из них примирилась с новой властью – нака-

¹⁸ Дома офицерского состава.

зывать их смысла не было, если всех наказывать некому будет воевать, часть – просто скрылась с оружием, часть – стала костяком террористических организаций, действующих в Афганистане в настоящее время...

Да и оружие его – западногерманский MP5, который был принят на вооружение во всех странах НАТО, которым пользовались американская Дельта и Морские львы – для такой операции был лучше, чем *огрызок*.

– Шустрый ты... – Иван Васильевич восстанавливал дыхание, все-таки он уже был стар для активных действий, под пятьдесят, в САС с оперативной работы убирают в сорок лет, как сорок – так либо на штабную работу, либо на пенсию. Несмотря на слухи, он не служил в САС, хотя не раз сталкивался с ними во время совместных учений и оперативных действий. Иван Васильевич получил боевой опыт в Иностранном легионе Франции, в Африке, попасть туда было гораздо проще, чем в любое другое спецподразделение, а подготовка – такая же, как в НАТО. В Легионе его знали как Казимира Поплавского, поляка по национальности, сына беженцев из коммунистической Польши, осевших в Австрии. Последние звание и должность Казимира Поплавского в Иностранном легионе – сержант – шеф, второй парашютно-десантный полк, первый батальон, взвод глубинной разведки. Со своим взводом Казимир Поплавский за девять лет службы побывал в четырнадцати странах мира, в основном африканских, участвовал в подавлении восстания даяков. Официально, в Легионе он числился погибшим во время боевой операции в Африке.

– Гэбье есть гэбье – улыбнулся товарищ Бек – спуску никому не дадим.

От кунгов зала боевого управления бежал посыльный.

– Товарищ полковник! – обратился он к Ивану Васильевичу, потому что знал только его – цель отследили. Товарищ из Москвы просил вам это сообщить.

Афганистан, местность западнее Кабула. ППД «Кабул-1». 12 июня 1988 года

Белобрысый, очкастый солдат, изнывающий от духоты КУНГа в полевой форме – раздеваться до пояса можно было лишь офицерам – оторвался от черно-белого экрана, на который смотрел, как верующий на мироточащую икону, радостно доложил.

– Товарищ гвардии капитан, объект от кандагарской зоны приняли, картинка пошла.

Гвардии капитан Мельниченко, невысокий, усатый, с излишним весом и дурным характером поставил на стол, край которого был освобожден от карт и прочего нужного в деле воздушной разведки стакан с горячим чаем. Чай только что вскипятили, с помощью заводского, а не самодельного кипятильника в литровой банке. Если бы кто-то из старших офицеров увидел в этом кунге кипятильник – не миновать наказания.

Но и без чая – крепкого, с травами, исходящего ароматным парком – здесь служба не служба.

– Что на картинке?

– Автобус, товарищ гвардии капитан. Тот самый.

– Точно тот самый?

– Его до этого с земли вели. Указали точно, маяком.

Мельниченко оставил недопитый чай остывать, подошел к экрану.

Экран представлял собой стандартный советский телевизор, который кто-то разметил тонкими, едва заметными полосами с обозначением – что-то вроде грубой системы ориентирования и наведения. Телевизор был не один – их было четыре на каждом рабочем месте, и можно было выводить либо общую картинку на все, либо по отдельности на каждый свою. Все это – тоже результат «творчества юных» на выставке «НТТМ-87¹⁹», как и многое другое. Научно-техническое творчество теперь курировал сын Председателя Президиума Верховного Совета, товарища Алиева – и молодые с таким высоким покровительством получили невиданные ранее возможности – возможности конкурировать со знаменитыми КБ и предлагать совершенно секретные разработки для армии. Девять из десяти разработок были откровенной, наивной глупостью. Десятая – как например ударные самолеты «Скорпион» или система разведки «Ворон» – была прорывом.

На экране – была дорога. Та самая, на которой гвардии капитан неоднократно бывал, и которую не хотел больше видеть. Наскоро восстановленная после войны, узкая, опасная, перегруженная дорога Кандагар – Кабул с горелыми остовами бронетехники, спихнутой наскоро с дороги, ее вывозили, но оставалось еще много. По дороге, в числе прочего транспорта, ковылял перегруженный, с узлами на крыше, старый автобус, в котором находился объект. По крайней мере, маяк, выполненный в виде радиоприемника, сигнал от которого улавливался разведывательным самолетом – говорил о том, что агент до сих пор там.

– Долго еще до Газни?

Оператор посмотрел на карту.

– Примерно пять километров, товарищ гвардии капитан. Они почти приехали...

Интересно – куда направляется гость? Сюда? В Кабул? Куда-то дальше?

– Продолжай наблюдение. И веди журнал, как положено.

– Есть, товарищ гвардии капитан...

Мысли Мельниченко ушли в сторону – с дела, конечно же, на баб. Говорили о том, что решением Политбюро Ограниченный контингент советских войск в Афганистане к первому

¹⁹ Научно-техническое творчество молодых – 87.

июня девяносто первого года должен быть сокращен еще на пять тысяч человек. Если это так – то, скорее всего, вот этих щеглов на аппаратуре, которых подбирали по всему Союзу как радиолюбителей, желающих и отслужить в Афгане, и не ходить на боевые – заменят вольнонаемные. Скорее всего, бабы. С бабами в Афганистане до сих пор было тяжело, лишь офицер от майора и выше мог твердо рассчитывать на обеспечение ППЖ, походно-полевой женой, остальным оставались лишь чекистки. Чекистки – это не достойные продолжательницы дела Феликса Эдмундовича Дзержинского – а бабы, которые приехали в Афган, и занимались проституцией за чеки. Противно, общественные плевательницы, но в его положении выбирать не приходится. А если этих щеглов заменят вольнонаемными – то в его распоряжении будут как минимум четыре бабы.

*Если б я был султан, то имел трех жен...
И тройной красотой был бы окружен...*

– Чего-чего?

Капитан неловко дернулся и едва не сшиб со стола самодельную кружку с недопитым чаем. Дверь центра наблюдения была открыта, и наголо бритый офицер в эксперименталке недобро смотрел на него.

– Товарищ гвардии майор...

– Отставить – заявил майор, протискиваясь в душную тесноту КУНГа – припухаешь тут от безделья, как я посмотрю. Султан невзье...ный.

– Никак нет, товарищ гвардии майор, объект взят под контроль в пяти километрах от Газни, сопровождение устойчивое. Доложил гвардии капитан Мельниченко!

– Показывай... Мельниченко.

Майора стоило бояться. Прибыл он совсем пару месяцев назад, по документам – десант, десантно-штурмовой батальон. На самом деле – командование специальных операций, с ним несколько таких же волков. Вечером, во время показательных – майор шутя опрокинул на землю зама по физподготовке полка, который был по размерам в полтора раза больше его. Сейчас, под его чутким руководством, солдаты мотострелкового полка проходили усиленную физическую и огневую подготовку, строители недавно закончили строительство огневого комплекса – огромной ямы с мишенями, где проходила спецподготовка. Судя по интенсивности занятий с обычным мотострелковым полком, состоящим из призывников, по направленности этих занятий – готовилось что-то недоброе...

Вместе с майором, которого тут почему-то звали «эсэс» они подошли к экрану, на котором был нужный автобус. Автобус уже въезжал в Газни...

Афганистан, Кабул. 12 июня 1988 года

Кабул пострадал от боев намного меньше, пакистанская техника сюда не дошла, ее сожженные остовы перестали попадаться примерно километров за тридцать от города. Здесь тоже были видны следы восстановления, видны были даже краны. По данным ЦРУ – русским и афганцам удалось восстановить работу домостроительного комбината и сейчас планировалось возвести несколько новых микрорайонов «скворечников». Дешевое, унылого вида жилье, которое появляется в каждой коммунистической стране, этикие человеческие муравейники. Точно такие же Джекоб Шифт видел в Белграде, куда навещался не так давно по делам.

Выйдя на автобусной станции, он поймал такси и попросил отвезти его в гостиницу Интерконтиненталь, обычное место, где останавливаются журналисты, инспектора ООН и прочие иностранцы, прибывающие в Кабул. С его документами журналиста там мог остановиться и он, денег у него хватало.

На кабульских улицах его больше всего поразил... троллейбус! Черт возьми, тут еще совсем недавно шли уличные бои – а эти парни запустили троллейбус! Рогатые машины неспешно проталкивались в оживленном транспортном потоке, в котором смешались грузовые и легковые автомобили, хазарейцы, со своими телегами с товаром, ослы и мулы, подгоняемые погонщиками, просто пешеходы. Все они текли по улице сплошным потоком, сигналивая, что-то крича и не признавая никаких правил.

Для коммунистической страны – хотя черт знает, коммунистическая она теперь или нет – он видел на удивление мало красного цвета, на удивление мало коммунистических лозунгов. Он смотрел записи из старого Кабула – парад, идущие по проезжей части люди в первых рядах в европейской одежде, над демонстрацией транспаранты красного цвета, на которых диковато смотрелись надписи на местном языке, дари. Огромные портреты на улицах – сначала Тараки, потом Амина, потом Кармаля, потом Наджиба, опять какие-то лозунги – коммунисты очень любят наглядную агитацию. Теперь – за все время поездки он увидел только три плаката с лозунгами, на которые никто не обращал внимания, над некоторыми дуканами были вывешены зеленые флаги, что раньше было вообще немыслимо. Он не знал – что это так отмечают свои дуканы бывшие моджахеды, решившие заняться торговлей и таким образом приглашающие в свои дуканы своих бывших собратьев по оружию. В Кабуле теперь было сущее столпотворение – коммунисты, растерянные и разгневанные тем, что произошло, люди Масуда и Достума из таджикской и узбекской автономий на севере, пуштуны из племенных формирований. Власть сейчас принадлежала не партии, а конкретным авторитетным среди тех или иных групп населения людям, временному правительству, которое, вопреки мрачным прогнозам, худо-бедно функционировало.

Такси неспешно поднялось к отелю Интерконтиненталь – его выстроили то ли англичане, то ли американцы, и своим современным внешним видом он сильно выделялся среди кабульских построек, как будто он был перенесен неведомыми джиннами в это пыльное захолустье откуда-то из Латинской Америки или стран Магриба. ОТЕЛЬ стоял на возвышении и несильно пострадал при бомбардировках – пакистанские ВВС использовали его как ориентир на местности, но сам отель не бомбили. Коммунисты тоже его не слишком-то сильно угробили – в нем были удобства, была горячая вода, и даже было кафе внизу, где примитивно, но вполне сносно кормили. Шифт убедился во всем в этом, когда заселялся в отель.

Оставив вещи в номере, он вышел на улицу, при нем был всего лишь хороший, дорогой фотоаппарат и деньги, какие у него были. Он знал, что вещи, оставленные в отеле, будет перетряхивать местная охранка... черт его знает, как она сейчас называется, но в вещах у него не было ничего такого, что могло бы его скомпрометировать или выдать его миссию. Все опасное, что у него было – находилось в его голове.

Проверившись и снова никого за собой не заметив – черт возьми, это уже становилось интересно, кабульская охранка мышей не ловит – он пошел к первой точке, которую он должен был посетить. До первой точки он решил дойти пешком, а там, если нужно будет – он поймает такси.

Беспилотный разведчик кабульской зоны – безмолвный, бесшумный, всевидящий – парил над Кабулом...

* * *

Первая точка оказалась уничтожена. От дукана, в который он должен был зайти и передать – мало что осталось, закопченные руины первого этажа и больше ничего. Очевидно, что дуكان был ничьим – на соседних тоже были следы разрушений и поспешного восстановления, но соседние были восстановлены, и уже торговали, а этот – нет.

Сфотографировав разрушенный дуكان – это была еще одна фотография разрушений в городе, сделанная корреспондентом, до этого он сделал семь таких же, если и изымут пленку, то пусть догадаются – он подошел к соседнему дукану, около которого сидел пожилой человек в халате и пил чай. Халат на этом человеке был узбекским, что было как нельзя кстати.

– Мир вам именем Аллаха – осторожно сказал Шифт по-узбекски. В коммунистической стране, произнося приветствие, последние два слова лучше было опустить, хотя правильно приветствие звучало именно так.

– И тебе мир именем Аллаха, путник – ответил старик – вижу, ты не из нашего племени, но ты знаешь наш язык, и знаешь, как приветствовать людей. Ты желаешь что-то приобрести в моем дукане, путник?

– Думаю, я посмотрю ваш товар позже, эфенди – уклончиво ответил Шифт – я пришел издалика, и принес добрую весть от родственников Абдаллы-эфенди, что держал торговлю рядом с вами, но вижу, я приехал в Кабул напрасно...

– Горе, горе нам, к чему слова, путник, когда твои глаза скажут лучше любых слов о постигшей нас беде. Много, много пролили мы крови в поисках истины, прогневав тем самым Аллаха, и Аллах жестоко карает нас за это. Разве могут люди решать, кто достоин жить, а кто должен умереть, если это – дело одного лишь Аллаха?! Мой дед, который вынужден был оставить скот и бежать на эту землю, не раз предостерегал всех от усобиц, говоря, что наказание Аллаха за раздоры – страшнее, чем можно себе представить. Увы, сейчас никто не слушает старших, и делают, что пожелают. Абдалла-эфенди погиб во время боев в городе, да примет Аллах его душу.

– Да примет Аллах его душу – машинально ответил Шифт

– Я торговал рядом с честным Абдаллой пять лет, но не знал, что у него есть родственники вдалеке, путник.

– Да, у него есть родственники – ответил Шифт – война сорвала с мест слишком многих, и разбросала по всему белому свету.

– Горе, горе нам, Аллах еще накажет нас за то, что мы совершили, и не раз. Ты, должно быть, устал – проходи, в моем доме всегда найдется свежая лепешка и чай для гостя.

Джекоб Шифт отказался, прижав ладонь к груди и вежливо поклонившись.

– Рад воспользоваться вашим гостеприимством, уважаемый, но, увы – дорога зовет меня в путь. Я должен доставить семье – известие о гибели их отца, да простит его Аллах и да помилует.

– Передай им, что все торговцы этой улицы молят Аллаха о прощении за честного Абдаллу эфенди, потому что он всегда торговал честно, не брал лихвы, и не делал харама. Да смилостивится Аллах над его семьей, и да пошлет он ей утешение в горе.

– Иншалла, я обязательно передам это.

- Доброго тебе пути, незнакомец – пожелал старик
- И вас пусть хранит Всевидящий...

* * *

Джекоб Шафт не заметил, как из лавки, от которой он только отошел, выскочил бочонок. Повинуясь взгляду старика – побежал за приходившим проводить соседа незнакомцем. Потом к нему присоединился еще один бачонок, и еще. Проворные, одетые в одинаковую одежду, шныряющие в толпе – их почти невозможно было заметить, если не приглядываться и не знать точно, что ты ищешь. Смеясь, они повели незнакомца дальше, по всему Кабулу...

Через два часа – один из бачей прибежал и передал старику все, что он видел. Выслушав, старик закрыл лавку, хотя время торговать еще было, начал собираться...

Активность на базаре была отслежена беспилотным аппаратом с воздуха, пускать слежку по земле было слишком опасно. Разговор агента со стариком записали – но не расшифровали и не расшифровали последующую активность. Опытный наблюдатель, несомненно, заметил бы все это – но опытных наблюдателей как раз и не было.

Северный район Кабула. Несколько часов спустя

Ковыляя по улице, старик – дукандор вызывал невольную жалость. Согбенный, дважды у него упала палка, и он вынужден был ее поднимать. Он медленно ковылял по улице, присматривался к дувалам, пару раз остановил прохожего, чтобы спросить дорогу. На самом деле – он бывал здесь не раз и до нужного места мог дойти с закрытыми глазами – но проделывал все эти трюки с палкой, и с прохожим, у которого он спрашивал дорогу исключительно для того, чтобы убедиться, что за ним никто не следит.

Старика учили спецы, из КГБ СССР – и он знал свое дело. Выждав момент, он нырнул в калитку, которая была в одном из дувалов, чтобы ее увидеть – нужно было подойти вплотную.

– Яу²⁰. – сказал он, увидев направленный на него автомат.

Автомат опустился...

Последним шагом к окончательному расколу гражданского общества в Афганистане на мелкие, враждующие друг с другом группы стал мятеж генерального секретаря ЦК НДПА Мохаммеда Наджибуллы. Мятеж руководителя страны и большей части руководства против собственного народа – вероятно, до этого такое можно было наблюдать лишь в Южном Йемене, где все это закончилось резней в Адене и десятками, если не сотнями тысяч погибших. Теперь это произошло в Афганистане, окончательно расколов и запутав людей.

До этого мятежа афганская политическая элита была разделена понятно – на сторонников и противников социалистического пути развития страны. Этот водораздел был принципиальным и позволял каждому позиционировать себя в обществе. Сторонники социализма делились на халькистов и парчамистов, были мелкие партии социалистического выбора, такие как РОТА – но все они заявляли о своих социалистических ценностях. Противники социализма делились на монархистов, исламистов и откровенных бандитов, существовала пешаварская семерка и иранская восьмерка, существовали более мелкие, ни к кому не примыкающие банды бывших феодалов и священнослужителей. Теперь же – многими ненавидимый президент Наджибулла поднял мятеж против СССР и призвал изгонять советских с афганской земли, а едва ли не самый авторитетный полевой командир, Лев Пандшера, Ахмад Шах Масуд, которого восемь раз пытались ликвидировать афганские спецслужбы – порвал с бандподпольем и стал временным руководителем страны. Ликвидировали Народно-демократическую партию Афганистана как полностью дискредитировавшую себя, Масуд заявил о приверженности пути социализма – и одновременно, о свободе веры. В этом случае – раскол как обычно шел по кланам и племенам, каждый вспоминал о том, из какой нации, клана и племени он вышел и примыкал к своим, потому что политическая ориентация и власть может поменяться десять раз, а вот происхождение – уже никогда не изменится. На афганской арене начал еще активнее играть Китай, пропагандируя свой вариант социализма и клеймя советских ренегатов и ревизионистов. Так, вчерашние душманы становились самыми верными и преданными защитниками социалистического строя, а те, кто клялись в приверженности идеалам социализма на партийных конференциях – пополняли ряды террористов. Не было в Афганистане покоя. И никто не знал, когда же он наступит.

Старик прошел во внутренние покои виллы, темные, с низкими потолками, окна изнутри были заставлены мебелью. То тут, то там встречались люди с автоматами.

Перед большой комнатой его обыскали двое нафаров явно с военной выправкой. Потом – пропустили в комнату...

²⁰ Один.

– Ас салам алейкум, рафик генраль – поприветствовал старик сидящего за столом, на стуле, в темноте высокого, крепкого, упитанного, с крупной головой человека. Человек был в штатском – но даже без формы и в темноте было понятно, что это старший офицер армии.

– Ва алейкум ас салам, рафик Салман – ответил генерал-полковник Шапур Ахмадзай, брат последнего генерального секретаря Мохаммеда Наджибуллы и бывший командующий президентской гвардией – ты принес мне добрые вести?

Никто не знал – после городских боев в Кабуле – кто остался жив, а кто погиб. Нашли тело бывшего министра обороны Шах Наваза Таная и установили, что он погиб в бою – лично ему верные командиры присягнули на верность временному правительству и поклялись жестоко отомстить проклятым парчамистам²¹ за то, что они сделали в стране. Так и не обнаружили тел генерального секретаря, его брата, начальника разведки, командующего кабульским гарнизоном и многих других. Из личного состава полков Аль-Исра – в городских боях уцелели пятнадцать – двадцать процентов, но они разбежались по окрестностям и пошли в сторону Пакистана, а кто-то и остался бандитствовать. Поэтому точно установить кто кого убил было невозможно.

– Рафик генраль, на позиции три побывал человек. Одетый как узбек с севера – но это точно не узбек, он говорит как узбеки с той стороны границы и еще с акцентом! Это американец!

Генерал Ахмадзай положил на стол карандаш, который он нервно вертел в пальцах – привычка, перенятая от шурави.

– Почему ты думаешь, что это американец?

– Он интересовался Абдаллой Калифом. Этот человек работал на американцев здесь, у него родственники в США. Американцы восстанавливают агентуру, рано или поздно кто-то должен был появиться здесь – и вот человек от американцев появился. То, что он сказал вначале – сильно смахивает на пароль, отзыв на который я не знал.

– Он был один? – задумчиво спросил Ахмадзай

– Думаю, что да. У американцев здесь не осталось возможностей. И они – никогда не рискнуть больше чем одним человеком в такой стране как наша.

– Ты послал за ним слежку?

Старик усмехнулся про себя – вот ведь дурак.

– Нет, рафик генраль. Но четыре бачонка сегодня обходят все постоянные дворы и отели Кабула, выясняя, где он остановился. Думаю, не позднее чем завтра – я буду это знать.

Генерал Ахмадзай откровенно не знал, что делать. Раньше за него – подобную работу делали другие.

– Как только найдешь этого человека – немедленно сообщи мне.

– Слушаюсь, рафик генраль.

– Иди. И будь настороже. Рассвет еще настанет.

– Так точно, рафик генраль. Рассвет – еще настает.

* * *

Когда майор Салман из пятого управления ХАД ушел, генерал Ахмадзай задумался над тем, что делать дальше. Он видел брата последний раз на третий день войны, когда над Кабулом были уже не пакистанские самолеты, а советские вертолеты и в аэропорту уже были десантники. Брат сбрил усы – надо быть пуштуном и восточным человеком, чтобы понять, что это такое, сбрить усы – и был в форме пехотного майора, точно так же переоделись и те, кто был с ним. Он обнял Ахмадзая и сказал, что они проиграли битву, но рано или поздно русские

²¹ Новая власть впервые с 1979 года держалась на представителях фракции Хальк. Среди них было много пуштунов.

уйдут отсюда и они выиграют войну. Брат собирался идти на восток, в сторону пакистанской границы, вместе с ним собирался уходить и начальник ХАД генерал-полковник Фарук Якуби. Брат сказал, что он выйдет на контакт с американцами и китайцами, и попытается договориться с ним о совместных действиях, а он должен остаться в Кабуле и действовать по плану «Пожар». Оба брата знали, что это означает – один был начальником ХАД перед тем как стать генсеком, второй сейчас был генералом спецслужб. План Пожар – план по переходу партийных организаций столицы на нелегальное положение в случае временного захвата города моджахедами или кем-либо еще. План этот разрабатывал сам Наджибулла, ни с кем не советуясь, и он был уверен, что о плане ничего не знают советские военные советники, максимум – что он существует. Сейчас нужно было быть очень осторожными, потому что в партийных организациях был разброд и шатание, никто не знал что делать – но генерал Ахмадзай имел немало лично верных и преданных ему людей, а так же пуштунов его рода и родственников родов, которых они с братом перетаскивали в столицу и назначили на должности. Сам генерал, повинуясь приказу брата, остался в Кабуле и перешел на нелегальное положение. Сделать это было легко: Кабул это гигантский муравейник, в горах существуют пещеры и подземные ходы, существует даже подземный рынок, если изменить внешность и иметь чистые документы – то спрятаться вполне можно. Он сбрил усы, положил в карман два комплекта документов, один на имя дукащика, второй – на имя мелкого партийного чиновника – и вместе с горсткой преданных лично ему людей затерялся в толпе. Постепенно, он и его люди активизировали несколько сегментов заложной ХАД агентурной сети по плану Пожар и начали действовать. Генерал Ахмадзай хорошо знал о переговорах с американцами, их вели его брат и генерал-полковник Якуби, его к переговорам не подпускали. Он несколько раз попытался найти контакты с братом, посылал людей – без толку, брат как в воду канул. Тогда он решил действовать сам и для начала – установить контакты с американской агентурой. Пешаварской резидентуры, контакты которой он знал – больше не существовала, она сгорела в ядерном пламени. Ни контактов в Равалпинди, ни контактов в Исламабаде, ни контактов в Карачи у него не было, посылать людей впустую он не хотел. Во-первых, верных и смысленных людей у него было не так то много, во-вторых – каким образом выйти на контакт? Прийти в посольство или консульство, которое сейчас под контролем пакистанской, югославской, советской и черт знает каких еще разведок – и на обратном пути след курьера приведет преследователей к самому генералу Ахмадзаю? Просто бегать по городу и кричать, нет ли где-то здесь американской резидентуры?

Генерал Ахмадзай решил работать «от противного». По должности – он знал некоторые (как он надеялся – все) американские активы в Кабуле²². Если произошло то, что произошло в Кабуле – американцы должны будут рано или поздно прислать человека, который должен будет провести ревизию активов. Кто погиб, кто исчез, кто утратил разведвозможности – а кто наоборот поднялся и приумножил их. Вот с этим-то человеком генерал Ахмадзай и решило выйти на контакт и передать американской разведке просьбу выйти с ним на связь.

Точно так же, несколько дней назад, он установил контакты с китайской военной разведкой. Человек, который пришел в Кабул с востока выглядел как хазареец и знал язык, на котором говорили хазарейцы – но хазарейцем он не был. Это был полковник армии НОАК, участник еще событий на Даманском, несколько раз нелегально переправлявшийся в Советский Союз и возвращавшийся обратно, в молодости уцелевший во время чудовищных чисток культурной революции. С ним говорить было просто, потому что полковник представлял страну, заявляющую о социалистической, хотя и отличной от советской ориентации, и о стремлении построить коммунизм. Маоизм в Афганистане был широко распространен, маоистов до апрельской революции было не меньше, чем социалистов. Вот и сейчас – стороны пришли к устраивающему обе стороны решению, что все то, что происходило и происходит в Афганистане – явля-

²² Актив, контакт, игрок – иносказательные названия агентов, лиц, сотрудничающих с разведкой.

ется результатом чудовищных извращений марксистско-ленинского учения, так называемого ревизионизма и великодержавного советского шовинизма. Китай же является носителем подлинного, не искаженного русскими социализма – и чтобы в Афганистане, наконец, наступил мир, он должен порвать с СССР и начать исповедовать такой же, истинный китайский социализм. Такое решение устраивало всех, кроме советских товарищей – но мнения советских товарищей никто не спрашивал.

На этой же встрече генерал Ахмадзай и представитель НОАК договорились о процедурах связи, поставке оружия и денег и о совершении террористических актов в столице против советских представителей и новых афганских властей. Китайский офицер сказал, что было бы неплохо, если бы генерал Ахмадзай убил командующего сороковой армией генерала армии Дубынина, часто бывающего в Афганистане министра обороны, Маршала Советского Союза Соколова, командующего частями специального назначения генерал-майора Востротина и, конечно же – главу временного правительства Ахмад Шаха Масуда, который превратил свое прозвище «счастливый» в приставку к фамилии. За каждого из убитых китайский офицер пообещал большие деньги и, в случае необходимости – убежище в КНР. Террористические акты в столице уже готовились – но сначала генерал Ахмадзай хотел наладить контакты с американцами.

Для чего? Прежде всего, потому, что какие-то контакты с американцами были у его брата. Возможно – брат у них и скажет, как надо действовать. Потом – американцы контролируют пакистанское сопротивление, до сих пор имеют немалый вес в Пакистане – и без согласия американцев с новым режимом война с моджахедами вспыхнет с новой силой. Наконец – он полагал, что у американцев те же самые интересы в Кабуле, что и у китайцев и контакты с американцами позволят хорошо пополнить банковский счет.

Вот только – генерал Ахмадзай кое в чем ошибался. Он думал – что он руководитель офицерского сопротивления – а на самом деле он играл ту же роль, какую играл в своей жизни всегда – роль не слишком умного силача при своем брате, недалекого, на которого можно все спихнуть, и на которого бессмысленно обижаться. С давнего, очень давнего времени – Мохаммед Наджибулла закладывал свою личную агентуру, людей преданных ему и только ему. Одним из них был и майор Салман из пятого управления²³. Теперь же Салман и такие как он – «играли» короля, ненавязчиво подсказывали Ахмадзаю что делать – и заставляли его принимать весь риск на себя. А истинный руководитель подполья – был не активен и оставался в тени.

Но сейчас – складывалась такая ситуация, когда надо было выйти из тени. Американцы, с кем установят первоначальный контакт – с тем и будут работать. И подставные лица – тут никак не годились. А майор Салман – вовсе не собирался сообщать генералу Ахмадзаю о том, где поселился американский агент.

²³ Управление по борьбе с бандитизмом, известное своими боевыми группами.

Афганистан, Кабул. 15 июня 1988 года

Джекоб Шифт, агент ЦРУ и журналист устал. Так устал, что готов был бросить все и уехать к чертовой матери. Опускались руки.

Из всех точек, которые он посетил, чтобы проверить – работает она или нет – не работала ни одна. Это была катастрофа.

Четыре точки не работали вообще. Две были разрушены, еще две – пустовали. От пятой он ушел сам – ему показалось, что за точкой следит ХАД, и проверять он этого не хотел. Он был один, в чудом и враждебном городе, здесь даже американского посольства не было. После того, что произошло – Афганистан и США разорвали дипломатические отношения, интересы стран западного мира по договоренности представляло развернутое здесь на американские в основном деньги шведское посольство. Оно, да представительство ООН – вот и все, что здесь осталось.

Только сейчас он осознал всю глубину их провала на этом направлении. Провал действительно был – беспрецедентный. Короткая, но ожесточенная война, этакий гибрид обычной и гражданской, прокатившийся в регионе вал насилия – обезглавил две страны и полностью лишил ЦРУ агентуры. «Низовая агентура», обеспечение – как он сумел убедиться тоже разгромлены, причем разгромлены конкретно. Все надо восстанавливать с нуля, на это потребуются не меньше, чем год, и то если КГБ не повезет, если повезет – надо будет начинать все с начала. Страна превратилась в «черный ящик», непонятен даже расклад сил и интересов. Бывший руководитель крупнейшей банды моджахедов теперь глава правительства и заявляет о социалистической ориентации, часть армии, только непонятно какая часть, в оппозиции, вооруженной, потому что другой оппозиции в Афганистане не бывает. Пакистанская разведка, раскинутая по всему Афганистану, опиравшаяся на людей, у которых в Пакистане родственники и которые поэтому не могут предать – потеряна, потому что потерял сам Пакистан. На той стороне границы в разведслужбах черти что творится, там сейчас сидит Милт Уорден с чрезвычайной миссией, скупает всю информацию, все архивы, какие только появляются на черном рынке. Руководство армии и спецслужб – погибло почти в полном составе, исполнительский состав разбежался, средний офицерский состав, самые ценные носители информации – кто погиб, кто пытается выжить, кто сбежал. Во время беспорядков – в Равалпинди подожгли прежде всего штаб-квартиру ИСИ, очень грамотно перед этим уничтожив охрану. А может – не только подожгли, но и информацию вынесли... ходили слухи, что это сделали индийцы вместе с русскими...

Если русским попали данные об агентурных сетях в Афганистане – то это еще хуже. Тогда им здесь никто больше не поверит.

Агент ЦРУ Джекоб Шифт, машинально придерживая тяжелую фотокамеру – чтобы не украли – поднимался по склону холма к отелю. Он отказался и от такси, которое иностранным журналистам предоставлялось вне очереди, и от охраны – потому что и то и другое предоставляло КГБ. Сделать это оказалось на удивление легко – просто дали подписать бумагу, мол, осознаю всю тяжесть возможных последствий и тем не менее отказываюсь, в случае чего обещаю претензий к государству Афганистан не предъявлять. Такая легкость передвижения иностранного журналиста по городу насторожила Шифта, и он неоднократно за последние дни проверялся, кружил по улицам, нырял в развалины, стараясь обнаружить и сбросить идущий за ним хвост.

Но хвоста – не было.

В небо – Джекоб Шифт посмотреть не догадался. А если бы и догадался – вряд ли бы увидел, со стороны Солнца-то.

Он и сам не понял, что с ним произошло. Просто – спускавшийся с холма старый РАФ с зашторенными стеклами, который обслуживал посетителей гостиницы – вдруг тормознул рядом с ним и ударил дверью, да так, что агент ЦРУ полетел с ног. Он шел так, чтобы видеть встречные машины – но это ему не помогло. Два человека выскочили из РАФа, прежде чем Шифт успел не то, что подняться, а вспомнить, чему его учили на уроках самообороны, на ферме²⁴ – подскочившие с двух сторон абреки наградили его еще одной плюхой, перевернули, защелкнули на запястьях наручники и сноровисто потащили в машину. Там он попытался как-то сопротивляться, сунул кого-то ногой – ему прилетело в ответ, солидно так прилетело – а потом ему на голову накинули мешок. Мешок был пыльный и вонял козлом...

²⁴ Центр подготовки ЦРУ США в штате Мэриленд. Раньше и в самом деле это была крупная ферма

Афганистан, местность западнее Кабула. ППД «Кабул-1». Вечер 15 июня 1988 года

– Ты это видел?! Они его схватили!

– Кто? Ты чего, молодой?

Капитан Мельниченко, единственный из офицеров, ушел в столовую, на прием пищи. Ему, как дежурному операторской смены, ужин полагался только после сдачи дежурства, специально оставляли – но как офицер он, конечно же, не мог столько ждать и пошел принимать пищу со всеми, бросив пост. Остались только двое, причем на операторском месте, контролирующем передвижения объекта Турок по городу Кабулу, сидел молодой, только прибывший оператор. В молодости он увлекался радиodelом, собирал авиамоделю – поэтому его определили не в боевое подразделение, а сюда, в техническую разведку. То, что он мог починить почти любой из агрегатов, на котором работал своими руками – ничего не значило, тут он был молодым, салагой, духом, и не более. А рядом – сидели деды, трое, определившиеся в КУНГ радиоразведки «по благу», и отношение их к молодому оператору – сослуживцу было соответствующим. Проблема дедовщины в Советской Армии так и не изживалась, несмотря на то, что честные офицеры с ней боролись – так Востротин как-то раз выстроил своих на плацу, вызвал дедов и начал приказывать им «зародить сигарету за минуту», или «сушить крокодила». Иногда дедовщина была просто экстремальным способом воспитания молодых, иногда она приводила к тяжелым последствиям. Как сейчас.

– Турка украли!

Один из дедов заржал. К сожалению, это был не спецназ, сюда по-настоящему серьезные армейские воспитатели еще не добрались.

– Во глюк словил.

– Товарищ сержант...

Дух прикусил язык, заполошно огляделся по сторонам – несложно было догадаться, что будет после отбоя, если он попросит дедушку сбегать за дежурным офицером, который только и имеет право принимать решения.

– Чо, боец, потерял чего-то?

Боец дотянулся до красного телефона, который связывал, уже с дежурным офицером части, но один из дедов – ловко выбил из руки уже поднятую трубку

– Ты чо, молодой? Опух?

– Там чрезвычайная ситуация. Надо позвонить дежурному.

Дед положил трубку на аппарат

– Шурши на место, молодой, и сиди какмышь. Офицеров подставлять... сопля еще. Мы тут ... как у Бога за пазухой сидим, а ты не ценишь.

– Но что же делать?!

– Чо делал, то и делай. Тебя посадили сидеть и смотреть и в журнал записывать – вот и сиди как пришитый. Чмошник.

Молодой – ему ничего не оставалось, как сесть на свое место. Так и служили.

* * *

Капитан Мельниченко появился минут через двадцать, сыто отрываясь и распространяя амбре выкуренной сигареты – на посту курить строго воспрещалось. Кормили сейчас хорошо, намного лучше, чем еще год назад – потому что отдаленные заставы и гарнизоны, расположенные не в стратегически важных точках снимали и выводили, переходя на преиму-

щественно дистанционный контроль местности с беспилотников, ударных самолетов и вертолетов. Ограниченный контингент советских войск уменьшался, а возили по Салангу так же, машин теперь хватало, и проблем с подвозом не было, кормили по норме и даже с фронтовым приварком. Меньше стало гибнуть и караванов – с тех пор, как Завесу²⁵ стали ставить ударные самолеты Скорпион – количество серьезных нападений на колонны сократилось на порядок. Воевать было нечем и некому.

– Ну, как обстановочка? – рыкнул он голосом отца – командира, садясь на свое законное место.

– Товарищ капитан, Турок похищен.

– Не понял, рядовой? То есть – как похищен?

– Товарищ гвардии капитан, я наблюдал... его на дороге к отелю... в машину и увезли.

– Куда увезли? Вы что тут, совсем охренели?!

– Его повезли в город. Сейчас... машина стоит. Его завезли вот сюда, машина стоит.

– А какого же хрена ты не докладываешь никому рядовой! Твою мать!

Крик капитана прервал красный телефон – дежурный. Капитан хватанул трубку, вскакивая, и ударился об аппаратуру головой.

– Пост два, Мельниченко у аппарата.

– Пост два, это одиннадцатый! Вы что там, совсем охренели, мышей не ловите?! Только что дали сигнал тревоги по Сети, где доклад, вашу мать?!

Тревогу поднял оператор самолета управления, вручную, выйдя на Баграм и доложив ситуацию. По уставу это должен был сделать наземный пост.

– Товарищ гвардии майор, мы отслеживаем ситуацию...

– Чего?! Где доклад, капитан!?

Теперь кругом виноват был уже капитан – он старший поста наблюдения и должен был наблюдать за ситуацией, отслеживать ее лично. Никакие ссылки на молодняк – раздолбаев не принимались.

– Товарищ гвардии майор, мы отследили аппаратурой...

– Ублюдки. Экран объявил боевую тревогу. Пост следующей смене не сдавать, докладывать мне каждые пятнадцать минут. Не упустили?

– Никак нет, цель на экране.

– Упустите, паразиты – пойдете под суд. Раздолбаи. Держите картинку как хотите!

– Й-есть!

В трубке раздались гудки. Майор схватил журнал боевой работы оператора, начал судорожно его пролистывать.

– Ты почему ничего не отметил, рядовой?! Гнедов, сядь на его место. А ты, паразит – пиши все как положено. В дисбате сгною, если что!

В армии, как и в жизни – дерьмо всегда вниз стекает...

²⁵ Оперативный план Завеса – план по перекрытию восточной границы Афганистана с целью недопущения проникновения бандгрупп и караванов с оружием и боеприпасами. Выполнялся в основном силами спецназа и десанта – затем, после начала серийного производства Скорпионов – путем ночного патрулирования местности с воздуха.

Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР

Сигнал тревоги – здесь, как и на кораблях это был колокол громкого боя – сорвал с мест бойцов дежурной группы, находившихся в небольшом домике рядом с ВПП в полной боевой «десятиминутной» готовности.

Бронежилет, совмещенный с разгрузкой – совсем новые, только завезли, шьют в Иванове на каком-то «комсомольском экспериментальном объединении» – он намного удобнее старых, накидывается и застегивается моментально. Оружие – АКМС с подствольниками, десантная СВДС, ПКМД²⁶, пистолеты Стечкина, которые выдали всем взамен ПМ. Перчатки на руки – они были одними из первых, кто отработал спуск по тросам при десантировании, в городах десантироваться «по-штурмовому²⁷» не получается, поломаешься весь. Шлем на голову – новый, похож на мотоциклетную каску, держит пулю ПМ в упор, хотя никто это не проверял – и вперед, к вертолетам, бегом, бегом, бегом...

На площадке – раскручивают винта два Ка-29. Патрульный вариант – два пулемета, на пилонах два блока НУРС и два дополнительных бака. Борттехники считают бойцов, занимающих места в вертолете – шестнадцать, по восемь на вертолет. Стандартная досмотровая группа, натасканная инструкторами спецназа на бой в городских условиях и на действия в качестве группы захвата.

* * *

– Докладывайте. Что тут у вас за ЧП?

– Товарищ генерал-майор... – наконец подсказали, что к московскому гостю в штатском нужно обращаться именно так – Турок похищен неизвестными на дороге к отелю, машина перевезла его в Кабул, сейчас она находится в район старого рынка. Визуального контакта с Турком нет, он находится в машине.

– Когда это произошло?

– Сорок... теперь уже сорок две минуты назад.

– То есть?

– Товарищ генерал-майор, наземный пост в нарушение устава не сообщил о произошедшем. Сообщение мы получили с борт Купола – один. Я отдал распоряжение о проведении расследования и наложении взыскания на...

– Взыскивать – потом будете. Что сейчас предпринято?

– Товарищ генерал – майор, группа немедленного реагирования уже в воздухе, им осталось примерно пятнадцать минут.

– Ничего не предпринимать без моей команды.

– Так точно.

– Турок был жив при захвате? Что это за машина, откуда она взялась?

– Не могу знать, товарищ генерал-майор, данных не поступало.

– Выяснить и доложить. Связь с Москвой по ВЧ – немедленно.

– Есть.

²⁶ Пулемет Калашникова модернизированный десантный. В нашем мире не существовало – но разрабатывался. Оснащен складывающимся прикладом и более коротким стволом – но и длинные стволы есть в комплекте. Проектировался для ВДВ – им с длинным оружием прыгать нельзя.

²⁷ То есть просто прыгать из вертолета с низкой высоты.

* * *

Два вертолета КА-29 – короткие, широкие, совершенно не похожие на пронырливые милевские «головастики» – вывалились из-за гор, окружающих Кабул каменными стражами, пошли над городской чертой, снижаясь. Раньше летать таким образом было опасно – пуски ракет по низколетящим бортам и даже по самолетам в секторе снижения Кабульского авиаузла – наблюдались чуть ли не каждую неделю, не помогало ни дежурство Ми-24, ни выходы «в поле» кабульской, четыреста пятьдесят девятой роты спецназначения, ни плотная агентурная сеть ХАД в столице и окрестностях, ни дежурства защитников революции. Иногда не помогали даже щедро разбрасываемые тепловые ловушки, которые разбрасывали с вертолетов, встречающих каждый гражданский борт в Кабуле. Только пролитая в прошлом году кровь, только жестокий отпор моджахедам, только действенные меры по перекрытию границы и обвальная дестабилизация обстановки в самом Пакистане – позволили решить проблему: последний пуск, одиночный был отмечен в апреле, да еще непонятно было и чего стреляли, из РПГ и ли из ПЗРК. Летать можно было – почти так же, как в самом начале 80-х, и вертолеты сейчас использовались намного активнее, чем раньше. Две камовские, выкрашенные в бурый камуфляж вертушки позли над Кабулом, в бортовые люки врывался ветер, пулеметчики в титановых шлемах – начали проверять свое грозное оружие, готовясь к подавлению целей при высадке.

– Пыль, я сто семнадцатый, до цели десять минут. Прошли городскую черту, сопротивления нет. Высадка возможна.

– Сто семнадцатый, вас понял. Приказ – к цели не подходить, уйти в зону ожидания.

– Пыль, вас понял, выполняю.

Вертолеты начали отваливать южнее, в свободный сектор, чтобы не мешать работе кабульского авиаузла.

Афганистан, Кабул. Рынок

С него грубо сдернули мешок, его похитители разговаривали на малознакомом ему пушту, но бить его больше не били. У него были связаны ноги, а туки были привязаны к туловищу толстой грубой веревкой.

– Дост – сказал американский агент, потому что это слово означало «друг» – а ему важно было показать свою дружелюбность – дост.

– Дост – сказал один из похитителей – Амрика? Амрика?!

– А, а, амрикан. Амрикан²⁸.

Похититель потрепал его по плечу.

– Дост. Амрикан – дост

Но развязать – так и не развязал.

Они так и сидели – верней, они сидели, а он лежал в узком проходе между сидениями. Ему было жарко, ему было страшно, он хотел пить, он кажется, обмочился, и он проклял тот день и час, когда в университете согласился на то, чтобы пойти работать в ЦРУ взамен на стипендию и кредит для оплаты обучения. Он проклял тот день и час, когда согласился поехать в Афганистан, рассчитывая, что после этого его карьера круто пойдет в гору, может быть, его назначат помощником начальника станции, или даже начальником станции. Он проклял родителей, которым пришлось в голову выехать в Израиль, и благодаря этому он оказался здесь. Вообще – за то, время пока он лежал в тесной и грязной машине – Джекоб Шифт много чего передумал.

Потом хлопнула дверь. Кто-то забрался в машину.

– Чег ша²⁹

Его бесцеремонно подняли, посадили на сидение советского микроавтобуса. На сидение рядом сел человек лет сорока, в гражданской одежде. Судя по его манерам и тому, что похитители беспрекословно, даже без команды покинули микроавтобус – он был здесь главным и очень уважаемым человеком.

– Вы американский журналист?

Джекоб Шифт сглотнул от изумления – человек обратился к нему на хорошем английском.

– Да, я американский журналист и меня похитили...

Только выпалив это, почти не думая – Джекоб Шифт осознал всю глупость сказанного. Глупо жаловаться похитителю на то, что его похитили.

– Добро пожаловать в Афганистан...

– У меня есть деньги. В кармане есть деньги, немного, но это все что есть. И страховка, понимаете, страховка? Деньги, которые вам выплатят, если вы...

– Достаточно, мистер Шифт. Что вы делаете в Афганистане?

– Я журналист... откуда вы знаете мое имя?!

– Мы контролируем ситуацию.

– Ах вот как? Вы из милиции? ХАД? Это произвол, вы схватили американского журналиста, меня избили. Немедленно...

Неизвестный коротко сунул локтем в бок американскому журналисту, да так, что дыхание перехватило.

– Это... Это... – американец не мог выговорить, что это такое, от боли, от недостатка воздуха.

²⁸ Да, да, американец. Американец (пушту)

²⁹ Поднять (пушту) в смысле – поднимите его

- Мистер Шифт, нас интересует, с какой целью вы прибыли в Кабул?
- Сделать репортаж...
- Вы лжете. Вы являетесь агентом ЦРУ и прибыли сюда для того, чтобы заниматься шпионажем, мистер Шифт.
- Я простой журналист, как вы смеее?!
 - У вас два фотоаппарата. Вы ходили на базар и спрашивали там о судьбе человека, который был вашим агентом. Его дети – ушли в Пакистан, беженцами, потом вы перевезли их к себе в страну. Так кто же вы, мистер, если не шпион?
 - Я просто... зашел на базар. Там красиво...
 - Красиво, мистер Шифт? А в Кандагаре на базаре – тоже красиво. Там вы тоже заходили к человеку, у которого дети в эмиграции. Вам назвать его имя?
- Следят! За всеми следят! Не скрывать! Проклятые коммунисты!*
- Это не так! Меня просто просили передать приветы! Эти люди имеют debts, которые живут в нашей стране! Они узнали, что меня командируют сюда и пришли, чтобы попросить передать приветы своим родителям! Это сложно понять?
 - Сложно. Тем более – что ваш кабульский агент – перед смертью все рассказал. И смерть его – была нелегко. И так?
 - Я просто журналист. Если вы меня не отпустите...
 - Как знаете, мистер Шифт.
- Еще раз ударив его в то же самое место, неизвестный выбрался из РАФа, начал что-то говорить тем, кто его похитил, те почтительно внимали сказанному. Парализованный от ужаса Шифт уловил в разговоре слово «важ», что значило «убить» на пушту. Волна ужаса накрыла его
- Боже!*
- На!!! На³⁰!!!
- Молчать! Молчать!
- Пуштуны тревожно озирались, один из них вскочил в кузов машины и дважды ударил американца.
- Молчи!
- Да! Я агент ЦРУ! Если вы меня убьете, вам нигде не скрывать! Вас найдут и убьют за то, что вы убили американца!
- Человек в штатском – снова залез в машину.
- Это хорошо, что вы признались, мистер Шифт.
- Не убивайте меня! – сломался американец иудейского происхождения – вам за меня хорошо заплатят, если вы доставите меня к границе. Очень хорошо заплатят.
- Сколько же, если не секрет? – Шифт и не подозревал о том, что сейчас упал в глазах этих людей так низко, что даже женщину они стали бы уважать больше.
- Много. Много!
- Мистер Шифт, мы сами готовы заплатить тем, кто выслушает нас. Возможно, даже вам.
- Но кто вы?
- Скажем так... люди, которых не все устраивает. Вы ведь искали здесь оппозицию, мистер Шифт, не так ли? Мы и есть – оппозиция. Люди, которых не устраивает то, что происходит в стране. Мы – те, кого изгнали в подполье, предав революцию. Вы донесете наши слова до своих руководителей, мистер Шифт?
- Джекоб Шифт был так испуган, что готов был донести что угодно и до кого угодно – только бы остаться в живых.

³⁰ Нет. Нет.

Баграм, Афганистан. ППД «Экран-1» ВСН МО СССР

– Агент ЦРУ, проникший в Афганистан 12-го июня, установлен как Джекоб Шифт. Он же Яков Шифф, родился в пятьдесят девятом году в городе Ташкент Узбекской ССР, отец работал в консерватории, мать – в школе. Родители эмигрировали в Израиль, когда Шиффу было одиннадцать лет. После этого – Шифф учился в Израиле, находился на государственной стипендии как один из лучших учеников. Потом так же за государственный счет был отправлен в Джорджтаунский университет, в США, для стажировки...

– Учишь их, учишь... – вполголоса, в сердцах высказался кто-то

– В Джорджтаунском университете вступил в организованную на факультете советологии антисоветскую группу, принял предложение остаться доучиваться в США уже за американский счет, подписал контракт, обязывающий его после окончания университета поступить на службу в ЦРУ США. Окончил университет с отличием, получил степень PhD³¹, поступил на работу в ЦРУ, в аналитический директорат. Получил документы легализации на имя Джекоба Шифта, одновременно водительские права³² и паспорт, гражданство получил по ускоренной процедуре, через Госдепартамент США. После известных событий в Пакистане и последовавших за этим кадровых перестановок в ЦРУ переведен в оперативный директорат, в отдел по борьбе с советской угрозой, с повышением, возможно – будущий начальник одной из станций ЦРУ в Пакистане, которые сейчас вновь организуются. Прибыл в Пакистан десятого, через аэропорт Карачи, рейсом из Джибути, далее выдвинулся к пакистанской границе. Перешел границу легально, в районе южного прохода. Документы у него на имя Джекоба Шифта, его стандартный оперативный псевдоним, прикрытие – журналист, фоторепортер, прибыл с целью сделать репортаж о восстановлении Афганистана. Границу пересек под нашим контролем, с момента пересечения границы взят под плотный оперативный контроль с использованием технических средств. В Кандагар прибыл автобусом от погранперехода, купил билет до Кабула, до отправки автобуса посетил базар, он там недалеко. Отслежен один оперативно значимый контакт в одном из дуканов, сейчас проверяем его владельца, результатов пока нет. Ближе к вечеру двенадцатого прибыл в Кабул, поселился в отеле Интерконтиненталь в номере, взятом на свое настоящее имя. В промежутке с двенадцатого по пятнадцатое число неоднократно бывал в городе, нами отслежено пятьдесят шесть контактов, из них оперативно значимых – пять, один представляется перспективным, работаем. Производил съемки на фотокамеру, открыто, в том числе в районе бывшего совпосольства, президентского дворца, американского посольства...

Белобрысый солдатик с красной повязкой на руке – дежурный – заглянул в зал боевого управления

– Товарищ генерал-майор. Москва на проводе.

– Продолжайте – москвич вышел

– Два с половиной часа назад Джекоб Шифт был похищен неизвестными на дороге, ведущей к отелю Интерконтиненталь. Его ударили, бросили в машину марки РАФ и скрылись. В настоящее время местонахождение машины отслежено с помощью технических средств, машина находится в район базара Шар Шатта, движения нет. В воздух подняты два вертолета с группой захвата на борту, сейчас они совершили посадку в Кабульском аэропорту для дозаправки, по команде готовы взлететь. По вертолетам – у нас двадцатиминутная готовность, товарищами, вариант с выдвиганием наземной группы захвата мы не реализовывали из-за опасения расшифровки наших намерений и ликвидации заложника. В здании бывшего совпо-

³¹ Доктор философии, распространенная среди американских военных и спецслужбистов

³² Водительские права являются основным документом, удостоверяющим личность в США. Паспорт – для поездок за границу, у многих американцев его вообще нет. Паспортизация воспринимается как порабощение со стороны государства.

сольства находится наша оперативная рота специального назначения и девятая группа немедленного реагирования КГБ СССР, они могут выдвинуться к объекту и провести операцию по захвату в течение пятнадцати минут. Контроль автомашины с Шифтом постоянный, ведется с воздуха с помощью беспилотных технических средств. Доклад окончен, товарищи...

– Брать их, и поспрошать, что к чему – азартно высказался майор в черном берете. Черный как у морской пехоты берет был символом войск спецназначения СССР, его позаимствовали у американцев³³ – но не говорили об этом.

– Вам брать, нам отвечать потом – меланхолично высказался присутствовавший тут в зале КГБшник

Смешно – но это было так. Американского агента, проникшего на территорию дружественного Афганистана – вело КГБ СССР – но если с американцем что-то случится, даже без советского вмешательства, например – похитители убьют – отвечать тому же КГБ. Не учли все факторы в процессе планирования операции... допустили... в результате чего... В общем – выговорешник с занесением светит как минимум – за иностранного агента.

– Там подготовленная группа. Через пять секунд – первая штурмовая пара будет на земле. Через десять секунд на земле будет шестнадцать человек, а первые – уже в автобусе. Через двадцать секунд повяжут всех. Или грохнут.

– То-то и оно что грохнут. Это вам не караванщиков гонять.

– Товарищи, предложения. Время уходит.

– Так и вести. Технические возможности есть.

– А если убьют?

– До сих пор не убили.

– Черт их знает, когда с катушек сорвет. Да хотя бы – когда вертолет над ними зависнет.

И потом – какие технические условия, ночь на носу. Световой день будет доиться еще меньше часа, потом нам придется посадить аппарат – ночью он не работает.

– Выдвигаем семерочников³⁴.

– Они тебе навывают. Ночью в городе – семерочникам делать нечего.

– Мое мнение – работать с земли. С вертолета потеряем время... его и так потеряли.

Наземная группа уже должна была занять исходные!

– Товарищ подполковник, это же базар. Наши там будут как...

Сказать, как кто будут выглядеть русские на кабульском базаре Шар Шатта, где и впрямь было опасно – говоривший не успел. Вернулся генерал-майор без имени.

– Товарищи. Наблюдение продолжаем, реализацию не проводить до прояснения ситуации. Москва выделяет нам Скорпион, он перехватит эстафету у Ворона. Он уже готовится к взлету с Маров, выйдет к цели примерно через пятьдесят минут при попутном ветре. При необходимости – он же обеспечит огневое прикрытие группе захвата. Вопросы, товарищи?

Кто-то переглянулся между собой. Ударный самолет Скорпион для того, чтобы раздолбать проявившийся в зоне ответственности духовский укрепрайон заказывали за две недели и в драку, потому что самолет выполнял эту работу капитально и без потерь личного состава, как это было раньше. Вот только самолетов этих катастрофически не хватало. И если московский гость в течение нескольких минут получил в свое распоряжение резервный самолет – значит, операция еще серьезнее, чем казалось.

– Товарищ генерал-майор, а что делать с группами захвата?

– Какими группами захвата?

– В кабульском аэропорту, в бывшем совпосольстве.

³³ Черный берет – принадлежность войск спецназначения ВМФ США.

³⁴ Седьмое управление КГБ СССР – наружное наблюдение.

– Аэропортовскую держите в готовности. Их вертолет можно работать в ночных условиях?

– Да, товарищ генерал-майор, там опытный экипаж.

– Тогда держите в десятиминутной готовности к взлету. И готовьте резервную группу. Все, приступаем!

Афганистан, воздушное пространство. Севернее Кабула. Тяжелый штурмовик «Скорпион-5». Ночь на 15 июня 1988 года

Огромный самолет, переделанный из тактического транспортника Ил-76 в тяжелый штурмовик Скорпион – парил над ночным Афганистаном на высоте около шести километров. Невидимый с земли, он, тем не менее, на земле видел все, так же хорошо, как днем. И не только видел – но и мог стереть с лица земли.

- Экран, Экран – я Скорпион, вышел на исходную, прием.
- Скорпион, я, Экран, подтверждаю, видим вас на радарх отчетливо, прием.
- Экран, я Скорпион, вас понял, прошу обозначить цели, прием.
- Скорпион, я Экран, цель одиночная движущаяся, войдет в твой квадрат через десять минут, через десять минут.
- Экран, я Скорпион, понял, продолжайте.
- Скорпион, я Экран, применять оружие по цели запрещаю, повторяю – не стрелять по цели. Нам нужно только наблюдение, прием.
- Экран, я Скорпион, применять оружие по цели запрещено, подтвердите.
- Скорпион, я Экран, подтверждаю, применять оружие по цели запрещается до особого распоряжения. Нам нужно, чтобы вы проследили за целью, доклад – каждые десять минут, как поняли?
- Экран, я Скорпион, вас понял, слежение, и доклад каждые десять минут.
- Скорпион, я Экран, верно, ожидайте...

Огромных размеров черный четырехдвигательный самолет выровнялся, заложил широкий вираж – восьмерку, удерживаясь в заданном квадрате.

Самолеты типа Скорпион, первый из которых был испытан в Афганистане в начале восьмидесят восьмого – теперь производились серийно в особом цехе Ташкентского авиационного производственного объединения имени В.П. Чкалова. Их было семь – семь переделанных в авральном порядке мелкосерийных самолетов, летающих над Афганистаном в основном ночью и сеющих смерть на караванных путях. Их было семь, и они были черными. Ни один самолет советской авиации не был черным: гражданские были в основном белыми, военные – либо серые, либо цвета хаки. Эти штурмовики были черными как смоль, это делалось как для затруднения визуального обнаружения, так и для затруднения обнаружения радиолокационного. Это была специальная краска, разработанная в каком-то НИИ в Москве – при ее нанесении, они снижала радиолокационную сигнатуру³⁵ более чем в два раза.

Этот Скорпион относился к категории М, то есть модернизированные, с этой литерой шли машины, начиная с пятого самолета. Вооружение было полностью перекомпоновано, двадцатитрехмиллиметровая установка убрана, теперь на самолете было две доработанных мотор-пушки Грязева – Шипунова калибра тридцать миллиметров. Вместо переделанной гаубицы Д30 в качестве крупного калибра было установлено экспериментальное орудие 2А80 с унитарным боеприпасом, увеличенной вдвое скорострельностью и увеличенным вдвое количеством осколочно-фугасного выстрела. Вдобавок – прорабатывался вариант установки на этот самолет новейших ПТУР «Штурм», которые только-только внедрялись в производство для ударных вертолетов нового поколения. Но на этом самолете – крепление для подвесок Штурма хоть и было – но пустовало. Не были пока установлены и ракеты Р-73 – для самозащиты.

³⁵ Заметность.

Каждую ночь над Афганистаном находились по четыре, иногда даже по пять машин. Действуя ночью, нанося удары неожиданно и с больших высот, просматривая огромную территорию – они почти полностью прекратили грузопоток из Пакистана в Афганистан. Количество грузов, поступающих с караванами, сократилось на порядок, теперь грузы доставлялись мелкими партиями на склады, расположенные у самой границы, и оттуда же, их развозили буквально поштучно. Ни о каком поступлении минометов, ракетных снарядов речи теперь не шло, максимум – это снаряды к РПГ, взрывчатка и небольшое количество Стингеров. Все это перевозилось на одиночных ослах и машинах и днем, потому что любой караван ночью с большой вероятностью подвергался удару с неба. Моджахеды были вынуждены перемещаться не ночью, а днем, выбирать для транспортировки боеприпасов известные дороги – что приводило к задержаниям, перестрелкам на блок-постах, огромному расходу денег на взятки. Стало большой проблемой снабжать укрепленные районы, которые постоянно громили и обстреливали и днем и ночью, днем артиллерия, ночью – эти самолеты, которые послал сам шайтан из тяжелых орудий. Стало огромной проблемой скрываться в горах – потому что ночные охотники видели костры и наносили удары по ним, видели все перемещения. Эти самолеты ни много ни мало – отняли у моджахедов ночь, отняли чувство уверенности в себе и своей земле, поселили в сердцах страх. Не раз и не два их пытались сбить из ПЗРК – но, ни разу не было такого, чтобы сбили. Потому что ночью, черный самолет, летящий в небе на большой высоте – с большой вероятностью заметит тебя и нанесет удар прежде, чем ты нащупаешь его в небе системой наведения.

Сейчас над Афганистаном был пять ударных самолетов, один направлялся на восток для того, чтобы нанести внезапный удар по обнаруженному спецназом укрепленному району моджахедов, еще четыре – охотился на караваны. Шестой проходил техническое обслуживание – а седьмой, резервный, заказанный по звонку из Москвы – вместо того, чтобы заниматься нормальной боевой работой – выделял восьмерки к северу от Кабула в ожидании какой-то подозрительной машины. Самолет этот привлекли в качестве платформы слежения исключительно потому, что ни одно другое разведывательное средство группировки не могло следить за машиной ночью и в течение длительного времени.

– Разведка, давайте займемся делом – сказал старший офицер, исполняющий роль офицера управления огнем – одиночная цель, идет со стороны Кабула, мы уже должны ее увидеть.

– Управление огнем... у нас что-то есть на радаре. Одиночная цель, движется... кажется по бездорожью... и медленно движется.

– Радиоканал – захват

– Есть радиоканал захват... захват произведен.

В отличие от беспилотников и самолетов ретрансляторов, где сопровождение цели обеспечивалось только умелой работой оператора – на этом самолете существовала система автосопровождения целей, поэтому один раз обнаруженная цель – вряд ли уже смогла бы куда-то скрыться...

– Визуальный канал, максимальное увеличение. Дайте изображение на мой экран.

– Выполнено.

Захваченная системой автосопровождения одиночная цель отразилась на экране, видно было плохо – но все же видно. В зеленой мути прицела машина выглядела светлой – значит, либо белая, либо желтая. Точно не УАЗ, какой-то внедорожник... гражданский.

– Экран, экран, наблюдаю одиночную цель – светлый внедорожник, движется на... северо-восток, избегая дорог. Мы прямо над ней.

– Скорпион, это цель, вы наблюдаете цель.

– Подтверждаю, цель захвачена. Приказа об атаке нет. Других отметок нет.

– Товарищ майор, еще одна машина. Только что вошла в квадрат. Идет с юго-запада.

- Эcran, поправка. Еще одна цель, неопознанная, идет с юго-запада на северо-восток, получается, за целью. Дистанция?
- Примерно три километра, товарищ майор. Три сто, три сто пятьдесят.
- Эcran, дистанция между машинами три сто – три сто пятьдесят километра, как поняли?
- Скорпион, вас понял, цель классифицируйте как неопознанную. Продолжайте наблюдение за обеими целями.
- Эcran, вас понял, веду наблюдение

ППД «Экран-1» ВСН МО СССР

– ХАД?

– А х... их знает! – в сердцах выругался ночной начальник операторской смены, этого только не хватало на нашу голову – Скорпион, Скорпион, вы слышите меня?

– Экран, мы вас слышим.

– Вы можете определить тип транспортного средства?

– Экран ожидайте... тип транспортного средства... легковая автомашина повышенной проходимости типа Нива, темного цвета. Повторяя – легковая машина повышенной проходимости типа Нива темного цвета.

– Вас понял, Скорпион, ведите наблюдение.

– Так точно.

– Будить москвича? – спросил посыльный, лысый и крепкий солдат первогодок, назначенный в ночное дежурство за то, что пытался соорудить в трехлитровой банке самодельное вино.

– Бегом. Мухой!

Москвич, прикорнувший прямо на раскладушке в коридоре, накрывшись старой шинелью, появился почти сразу, протирая красные от недосыпа глаза. Все время, пока шла операция Сеть, он спал урывками, по паре часов, на раскладушке, на стуле, где придется. Все его называли за глаза «москвич», как называли бы любого другого высокопоставленного офицера, прибывшего с проверкой в часть – но для москвича он был на удивление хорошим человеком. Не орал матом, не пытался никого строить, не возмущался меню в столовой.

– Что тут у нас?

– Еще одна машина. Дистанция чуть больше трех, идет за первой как привязанная. Нива, темного цвета.

– Она все еще там?

– Скорпион, это Экран, подтвердите наличие второй машины.

– Экран, это Скорпион, видим вторую машину, курс и скорость прежние. Первая машина проехала кишлак, контактов не было.

– Скорпион, вас понял, продолжайте наблюдение.

– ХАД?

Москвич зевнул

– Я пойду, позвоню. Если что-то будет еще – зовите немедленно.

Афганистан, севернее Кабула

Они дождались ночи – и двинулись в путь. Двинулись осторожно – но Шифт видел, что захватившие его не опасаются контроля на блок-постах. Возможно – у них машина с русскими номерами и вездеходом – так назывался специальный прямоугольный пропуск с красной чертой наискосок как на папках с секретными документами. Будучи подвешенным на стекло, он запрещал проверку машины на блок-постах.

Шифт теперь сидел, стекла были занавешены – но лобовое то стекло никак не занавесишь. Он увидел, что на улице темно, и что они уже выехали из Кабула. Машина продвигалась по неровной, ухабистой дороге, взрывая двигателем.

– Куда вы меня везете? – задал вопрос Шифт

– Рафик командон хочет поговорить с тобой, бача – откровенно ответили ему – он же решит, что с тобой делать.

Пока все подтверждалось. Рафик командон, рафик афсар – это обращения, принятые друг к другу в регулярной армии, товарищ командир, товарищ офицер. Моджахед сказал бы «эмир» или «эфенди» и никогда не употребил бы слова «рафик», так говорили только коммунисты. Или – бывшие коммунисты.

– И сколько вас?

Нафар с автоматом на переднем сидении усмехнулся

– Зачем тебе это знать, американец?

– Мы хотим знать, с кем нам предстоит иметь дело. С кучкой офицеров – или с движением?

– Шурави, когда пригнали на груди эту ядовитую змею Кармалю, не задавали таких вопросов. Им было наплевать, что за Кармалем никто не стоял.

– Я не шурави. Я задаю такие вопросы. И мне не наплевать – сказал американец, проясняя свою позицию.

Он уже точно понял, кто это такие. Парчамисты, бывшие, а возможно и действующие офицеры. В Афганистане наступил полный бардак, халькисты, парчамисты – смешались настолько, что ведущий сотрудник по Афганистану в ЦРУ лишь приблизительно смог объяснить, в чем разница между этими двумя то ли партиями, то ли фракциями одной партии. Видимо, разница была как между Лениным и Троцким – как бы они не расходились во взглядах, но оба были комми, и этим все было сказано. Единственно, что помнил Шифт – разногласия между этими двумя партиями обернулись кровью. Очень большой кровью.

– Много. Нас много, американец.

– Сколько – много?

– У нас есть подпольные ячейки в армии. Туда входят те, кому не все равно, что дальше будет с Афганистаном.

– И сколько таких ячеек существует?

– Рафик генраль расскажет тебе об этом, американец. Когда мы приедем.

За окном пробирающейся по бездорожью машины – была беспроекторная ночь...

ППД «Экран-1» ВСН МО СССР

– Группам захвата – проверка готовности! – отрезал москвич, снова появившийся в зале боевого управления – что там происходит?

– Скорпион, Скорпион, я Экран, доложите, что происходит?

– Экран, обе цели продолжают движение. Неопознанных целей не наблюдаю...

– Скорпион, вы можете установить точнее автомобиль Нива?

– Экран, отрицательно, в ночное время мы можем только уничтожить его.

– Скорпион, Скорпион, отрицательно, не стрелять, повторяю – не стрелять.

– Экран, вас понял...

– Что там у вас за вторая машина?

– Товарищ генерал-майор, неопознанная машина типа Нива преследует цель. Дистанция три. Вне пределов прямой видимости. Идет без огней.

– Как же она преследует первую машину?

– Непонятно, товарищ генерал-майор. Возможно маяк.

– ХАД?

– Непонятно, товарищ генерал-майор.

ХАД, несмотря на чистки, несмотря на укрепление кадрового состава – продолжал играть в свои игры, в него пришли люди Масуда – а сам Масуд был очень и очень непрост, хоть на словах и заявлял о приверженности социалистической ориентации. Все-таки он был из богатой семьи, феодала и полковника королевской армии.

Видимо, это судьба всех спецслужб – играть в игры, и кусать хозяйскую руку, если тот не успеет ее отдернуть. И дать нерадивому псу палки.

– Поднимайте наземную группу! – решил москвич – пусть выдвигаются в поле, не теряя времени. Наводите со Скорпиона.

– Так точно! Ефрейтор – живо поднимай дежурную группу, мухой. Сориентируешь их. Скорпион, Скорпион, это Экран.

* * *

– Тревожная группа подъем! Боевая тревога!

Тревожная группа спит в одежде, для нее выделено специальное помещение, там кровати не в два ряда, а в один, рядом металлические шкаф для оружия и снаряжения. Грохот, топот, лязг, шум, отрывистый лай команд...

Бронежилет на себя, шлем – на голову, автомат – в руки, рюкзак РД-54 – за спину. Бегом, бегом, во двор, там, где уже прогревают моторы «Муромцы». Муромец – это машина для перевозки личного состава, рама Урала и полностью бронированный кузов. Они производятся на муромском тепловозостроительном – потому и Муромцы.

– Бегом, бегом! Мать вашу!

Никакого построения, времени нет – сразу в машину. У этой машины ход удобный, не как в бронетранспортере – огромная дверь сзади, в полный рост войти можно. Внутри – сидишь не спиной к бортам, посередине кузова проходит мощная стальная плита, к ней – крепятся сидения...

Автомат с лязгом ложится в бойницу – как в БМД. Через триплекс днем то ни хрена не видно, но то что ночью – но если машина разом огрызнется из шестнадцати стволов – мало не покажется никому...

– Товарищ капитан, погрузку закончили!

С лязгом захлопывается дверь.

– Можно.

Ближайший к кабине солдат изо всех сил стучит сапогом в бронеперегородку, отделяющую водительский отсек от салона. Можно отправляться...

Афганистан, севернее КАБУЛА

По некоторым признакам – Шифт понял, что они въехали в деревню. Был какой-то шум... а потом кто-то заорал, да так, что испугались и его похитители...

– Ля иллахи илла ллаху³⁶... – пробормотал тот, кто был ближе всего к нему

– Чуп ший³⁷! – одернул кто-то

– Хварл! – проговорил кто-то – длта дуй³⁸!

Их машина проехала еще какое-то время по улице – а потом резко свернула и остановилась. За спиной их – кто-то закрыл ворота.

Моджахеды пролезли из машины.

– Саламуна.

– Салам, вроу. Тол амрикан ди³⁹?

– Кхо, кхо⁴⁰.

Джекоба Шифта вытащили из машины, подтолкнули в спину.

– Вранди. Вранди тли, амрикан⁴¹.

Они вошли в какое-то здание, с неровными, кривыми стенами и очень низким входом. Джекоб Шифт ударился головой об притолоку, выругался. Моджахеды рассмеялись. А может – это были и не моджахеды...

– Вранди.

Один из моджахедов зажег фонарь, чтобы можно было идти в темном коридоре. Фонарь был хороший, мощный. Или аккумуляторный, или только батарейки сменили.

– Кии лас та, амрикан⁴².

Джекоб Шифт не понял – и тогда его придержали рукой и толкнули в нужном направлении. Дверь он открыл сам.

Это была мужская половина дома – потолки здесь выше, но все равно даже здесь не слишком высоки. Джекоб Шифт не ощущал запаса пространства над головой, потолок давил. Довольно примитивная обстановка – мебель, сколоченная из ящиков, что-то вроде лежанки в углу, большой и широкой, стол. В углу – телевизор с маленьким экраном, непонятно, то ли работающий то ли нет и мощный коротковолновый радиоприемник, включенный на какой-то англоязычный канал. Освещение – две керосиновые лампы, в начале девяностых годов бидон керосина был одним из самых желанных подарков для афганца, равно как мешок муки и пара крепкой, желательной армейской обуви. На столе стоял чайник, исходящий парком, чашка чая и рядом прямо на столе лежал автомат АКМС со смотанными синей изолентой магазинами.

Человеку, который сидел за столом – он был одет как моджахед, причем кадровый – что-то вроде военной формы без знаков различия и платок – шемах на голове было тесно в этой комнате. Впрочем, это была не его комната и не его дом.

– Я рад приветствовать вас в моем доме.

Это был бывший президент Афганистана, точнее – бывший генеральный секретарь ЦК НДПА Мухаммед Наджибулла.

³⁶ Скорее всего, это был крик осла. Мусульмане очень боятся криков осла ночью, потому что в шариате написано, что если осел закричал ночью – значит, он увидел шайтана.

³⁷ Тихо! (пушту).

³⁸ Есть. Они здесь (пушту).

³⁹ Здравствуй, брат. Американец здесь?

⁴⁰ Да, да...

⁴¹ Иди. Иди вперед, американец.

⁴² Налево, американец.

Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»

– Внимание на цель. Внимание на цель. Объект въехал во двор и остановился...

– Подтверждаю, объект остановился...

– Скорпион, что там у вас, докладывайте.

– Экран, я Скорпион. Цель остановилась. Микроавтобус РАФ заехал во двор и остановился. Наблюдаю движение. Двое выходят из машины. Двое выходят из дома. Трое выходят из машины. Четверо выходят... Пять человек вышли из машины, два человека вышли из дома.

– Скорпион, нам нужно опознание.

На экране – один из тех, кто вышел из дома – положил оружие на плечо картинным жестом, как в кино.

– Внимание! Наблюдаю оружие. Повторяю – наблюдаю оружие, они вооружены. Максимальное увеличение...

Картинка на экране поплыла.

– Товарищ майор, больше не можем. Будет одна муть с помехами.

Самолет шел кругом, по широкому радиусу – поэтому картинка почти не двигалась с места.

– Наблюдаю восемь человек, пятеро вооружены автоматическим оружием. Внимание... один человек, кажется, связан... восемь человек движутся к дому, они движутся, один из них по виду заложник, идет первым, впереди всех. Да, один из них заложник.

– Скорпион, принято, вопрос – заложник вошел в дом?

– Экран, подтверждаем, заложник вошел в дом, вооруженные люди вошли в дом, вооруженные люди в доме, как минимум пять вооруженных людей в доме. Вооруженные люди предположительно духи.

– Скорпион. Это Экран. Информация принята, оставайтесь над целью и ждите дальнейших оказаний. Запрос – проверьте муравейник⁴³ и окрестности в таком радиусе, в котором сможете. Мы ждем от вас любую информацию, какую вы только сможете нам дать.

– Экран, вас понял, приступаю.

– Скорпион – отбой.

⁴³ Кишлак.

Населенный пункт, севернее Кабула

– Приветствую вас, саиди раис, – сказал Джекоб Шифт

– Ты знаешь наши языки, американец?

Президент подозрительно смотрел на него – и Джекоб Шифт вдруг понял, что его жизнь повисла на волоске.

– Я знаю языки, Саид раис, потому что я родился в Советском Союзе, в Ташкенте. Но я давно уехал вместе с родителями в Израиль, мы бежали от ужасов большевизма. Мои родители живут в Израиле, а я сам живу в Соединенных Штатах. Я американец.

– Еврей... – с недовольством в голосе сказал президент

– Я американец, – настойчиво повторил Шифт, – я американец и гражданин Соединенных Штатов Америки.

Президент странно цокнул языком, потом указал на топчан напротив него.

– Проходи, и присаживайся, еврей, нам есть о чем с тобой поговорить.

На сей раз, Шифт не стал спорить, что он не еврей. Он знал, что согласно обычаям теперь его не убьют, по крайней мере, до того, как он не выйдет из дома. Если хозяин дома предложил преломить хлеб – значит, он считает его гостем, а убить гостя, с которым ты преломил хлеб – тягчайший из грехов...

Подали на стол. Подавал босоногий бача, по какой-то причине не женщина. Возможно, женщин в этом доме – и вовсе не было. На стол подали какое-то блюдо с мясом, немного остывшее – но все равно вкусное. Если не думать о холестерине и ожирении – оно становилось безумно вкусным.

Подали на стол и водку. Русскую водку, настоящую – плохо оформленная, простая бутылка, но сам напиток хороший, чистый. Одним из последствий русской оккупации было то, что в Афганистане от русской водки теперь не отказывались и многие правоверные.

Президент ел прямо руками, как это принято в народе. Замахнул стакан водки – но больше не стал. Для человека такого веса и комплекции, да под жирное мясо – это все равно что слону дробина.

Стакан был один. Как только президент выпил – Шифт налил себе, чтобы немного согреться – и телом и душой, хотя бы постараться избавиться от ледящего душу страха.

– Ваше здоровье господин президент.

– Ты и в самом деле рос в России, это видно, еврей. Но я не президент больше и не надо так меня называть.

– Вы единственный законно избранный глава государства Афганистан.⁴⁴

Сказав это, Джекоб Шифт даже не задумался над тем, какую дикость он только что сказал. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении Демократической Республики Афганистан базировалась на том, что США не признавали афганскую власть, не считая ее народной и законно избранной. Сказав то, что он сказал, Джекоб Шифт перечеркнул всю внешнеполитическую линию своего государства. Впрочем – Америка, а равно ее эмиссары всегда умели быстро ориентироваться в обстановке и менять ориентацию на 180 градусов. Не первый раз – и уж точно не последний.

⁴⁴ Вопрос конечно спорный. Наджибулла был избран президентом Афганистана не на всеобщем голосовании, которое в условиях нарастающей террористической активности просто невозможно было провести – а на Лойя Джирге, съезде вождей племен и племенных групп Афганистана. Ни о какой представительности речи не шло, потому что от одного племени был один вождь вне зависимости от его численности, нужных вождей вывозили вертолетами, по ненужным – наносили бомбовые удары и минировали караванные пути. По воспоминаниям Э. Абдуллаева за Наджибуллу подали голоса 33 % проголосовавших, и ночью вбросили бюллетени, доведя это число до 66 %. Но с другой стороны – другие выборы были бессмысленны, потому что моджахеда не собирались в них участвовать ни на каких условиях.

Президент глодал мясо сильными, крепкими клыками, некоторые куски мяса были аж на кости.

– Кого это волнует...

– Нас, господин Президент.

– Это ничего не значит. После того, что произошло – вы изгой.

– Сэр, мы все потерпели поражение, и мы это признаем – осторожно сказал Шифт.

Президент выплюнул кость на скатерть, взял еще кусочек мяса. Мясо было жестким как подошва.

– Я – пока нет. Как бы то ни было – племя останется со мной часть пуштунов – тоже останется со мной. Что бы ни произошло – у нас на первом месте племенные интересы, на втором – все остальное. Когда я был во главе страны – я помогал своему племени, как мог – и теперь эти люди помогают мне. Но вы – теперь изгой навсегда и для всех. Пешавар будет первым, что вспомнит любой, к кому вы обратитесь. Вспомнят и то, как вы предали меня.

– Мы предали вас?!

– Вы не оказали помощь и позволили русским надругаться над Афганистаном.

– Русские взорвали в Пешаваре атомную бомбу! Погиб весь штаб! У нас сбили несколько самолетов над Афганистаном! Вы считаете – этого мало?

– Мало. Надо было сбросить атомную бомбу на русских. Это здесь поняли бы. На удар надо отвечать ударом.

Джекоб Шифт даже не нашелся, что ответить. Первое, что он подумал – если бы они были столь глупы, то сейчас Америка была бы похожа на Афганистан – точнее, то, что осталось от Америки.

– Мы не можем вести себя как русские. Мы страна цивилизованного мира.

– Вот поэтому вы и проиграете?

Президент почему-то перестал есть мясо – молча сидел, смотрел на своего гостя. Шифт брал мясо руками, облизывал пальцы и думал – сколько у него шансов выйти из этого дома живым.

Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»

– Товарищ майор, соединение установлено. Коробочка обозначена как Урал – десять, статус дружественный.

– Есть объект Урал – десять, статус дружественный, соединение установлено. Урал десять, это Скорпион, подтвердите контакт!

– Скорпион, это Урал – десять. Контакт подтверждаем. Выдвигаемся направлением на юго-запад, идем без огней.

– Урал десять, корректировка – прими вправо, градусов на пять. До цели восемнадцать километров.

– Скорпион, вправо пять дистанция восемнадцать, подтверждаем.

– Урал десять, в адресе подтверждено наличие семи боевиков, повторяю – в адресе семь боевиков.

– Скорпион, в адресе семь духов, принял.

– Скорпион, это Экран, доложите.

– Экран, это Скорпион. Установлен контакт с группой Урал десять, дано направление на цель и первичные данные.

– Скорпион, вас понял, что в адресе?

– Экран, в адресе тихо. Нива обходит адрес по целине, справа. Засек наблюдательную точку, установить наличие оружия не могу.

– Скорпион, вас понял, продолжайте наблюдение. Урал десять, слушай мою команду. Занять позицию севернее, примерно в двух километрах. Не обнаруживая себя.

– Экран, я Урал – десять, приказ понял.

Населенный пункт, севернее Кабула

– Теперь, когда ты сыт, американец, скажи – с какими словами ты пришел в мой дом? Твои ли это слова – или это слова тех, кто предал меня?

Джекоб Шифт решил больше не спорить. Ему не платили за споры с людьми, которые могут зарезать так же просто и обыденно, как зарезать курицу. Никакие деньги – не искупят в полной мере такого риска.

– Америка по-прежнему видит в вас сильного политического лидера, способного объединить страну.

Президент кивнул, на его усах были капельки жира. Он должен был сбрить усы, это сильно изменило бы его лицо, но тогда он потерял бы намус⁴⁵. Тот, кто уродует свое лицо, чтобы враг не мог его узнать – достоин лишь презрения.

– А кем Америка видит Масуда?

– Масуд предатель. Он снюхался с русскими и предал народ.

– Этого предателя взрастили вы.

– Никто не застрахован от ошибок.

Шифт решил пошутить на тему, мол, с каждой президентской администрацией Америке дается своеобразное отпущение грехов – но понял, что здесь этой шутки не поймут.

– И какую же ошибку вы намереваетесь совершить на сей раз?

Шифт разозлился. В конце концов – он был представителем великой страны, разговаривающим сейчас с дикарем. С вождем – но вождем дикарей.

– Поддержать вас, мистер Наджиб. Или Наджибулла⁴⁶... как вас называть. Вы ошибаетесь, когда думаете, что решающее сражение состоится на вашей земле, вы – всего лишь небольшое, нищее государство, не более того. Удобно расположенное – но пока вы не конвертировали это в деньги, за вами – лишь кровь. Рано или поздно русские будут вынуждены уйти отсюда – и только от вас зависит, кого мы поддержим. Мы, мистер Наджибулла, просто потому, что у нас больше денег, чем у Советов. Мы и будем решать.

– И как вы будете решать?

– По степени полезности, мистер Наджибулла. По степени полезности и ни по чему больше. Предыдущая администрация совершила в регионе массу ошибок, она давала деньги и оружие всем, кто только заявлял на словах, что готов сражаться с коммунистами и сторонник Соединенных штатов Америки. Сторонник демократии и прогресса. Мы ошиблись, мистер Наджибулла. Здесь живут жестокие и коварные люди, лукавые, хитрые и лицемерные. Мы, американцы, привыкли полагаться на слово – но с удивлением обнаружили, что слово здесь ничего не значит. Теперь мы будем смотреть только – и исключительно на дела.

– Что вам нужно, говорите яснее.

– Нам нужна ваша агентурная сеть.

– В Афганистане?

– Зачем же – в Афганистане. Афганская сеть пусть останется у вас, она вам нужнее. Нам нужна ваша разведывательная сеть в Советском союзе. Только и всего.

– Мы не имели права вести разведку в СССР. Советские советники стояли за нашими спинами в каждом кабинете.

Шифт улыбнулся.

⁴⁵ Авторитет.

⁴⁶ Это оскорбление. Мужчина, переименовавший свое имя не может быть уважаемым другими мужчинами.

– Бросьте, саид Раис. Сеть существует. И создали ее вы, когда заняли пост директора ХАД. А для того, чтобы ее не отследили по выделению средств – вы ведь кое-что предприняли так? В смысле самофинансирования?

Тяжелый штурмовик Скорпион – 5

– Эcran, внимание. Автомобиль марки Нива остановился примерно в пятистах метрах от населенного пункта, из него высадился человек. Вооруженный человек, повторяю – наблюдаю вооруженного человека.

– Скорпион, чем он вооружен? Чем вооружен человек, докладывайте.

– Эcran, мы на максимальном увеличении. Что-то длинное, возможно – снайперская винтовка.

– Скорпион, сообщите Уралу десять о новой угрозе.

– Принято. Урал десять, это Скорпион. Противник – справа, примерно пять километров от вас, снайпер. Одиночный снайпер в пяти километрах от вас, справа.

– Скорпион, принято.

Слава Аллаху – решили что-то со связью. По сравнению даже с восемьдесят пятым – восемьдесят шестым – небо и земля...

– Эcran, это Скорпион. Нива движется, Нива начала движение, движется по направлению к селению. Двигается на низкой скорости, не включая фар.

– Скорпион вас понял. Отслеживайте ситуацию. Будьте готовы открыть огонь.

– Эcran, вас понял. Внимание по самолету – объявляю готовность один. Проверить системы, доложить по постам. Подать питание к орудиям!

Нива

Невысокий, худенький Абдалла, отличный снайпер-разведчик родом из кишлака Сорбух – сноровисто и юрко как змейка выпрыгнул с заднего сидения машины: Ниву переделали так, что второй ряд сидений стоял повернутый на сто восемьдесят градусов, а садиться в него – надо было через багажник. При нем как всегда была винтовка – отличная русская Оц-48, винтовка Мосина только в новой ложе и с инфракрасным прицелом, такие совсем недавно передали афганским специальным силам.

– Хода хафез⁴⁷, Абдалла – сказал Чинай, командир ударной группы – Иншалла, сегодня ты уничтожишь этого тирана.

– Если на то будет воля Аллаха, брат. Если на то будет воля Аллаха...

– Аллах тебе в помощь. Иди.

Абдалла с винтовкой за спиной – нырнул в ночь.

Сидевший за рулем человек – с короткой, ухоженной бородкой поежился.

– Что с тобой, Ахмед?

Водитель пожал плечами.

– Что-то не так, амер. Все слишком просто. Что-то не так.

Амер – он же командир группы особого назначения ХАД днем – протянул руку назад. Там между передним и задним сидением оставалось место – и сейчас там стояли поставленные на попа короткие, толстые, зеленые спаренные трубы, мощь каждой из которых была равна пятидюймовому гаубичному снаряду.

– С этим, Ахмед – все становится просто. Как нельзя – проще.

– А если нет?

– Тогда мы все – скоро увидим Аллаха. И никто не скажет про нас – что мы прожили жизнь зря.

Это были Бадали. Бадал – один из принципов священного для любого пуштуна закона – пуштун валай. Полное название этого – Бадал Хастыль. Ахмад Шах Масуд был хитрым и опасным человеком – и он хорошо знало, что делает – пуская с горы камень кровной мести. Основными целями в этом случае – считались как деятели прежних властей – так и моджахеды, потому что мало в каком селении не было людей, у кого не было бы счетов с моджахедами. Когда в Кабуле правили коммунисты и шурави – они были против мести, работали комиссии по примирению. Сейчас те, кто шел вырезать селения и травить колодцы с водой знали, что за их дела могут расплатиться их родные, жены, дети, расплата может настигнуть их в лагере беженцев, в другой стране – потому что тот, кто не смог отомстить за себя – теряет свой намус. Кровная месть – внешне жестокий и варварский обычай – на самом деле стабилизирует примитивное и не уважающее законы общество, потому что любой, даже самый отмороженный человек десять раз подумает над тем, что он делает – если за содеянное может расплатиться вся семья. К тому же – Масуд поощрял традиционализм и агрессивный национализм – как серьезный противовес агрессивному, но интернациональному исламу. В конце концов – агрессивный ислам пришел сюда несколько лет назад – а кодексу Пуштун Валлай насчитывалось не меньше тысячелетия.

Страшная, запущенная болезнь требовала не менее страшных методов лечения. Гражданская война, продолжающая уже десять лет необратимо искалечила афганское общество, лишила его всяческой возможности прийти к какому-либо общественному согласию, война шла не на жизнь, а на смерть. Многое стояло на карте. После пешаварской катастрофы к Афганистану автоматически переходило господство в субрегионе, его никак не могли допустить ни

⁴⁷ Доброго пути, брат...

США, ни Китай. Стояло на кону создание пуштунского государства – Пуштунистана, и возврат значительной территории, отторгнутой по договору англичанами. Стоял на кону выбор и самого Пакистана: страна, как в шестидесятые левела, в Пакистане появились коммунисты, выступающие за конфискацию всех армейских земель и собственности⁴⁸. Стоял на кону выбор всего региона, прорыв русских напрямую в Индийский океан. Наконец – стоял вопрос о дальнейшей судьбе самого Афганистана – в преддверие девяносто четвертого года он должен был быть сильным и единым. Масуд, счастливчик, бывший генерал армии сопротивления и нынешний временный председатель правительства страны – отлично понимал что ни о каком национальном примирении не может идти речи. Крови пролито столь много, что речь может идти только о принципиальном выборе – мы или они. Кто останется жив – тот получит Афганистан. Целиком. Кто проиграет – того похоронят и забудут.

Так появились Бадали. Они почти один в один походили на организации аргентинских офицеров, действовавшие в стране и убивавшие коммунистов и троцкистов. Маленькие, автономно действующие ячейки, никому ничего не докладывающие, не требующие никакого содержания. Ни одна из ячеек не знает состав других ячеек. Ячейки убивающие, пытающие, похищающие – только на сей раз тех, кто противник новой власти, кто взял в руки автомат и встал на джихад. Основной враг – мусульмане. Исламские экстремисты⁴⁹. Проповедовал джихад – смерть. Нашли кассету с записью проповеди муллы – экстремиста из Хаккании – смерть. Нашли фугас – смерть. Состоишь в исламском комитете – смерть. Совершил теракт – смерть, даже если ты погиб – все равно отомстят, вырежут всю семью. Политика Масуда похожа была на политику времен Хафизуллы Амина – вот только некому сейчас было его остановить. Русские знали, что происходит – но теперь и они старались закрывать глаза. Добро стало злом. Не осталось больше добра на этой земле.

Джекоба Шифта *приняли* еще на дороге на Кандагар – один из сотрудников ХАД, ведущих слежку оказался бадали, членом подпольной ячейки мстителей. Второй раз – его обнаружили уже в Кабуле, это сделала другая ячейка, получившая информацию из ХАД. Используя предателей, проникших в подпольную офицерскую организацию «Спедадаг»⁵⁰ они получили достаточно информации, чтобы идентифицировать похитителей американского агента. С помощью маяка, подложенного в РАФ одним из предателей – они отследили путь машины – и он их привел в небольшое селение. Теперь – им оставалось только идентифицировать дом, где скрывается бывший генеральный секретарь ЦК НДПА и уничтожить его.

Ахмад Шах Масуд и Мохаммед Наджибулла не просто не любили друг друга – они были злейшими врагами. В свое время – Наджибулла и на посту директора ХАД и на посту Генерального секретаря ЦК НДПА сделал все, чтобы убить Масуда – а Масуд этого не забыл, он ничего не забывал. И один из них – должен был умереть.

Абдалла, ловко карабкаясь по склону, добрался до того места, откуда был виден весь поселок. В Афганистане сложно найти поселок, который не будет виден сверху – все поселки обычно строятся в горах или в низинах, на маленьких клочках пригодной для жизни земли. Выбрав для наблюдения большой валун, он начал распаковывать винтовку...

Дистанция была почти предельной, изображение плыло – но для крестьянина-пуштуна, увидевшего первый раз сложную технику – это было все равно, что волшебством, видеть сквозь

⁴⁸ В Пакистане осталась уникальная, сложившаяся со времен британского владычества система. Во времена британской Индии – к каждому полку прикрепляли землю с крестьянами, чтобы полк получал оттуда деньги и продукты на прокорм. Сейчас, в Пакистане эта система укрепилась и развилась – значительная доля пакистанской экономики прямо или косвенно принадлежит армии, огромные земельные наделы принадлежат армии, пакистанская армия – это как государство в государстве.

⁴⁹ Трудно в это поверить – но еще в семидесятых в Кабуле редко можно было встретить женщину в чадре. Зато полно было иностранной молодежи – съезжавшейся на дешевую марихуану.

⁵⁰ Рассвет (пушту)

ночь. Медленно, как учили его инструкторы шурави, осматривая сектор, он нашел, наконец-то, что его интересовало. С валуна была видна загнанная во двор машина.

РАФ.

Абдалла достал Алинко, трофейную рацию, хотел связаться с ожидающими в машине товарищами – но передумал. Инструкторы шурави учили его не пользоваться рацией без необходимости, потому что волну может слушать противник. Ему все равно возвращаться к машине – так пусть ашрапы остаются в неведении, что они тут.

Абдалла упаковал винтовку и сноровисто припустил к машине.

Тяжелый штурмовик Скорпион – 5

– Эcran, внимание. Наблюдаю снайпера, он возвращается, повторяю – он возвращается к машине. Он некоторое время наблюдал за поселком, а теперь возвращается...

В ППД Эcran – 1 один из офицеров войск специального назначения – хлопнул в ладоши.

– Это ликвидаторы. Они определили цель и теперь попытаются нанести удар. Это ликвидаторы.

Все посмотрели на москвича

– Этого нельзя допустить – сказал Москвич

– Скорпион, это Эcran, вы слышите меня?

– Эcran, это Скорпион, слышу вас хорошо.

– Эcran, боевой приказ – при проявлении враждебных действий – автомашину Нива и ее пассажиров уничтожить. Передать приказ Уралу десять – максимальный темп движения, атаковать с ходу. Докладывать по ситуации.

– Эcran, вас понял. Автомашину Нива при проявлении враждебных действий уничтожить, Урал – десять максимальный темп движения, атаковать с ходу.

Тревожная группа

– Твою мать!

Старший прапорщик, сидевший ближе всего к кабине – не удержался за ручку и хряснулся головой об броню. Когда делали эти машины – солдаты контингента называли их «головастики» – из-за повышенного веса бронированного кузова поставили более жесткие рессоры. Езда на большой скорости по ухабистой местности превращалась в настоящую пытку. Хорошо, что на голове был шлем – не солдатский, спецназовский, похожий на мотоциклетный...

Прапорщик дотянулся до трубки внутреннего телефона.

– Пескарь! Ты куда гонишь, мать твою!

– Тащ старший прапорщик, с самолета только что кинули – готовность десять. Мы на подходе к цели.

– Понял.

Со второго раза прапор повесил трубку на рычаг, хлопнул рукой по кнопке, включавшей зловещее, красное, мигающее освещение.

– Готовность десять! – заорал он во всю луженую глотку – оружие в боевое!

Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»

– Разведка – норма.
– Боевой отсек – норма, питание к орудия подано. Индикаторы на зеленом.
– Наведение – норма, цель в захвата. Вижу коробочки, идут с северо-востока, на скорости.

– Принято.

Офицер управления огнем пощелкал клавишами стандартной компьютерной клавиатуры, заменившей приборную панель – выводя на экран прицельную сетку.

На экране – Нива уже была в селении.

– Внимание... Они останавливаются... они выводят. Они выходят.

На экране – маленькая с человеческий мизинец фигурка – что-то приняла из остановившейся машины. Офицер управления огнем вгляделся...

– РПГ! У них РПГ! Принял решение открыть огонь. Кабина, прошу вираж.

– Управление – на вираже. Контрольные индикаторы – норма.

Из машины выбрался еще один человек – и тоже с такой же толстой, черной трубой на плече, на экране она казалась чуть толще спички.

– Есть цель, есть зона, есть готовность, есть разрешение...

Прицельная марка замерла на Ниве, внизу экрана мигал значок, обозначающий выбранную систему оружия. Большой палец оттолкнул предохранительный колпачок от кнопки.

– Огонь!

Ослепительно-белая линия на мгновение прочертила экран – и лопнула на земле раскаленными белыми брызгами, как раз в том месте, где только что была Нива. Все это длилось две секунды, не больше – но когда все это закончилось – Нивы не было и стрелков не было, а вместо них было только бурое облако...

– Попадание. Прямое попадание.

– Разведке, смотреть по сектору. Сколько до подхода головастика?

– Пять минут товарищ майор.

– Доложить по целям. Экран, Экран, я Скорпион.

– Скорпион, Экран на связи. Доложите.

– Объект Нива уничтожен. В объекте два духа с оружием, опознал как гранатометы.

– Управление огнем – движение в секторе. Активное движение в секторе. В секторе духи.

– Понял. Экран, я Скорпион, в секторе духи. Активное движение.

– Скорпион, сколько до подхода Урала – десять.

– Экран, до подхода Урала десять примерно четыре с половиной минуты, мы их отслеживаем.

– Управление огнем, в секторе наблюдаю до десятка духов, один крупняк, один РПГ. Ведут огонь в воздух, прикрытие.

– Экран, я Скорпион. Наблюдаем до десятка духов, один ДШК, один РПГ, ведут огонь на прикрытие.

– Скорпион, я Экран. Подавлять огневые точки запрещаю, вести огонь только при прямой угрозе вашему борту. Блокировать район, открывать огонь по любым целям, пытающимся проникнуть в него за исключением дружественных.

– Экран, Прошу подтвердить – никакого огня по целям внутри муравейника? Только блокирование района?

– Скорпион, подтверждаю, огонь только для самозащиты. Мы не можем так рисковать, Урал десять войдет в адрес и зачистит его. Ваша задача – блокировать район, не допустить боевиков в зону операции.

– Эcran, вac понял.

Населенный пункт, севернее Кабула

– Самофинансирования?

Шифт улыбнулся – и него было что-то вроде универсального ключа – отмычки, его сообщил ему генерал Уильям Одом, курировавший эту операцию. Замазались все – русские, восточные немцы, кубинцы. Это неправда, что русские выигрывают, они сделали ход, тактически – очень сильный ход – но стратегическим они проигрывают. То, что должно случиться – случится, и это – не остановить.

– Я имею в виду транзит. Наркотранзит. Неужели вы думали, что сможете заниматься этим без нашего ведома.

Бывший генеральный секретарь ЦК НДПА откинулся назад на стуле, обдумывая ответ

– Что было, то прошло – наконец выдал он – какое это сейчас имеет значение?

– Большое! Хотя сейчас сеть не работает – люди остались. Это – актив, и за этот актив...

На улице – что-то треснуло, так, что это было слышно даже здесь, в доме – было похоже на рвущуюся ткань, только намного громче.

Топот ног, президент вскочил, опрокидывая табурет, на котором сидел и выхватывая пистолет Стечкина.

Кто-то сунулся, с автоматом. Джекоб Шифт вскочил и прижался к стене.

– Что происходит?!

– Русские! Русские идут! Машину на улице взорвали!

Бывший генеральный секретарь – бросился к двери, Шифт кинулся за ним.

– Рафик президент...

Президент обернулся – и засветил агенту ЦРУ с разворота. Президент был боксером и ударом мог свалить быка.

– Важэл⁵¹? – коротко спросил офицер

– На, на. Дмха!⁵²

⁵¹ Убить? (дари)

⁵² Нет. Уходим.

Тревожная группа

– Одна минута!

– Одна минута, мужики! На товсь!

– Твою ма-а-а-ть!

– Пескарь, что там?

– Кажись эти уроды... тащ капитан, с самолета – не стали ждать. Они нанесли удар, нанесли удар по цели. Там что-то горит.

– Свяжись с ними! Противодействие, входим по горячему!

– Скорпион, я Урал десять, мы на подходе, прошу данные.

– Урал десять, уничтожил огневую точку, гранатометчики с РПГ. В адресе до пятнадцати духов, активны. Один ДШК, сконцентрированы на северном краю деревни. Я наведу вас.

– Скорпион, вас понял, спасибо!

Две бронированные машины уже почти прошли – когда с минарета по ним упорол крупнокалиберный. Просто вмочил – случайно такой точности не бывает, тем более ночью, и из ДШК такого не дождешься. Огненная струя хлестанула по бронированному носу первой машины, броня пульта калибра 12,7 не выдержала. Три пули вдребезги расколотили бронированное лобовое стекло, провалившееся внутрь осколками, только чудом никого не задело. Лишь вскрикнул водитель, которому осколками хлестануло в лицо и лишь чудом не повредило глаза.

– Горим!

– Урал десять, мы остановлены!

Из-под капота рванулось пламя – и почти сразу же погасло, сбитое автоматической системой пожаротушения.

– Покинуть машину!

– Дым! Дым!

– Рассредоточиться! Подавить огневую точку!

– Огневая точка по фронту!

Один из спецназовцев вскинул на плечо толстую трубу огнемета. Не обращая внимания на свистящие пули – он выстрелил. Гранатомет рявкнул, там, где только что пульсировали пулеметные вспышки – полыхнуло ослепительно яркое пламя.

– Огневая точка подавлена!

– Перебежками – вперед!

Спецназовцы вынуждены были броситься на землю, не пробежав и нескольких метров – из-за дувала открыл огонь еще один ДШК.

– Слева! Слева!

– Подствольниками, огонь!

– Бес, со своими под прикрытием – вперед!

К пулемету – присоединялись автоматы, бесплодная земля предгорий вскипала разрывами.

– Экран, Экран, я Урал – десять! Бьем в металл, повторяю – бьем в металл!

Бьем в металл – было одной из кодовых фраз, обозначающих ситуацию в бою. Бьем в металл – означало, что вместо того, чтобы вбивать гвоздь в дерево, они пытаются вбить его в металл. Соппротивление намного выше расчетного – вот что это означало.

– Урал десять, вас понял. При невозможности продвижения вперед, удерживать позиции, перекрыть банде пути отхода в горы. Десантная группа будет через двадцать минут, повторяю – через двадцать минут.

– Экран, над нами Громовержец! Коего черта он молчит?!

– Урал десять, Громовержец работать не будет, в муравейнике – особо важный груз, повторяю – особо важный груз. Брать только живым...

Новая трасса распорола воздух, алый луч ткнулся в кого-то из залегших прямо на земле спецназовцев – и он покатился по земле, пятная ее кровью...

Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»

– Скорпион, Скорпион, мать твою, я Урал десять! По нам работают крупняки, мы под огнем, в адресе до пяти десятков духов, у нас есть двухсотый и трехсотые! Какого беса не работаете по целям, мать вашу?!

Майор мысленно выругался – до того, как сесть в кресло офицера управления огнем на тяжелом штурмовике – он летал на Су-25, был сбит, чудом уклонился от поисковых групп моджахедов, вышел к своим, был списан с летной работы на реактивных самолетах. Сюда его посадили за заслуги и за огромный опыт в работе по местным целям: как-никак под четыре сотни боевых вылетов. Он по-прежнему числился в составе боевой эскадрильи, совершал боевые вылеты, уничтожал душманов, громил опорные пункты и сжигал караваны. Но здесь, сидя в удобном кресле и тыкая пальцами по клавишам – майор чувствовал себя предателем, сам не зная почему. Согласитесь: когда ты направляешь своего Грача на искрящийся вспышками ДШК, выходишь в лоб, один на один – и когда ты сидишь в кресле, в герметизированной кабине, ночью и нажимаешь на кнопку, посылая танковый снаряд в ничего не подозревающего врага – это совсем разные вещи.

– Урал десять, у меня красный свет, повторяю – красный свет от штаба.

– А не насрать на красный свет твой, у меня там пацаны под пулями, мать твою! Ты что, там, совсем...

Абонент на другом конце линии договорить не успел – майор вдруг услышал какой-то шум, а потом – хрип.

Твою мать...

Он посмотрел на экран – еще один ДШК! Четвертый!

Чтобы у всех этих ГБиников – х... на лбу вырос!

Белая линия протянулась от одного из домов кишлака к стоящему на окраине бронированному Уралу. Тот задымился, загорелся... попадание...

А пошли они все.

– Разведка! – заорал майор в микрофон – ты что там, совсем мышей не ловишь! Кой черт там у тебя творится – признаки применения управляемого оружия, вон следы! Нас щас тут из Стингера приземлят – а ты ворон ловишь!

Говорилось это все для аппаратуры боевого документирования. Ну, если даже и прижмут потом – все равно, прямое неисполнение приказа пришить не смогут, пенсию он себе выслужил... почти. Запихнут в какой-нибудь сраный гарнизон, там дослужит.

– Виноват... тащ майор – все понял сидящий в носу со своей аппаратурой штурман – разведчик, наблюдаю дымные следы, возможно применение ПЗРК.

Вот и все... душки поганые...

– Внимание принял решение открыть огонь... огонь в опасной близости от дружественных сил... боевой отсек... крупный калибр... заряд термобарический... готовность... наведение... есть цель, есть зона, есть готовность, есть разрешение... огонь!

Самолет едва заметно дрогнул, на мгновение сбился с ритма ровный гул двигателей... сто двадцать миллиметров это не шутка. Секретное пока орудие 2А80 выплюнуло осколочно-фугасный снаряд, который по могуществу действия у цели не уступал шестидюймовой гаубице. Снаряд проломил крышу укрепленного дома, откуда плевался огнем ДШК – и уничтожил дом вместе с огневой точкой. Только куски стен и остатки крыши – полетели во все стороны. Дохнуло пламенем – так, что показалось будто разверзся вулкан.

– Попадание.

– Подтверждаю, прямое попадание, цель уничтожена.

– Новая цель. Огневая точка, активна...

Тревожная группа

Никто из спецназовцев не попадал под удар самолета огневой поддержки Скорпион. Самолеты эти – работали в основном по ночам в приграничной зоне, в секторах ответственности, которые они окучивали – командиров предупреждали под расписку, что в такое то время будет работать Скорпион, и весь личный состав – с поля долой. Перепутать и врезать по своим – да запросто, тем более что спецназовцы часто выходили в поле в духовской одежде и на духовской технике. Массовая гибель личного состава, погоня долой и под суд – кому надо? Еще – Скорпионы использовались для того, чтобы долбить духовские укрепленные районы, они летали на высотах, почти недостижимых для Стингеров, несли в несколько раз больше отвлекающих ловушек, чем СУ-25, несли приличной мощности станцию РЭБ и могли гвоздить район целыми часами, что днем, что ночью. Операции проводились так: советские солдаты перекрывали все отходы из района, сами находясь при этом на солидном удалении, дальше появлялся Скорпион и начинал долбить. Долбил он по часу, а то и больше, потом он уходил, и только после этого советские части входили в район, чтобы подавить остаточное сопротивление. Но никто и никогда даже не думал отрабатывать огонь в опасной близости от дружественных сил – поражение целей, находящихся в пятидесяти – ста метров от залегшего спецназа. Этот случай – стал первым.

Было и в самом деле страшно. После каждого попадания – земля ощутимо вздрагивала, и спецназовцев даже с такого расстояния окатывало жаром. Пыль, дым, летящие в разные стороны остатки дувалов – какие-то долетали и до них. Командир группы – как-то раз попал под огонь веселых, вчера отметивших чей-то день рождения артиллеристов – но и тогда так страшно не было...

Они не сразу поняли, что самолет прекратил огонь. Какое-то время – выстрелов уже не было и взрывов, сотрясающих землю – тоже не было, а они все лежали, закрыв головы руками.

Потом – кто-то поднялся. Непечатно высказался – и закашлялся. Потом поднялся еще кто-то и еще...

– Черт...

Через путь поднятой пыли и дыма – желтыми пятнами зловеще проглядывали костры. Что-то горело...

– Пошли, что ли?

– Начать... кхе-кхе... выдвижение. Разбиться на четверки, проверять каждый дом. Сулиман – остаешься с ранеными.

– Есть.

Они пошли вперед, прикрывая друг друга и сторожко поводя стволами автоматов по сторонам – видно не было ничего, но и противник, если кто-то уцелел в этом аду – тоже ничего не должен был видеть. Непонятно было – что тут могло уцелеть, в таком аду – температура около нуля, а тут – жарко. Ноги постоянно натыкались на что-то.

– Справа чисто.

– Слева чисто.

– Идем...

Один из спецназовцев пнул чудом уцелевшую дверь, ведущую во дворик – и отшатнулся от пахнувшего в лицо жара.

– Тут ничего.

В некоторых местах разрушило даже дувалы, хотя афганцы их строят – как мини-крепости.

– Стой! Дреш!

Что-то метнулось в дыму, спецназовец еле сдержал палец на спусковом крючке.

– Таслим! Ништ фаери, таслим⁵³!

– Держи его!

Душман, непонятно как уцелевший – жутко выглядел, обгорелое, закопченное лицо, борода в крови, руки непонятно в чем, он кашлял. Спецназовец, который страховал своего товарища, мрачно прикинул – не жилец. Скорее всего – легочная контузия, вон кровь ртом идет. Хотя... народ крепкий, может, выживет.

Тот, кто задержал духа – связал ему руки обрезком парашютной стропы.

– Шурави шайтан...

– Караредл⁵⁴!

– Товарищ капитан, есть один дух. Ранен.

– Оставьте. Продвигаемся вперед.

Чем дальше они шли – тем меньше были разрушения, очевидно, летчики постарались отработать так, чтобы не задеть возможное местонахождение американского агента.

– Хэа⁵⁵!

Кто бы это не был – но две автоматные очереди скрестились на боевике прежде чем он успел бросить гранату.

– Бойся!

Все попадали на землю, где-то впереди хлопнула РГДшка. После разрывов снарядов с самолета – взрыв показался слабым и несерьезным.

– Чисто!

– Вон адрес! Дверь!

Спецназовцы, прикрывая друг друга, перебежали к неповрежденному дому – довольно большому. В отличие от остальных он вообще почти не был поврежден, если не считать частично заваленного дувала.

Где эти летуны? Козлы. Вот

– Приготовиться к штурму! На три – один – два...

На три – один ударил в дверь, прикрываясь дувалом – взрыва нет, растяжки нет. Двое – рванулись внутрь, пристроенные к цевью фонари⁵⁶ прорезали ночной сумрак в поисках целей.

– Слева чисто!

– Справа чисто!

Еще двое проскочили к двери.

– Один – два...

Удар, один из спецов заходит и сразу пытается уйти влево, но места нет и приходится продвигаться вперед, стараясь не потерять темп. Коридор. Автоматы наизготовку, пальцы – на спусковых крючках.

– Дверь! Здесь дверь!

– Таслим! Таслим!

– Хорош орать. Давай – Зарю и входим.

– Есть!

Из небольшой, размером с боевую осколочную гранату, сверху белой, снизу черной, рубчатой как эспандер – выдергивается чека.

– Бойся!

⁵³ Сдаюсь. Не стреляй, сдаюсь.

⁵⁴ Утихни, затихни!

⁵⁵ Боевой клич пуштунов, то же самое, что наше Ура.

⁵⁶ Об использовании подствольных фонарей – читать воспоминания Э. Абдуллаева о войне в кыргызах.

Спецназовцы едва успели отвернуться – внутри, в одном из немногих уцелевших домов кишлака – оглушительно гроыхнуло. Так гроыхнуло, что тот, кто стоял в цепи первым – едва не потерял сознание. Показалось – что сейчас крыша на голову упадет.

– Пошел!

Удар по двери, автомат навскидку, яркий луч фонаря режет завесу пыли и дыма. За спиной – то же самое.

– Дреш! Дреш!

Здесь было просторнее, вошедший первым спецназовец отошел в сторону, давая дорогу остальным. Через две секунды – в комнате было уже трое.

– Чисто!

– Чисто!

– На полу! На полу, осторожней!

Два луча фонаря – скрещиваются на лежащем на полу человеке, тот лежит оглушенный и ослепленный, из ушей – идет кровь.

– Дреш!

– Проверь его!

Один из спецов переворачивает лежащего на животе человека – осторожно, готовый отскочить, упасть, подать команду об опасности. Не раз и не два были случаи, когда душок из последних сил выдерживал чеку гранаты и подкладывал ее под себя – подарок ненавистным шурави.

Луч прицепленного к цевью фонаря замирает на лице – грязном, окровавленном, со свернутой набок челюстью, с жиденькой бородашкой.

– Это объект!

– Тащите его отсюда! Пошли, пошли, пошли!

На дворе – приглушенно хлопает взрыв. Спецназовцы ломятся вон из здания, один из них тащит полумертвого американца, закинув руки на плечи.

Двор. Мелькающий свет фонарей, крики и мат, кислый запах взрывчатки. Кто-то лежит на земле, командир группы с полувзгляда понимает – не жилец. Не первый год здесь кувыркается, навидался – лучше иного фельдшера понимает...

– Доклад!

– Тащ капитан, тут кяриз! Замаскированный! Младший сержант Бурятов туда пошел, а там МОНка⁵⁷, с. а!

Один из спецов все же не выдерживает – падает планка. Поминая мать и ругаясь на пушту он подлетает к пролому в земле, где взорвалась мина-ловушка, убив младшего сержанта Бурятова, сует туда ствол автомата – и жмет на спуск, продолжая орать непечатное. Подскочивший вторым прапорщик Акопян – хватает его сзади, блокируя руки, тащит его от пролома...

– Ах... б... я... вас... на кол всех... на кол...

– Молчать! Бунчук – берешь своих и отступаете к машинам! Остальные – прочесать здесь все! Связь мне, связь!

⁵⁷ Мина направленного действия.

Тяжелый штурмовик «Скорпион-5»

– Скорпион, я Экран. Боевая задача – приступить к прочесыванию местности, радиус – пятнадцать километров! Обращать внимание на признаки активности, небольшие группы и одиночных духов, движение транспортных средств, особенно малых колонн. Об обнаружении – докладывать немедленно.

– Скорпион – принял, выполняю. Группа разведки – боевой приказ, свободный поиск, радиус – пятнадцать от муравейника. Докладывать немедленно!

– Есть!

Еще года три назад – это было бы невероятно, поисковые действия на таком радиусе и ночью. Сейчас – реальность. Огромный объем фюзеляжа и грузоподъемность Ил-76 дали возможность установить предельно мощную аппаратуру разведки, связи и управления, такую, какая раньше либо использовалась только на земле либо – вовсе не была разработана. Ни самолет ни вертолет – не смогли бы ночью сделать такую работу, на которую был способен Скорпион.

БЫВШИЙ генеральный секретарь ЦК НДПА. Мохаммед Наджибулла

– Важэл?

– На, на. Дмха!

Может быть, шурави увидят американца и удовольствуются эти. Может быть, если оставить его в живых – шурави этого хватит.

Они выскочили во двор, где-то рядом – что-то горело. Нельзя было медлить ни минуты, в любой момент – над домом мог зависнуть вертолет, и тогда – уже не уйдешь...

– Длта! Длта, рафик командон⁵⁸!

Бывший президент – никогда не останавливался в месте, где не было хотя бы двух запасных путей отхода. Звериным чутьем своим он понял – по земле уходить нельзя, в воздухе – враг. Значит – уходить надо под землей...

Облицованный камнем сухой колодец. Поскрипывающая под ногами лестница. Свет фонарей и сухая, лезущая в нос пыль...

Тот, кто шел первым – это был майор Алади, прикрывающий президента уже несколько лет, и беспредельно верный ему – прицепил аккумуляторный фонарь под цевье, на самодельное крепление. Примкнул к автомату штык старого образца, длинный. Было низко, со всех сторон давила тяжелая, темная земля, идти приходилось согнувшись в три погибели. Но это еще ничего – потом придется ползти.

Кяризы! Лазы, ведущие в горы, туда, где есть вода. Карт кяризов не было ни у кого и никогда, информация о ходах передавалась от отца к сыну, от наличия кяриза зависело – будут тут жить люди или нет. Кяризники – одна из самых уважаемых профессий в Афганистане, бывало – что кяриз начинал отец, а заканчивал – уже сын. Все делалось вручную.

Сухая, холодная на глубине земля. Затхлый воздух, скорпионы и змеи, павшие в зимнюю спячку. Черные чурбаны – подпорки, подпирающие низкий, кое-как укрепленный потолок. Смертельно опасное место.

Но все равно – надо идти. Алади – опытный человек, у него нечеловеческая реакция, он приколет штыком что змею, что кого еще...

Наверху бухнуло – раз, потом еще раз. Все буквально кожей, всем телом ощутили – как дрогнула земля.

– Бомбят...

– Шайтан их заберет...

В Афганистане от благодарности до проклятья – один шаг. Точно так же – один шаг от дружбы до смертельной вражды.

– Вро-вро⁵⁹!

И в самом деле, кяриз – совершенно неподходящее место для досужего разговора. Шорох чешуек змеи по песку, негромкий стук железа о камень – все это может предупредить о наличии врага. В кяризе – можно идти даже с закрытыми глазами, если ты достаточно опытен.

Они шли, потом – встали на четвереньки и поползли подобно гадам – а наверху что-то бухало и грохотало.

⁵⁸ Сюда! Сюда, товарищ командующий.

⁵⁹ Тихо!

* * *

– Вро-вро!

Выходы из кяризов – не обязательно были в виде колодцев, некоторые – были пологими. Этот – был пологим. Он вел на склон довольно высокого холма у самого подножья гор. Майор Алади лег на бок, осторожно оттолкнул стволом автомата заслонку, ловко, как змея пополз наружу. Остальные – замерли в ожидании. Сочащаяся в кяриз через открытый лаз ночная свежесть – была как амброзия после душного, тесного кяриза.

Каждый ждал, слыша тихие удары сердца. Наверху – их мог поджидать враг. Если так – то все, зальют керосин в кяриз и подожгут.

В люке – горела одинокая звезда на небе. Их было много – но из люка была видна только одна, холодная, молочно-белая и крупная.

Потом – звезду закрыл человек, сунувшийся обратно в лаз.

– Хиц! Чабак! Чабак⁶⁰!

* * *

Они вылезли на склон, быстро привели себя в порядок – после путешествия по кяризу одежда будет совсем не в порядке, потому что там грязь и есть даже павшие животные. На горизонте – переливались зарницы разрывов, рокотали вертолетные лопасти. Люди старались не смотреть туда...

Осторожно, как их учили шурави – инструкторы – они растянули большое пуштунское одеяло, расстелили карту.

– Сюда – решил президент – к утру дойдем до кишлака, пересидим там день. Потом пойдем дальше.

– Нас кто-то предал. – сказал Шинмари, самый молодой из них

– С этим потом – отрезал президент – сначала уйдем, потом разберемся, что произошло, и кто предал. Выступаем – нельзя оставаться на открытой местности до утра.

Ночью в горах пройти двенадцать километров – много. Но не для воинов – пуштунов.

* * *

Майор Алади, настороженный, как всегда, мягко ступающий по земле в своих сапогах с кожаной подошвой – вдруг застыл, встал как вкопанный, смотря влево.

– Что...

– Цмлый⁶¹! – он прыгнул на президента, сшиб его с ног и застыл, направив ствол автомата в ночное небо.

Из-за горной гряды – с рокотом выкатились два вертолета, пулеметные очереди полоснули горный склон слева и справа от группы. Это была «караванные» вертолеты, охотники за караванами – нор у них теперь не было прожекторов, были приборы ночного видения отчего было еще страшнее. Ничего – ни яркого света, ни очертаний вертолета – лишь темные тени на фоне более светлого из-за звезд неба, рокот вертолетных винтов, который, кажется – везде, доносится со всех сторон – и громовой, перекирывающий винты и турбины голос.

⁶⁰ Никого! Быстро! Быстро!

⁶¹ Ложись!

– Вы обнаружены, сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! Сдавшимся гарантируем жизнь. Сдавайтесь.

Несколько автоматов заговорили в унисон – и, отвечая им, с одного из вертолетов ударил НУРС, пока выше группы. Лежащих на горном склоне – осыпало землей.

– Бывший президент Наджибулла, мы знаем, что вы здесь! Сопротивление бесполезно, сдавайтесь! Шансов нет!

Группа захвата

– Досмотровая группа на сброс! Обезоружить, связать, ожидать приказов!

– Шевелятся вроде еще. Может дать...

– Я тебе дам...

Один из вертолетов проходит над склоном, пока второй – страхующий – прикрывает его с дистанции, из первого – один за другим бросаются в темноту, на склон десантники Высота – метров семь – девять, но для десантника это ничто.

– Сброс произвел! Досмотровая группа на земле! Отхожу в зону ожидания!

– Бортстрелок, держи готовность!

– Есть!

На земле – группа десантников, не раз и не два ходившая на караваны – готовится к самому главному. Это все равно – что взять медведя на берлоге после того, как выследили.

– Шаповал, Абдулов! Приборы у вас?

– Так точно.

– Идете первыми. Стрелять только если они начнут. Постарайтесь брать живыми.

– Есть.

– Подолян – прикроешь его отсюда. Мамедов – давай, бери свою дуру и уходи выше. Работаешь только в самом крайнем случае.

– Есть.

Начиная с 80-х годов – американская армия превзошла советскую в возможности ведения боя ночью. У американцев вертолеты с системой FLIR, радара для полетов в сплошной темноте – появились еще во Вьетнаме – мы и в Афганистане не могли нормально обеспечить ночные полеты. А ведь караваны гоняли ночью! Сейчас, после сокращения ОКСВ в разы – проблема встала особенно остро. Но ее – решали. На БелОМО, не мудрствуя лукаво, скопировали очки ночного видения AN-PVS7, которые удалось захватить в Никарагуа, именно они были на Гвардии младшем сержанте Шаповале и Гвардии сержанте Абдулове. У остальных – на автоматах, снайперских винтовках и пулеметах были ночные прицелы. Это раньше была специальная модификация Н для автоматов и ручных пулеметов, сейчас же – в полевых мастерских под эту модификацию переделывалось все оружие СА, ночные и оптические прицелы поступали во все большее и большее количество и в некоторых подразделениях – они были уже у каждого.

– Остальным – занять позиции. Стрелять только по команде. Шаповал, Абдулов – вперед!

– Хакарат макава! Хакарат макава⁶²! – громынуло с вертолета

Душманы – несмотря на то, что еще недавно они были своими, сейчас они были душманами – были метрах в пятидесяти, уже – на дальности броска гранаты. Гвардии сержант Абдулов – перешелкнул предохранитель в среднюю позицию, решив – что если что – саданет очередью, и пусть потом судят. Потому что нет здесь своих – одним духом меньше и хорошо.

– Топак де пар ми дзака ки хиз де! Лаасуна портакра! Лаасуна портакра! Мукавамат макавай⁶³! – громынуло с вертолета

Один из боевиков впереди дернулся – и опережая его движение четко стукнула СВД.

– Мать... – выпустив короткую очередь, Гвардии сержант Абдулов бросился на землю.

– Не стрелять! Не стрелять! Вашу мать не стрелять! Сдавайтесь там, а то всех положим!

⁶² Не двигаться!

⁶³ Бросьте оружие! Поднимите руки вверх! Не оказывайте сопротивления!

* * *

– Ц б каву⁶⁴?

В темноте – отчетливо, слышимо даже через шум и вой вертолетов, через металлический голос команд – щелкнул предохранитель пистолета

– На. На. – сказал бывший президент Афганистана

Он уже все для себя – решил.

⁶⁴ Что будем делать?

ППД «Экран-1» ВСН МО СССР. Авиабазы Баграм. 16 июня 1988 года

Бывшего генерального секретаря ЦК НДПА, Мухаммеда Наджибуллу содержали в ленинской комнате – просто больше нигде было, не было свободного места. Было известно, что президент – в молодости занимался боксом и национальной афганской борьбой – поэтому, не далее чем на два шага от бывшего генсека находился зам по физподготовке базы по прозвищу Мускул. Сей субъект был знаменит на весь ограниченный контингент тем, что он выступал перед новобранцами с двухпудовой гирей. Он выходил перед строем с этой гирей, ставил ее и говорил – вот видите, это гиря. Ее можно поднять – при этих словах он ее поднимал. Ее можно поставить – при этих словах он ставил ее обратно на землю. А еще, ей можно перекреститься. И с этими словами – Мускул крестился, но не перстами, а зажатой в кулаке ручкой гири. Те из салаг, до которых еще не дошло, куда они попали – при виде этого зрелища моментально прозревали...

Сразу возник вопрос о том, кто будет обыскивать президента. Для мусульманина личный обыск – унижение, но для советского военнослужащего обыскивать кого-то, тем более того, кто еще недавно считался другом – тоже унижение не из последних. Сошлись на том, что бывшему президенту подобрали в каптерке полный комплект советской полевой формы, и попросили его переодеться, отдав одежду. Теперь – гэбье в одном из ангаров зачем-то ее перетряхивало, вскрывало швы.

Перед дверью ленкомнаты стоял пост – два солдата спецназа, вместо положенного по уставу в таком случае штык-ножа, у них было по пистолету Стечкина и по автомату Калашникова с боекомплектom, в нарушение устава при начале дежурства патрон досылался в патронник. Еще двое, вооруженных точно так же – стояли на улице под окном.

Человек в штатском, поднялся на второй этаж, сделал несколько шагов – и тут же был остановлен зловещим щелчком предохранителя пистолета. Ни положенного по уставу окрика «стой, кто идет», ни вопроса «кто здесь» – просто щелчок предохранителя.

- Свой – сказал он
- Пароль?
- Двина на сегодня...
- Можете идти...

Человек в штатском подошел к стоящим на посту часовым, предъявил красную корочку с тиснением золотыми буквами на обложке – КГБ СССР. Часовой достал блокнот, карандаш и переписал данные удостоверения. Отступил в сторону.

- Человек шагнул в комнату, где содержался пленник
- Выйдите!

Начфиз Мускул удивленно посмотрел на вошедшего. Тот был среднего роста, с проседью в волосах – он был ниже президента больше чем на голову.

- Товарищ... опасно.
- Выйдите, майор!

Звание начфиза звали не все. И еще меньше из тех кто знали – прошли бы пост охраны на дверях.

- Я за дверью буду, товарищ... генерал.

Когда за Мускулом закрылась дверь, бывший генеральный секретарь – он не был связан, на нем не было даже наручников – затравленно посмотрел на вошедшего.

- Здравствуйте, рафик Мухаммед. Или саид раис⁶⁵... как там теперь...
- Здравствуй, мушавер⁶⁶ – сказал бывший генсек – живой, значит... Не ждал я тебя увидеть, не ждал...
- В жизни всякое бывает. Догадываешься, зачем я пришел?
- Да догадываюсь... Только мне то с этого – чего?
- Жизнь.
- Вот так?
- А ты как думал, рафик, а? Ты думаешь – мы зачем тебя искали? Ты для нас – тьфу. Хочешь, в Пакистан потом отпустим? К семье? Или где она у тебя там... в Югославии...
- Бывший генсек ничего не ответил
- Боишься... И правильно делаешь. Тебе, рафик командон, нужно уже не бояться. Тебе надо завещание писать. Замочат ведь тебя.
- Замочат?
- Ну, убьют. Взорвут, застрелят, голову отрежут. Замочат – это так в тюрьме говорят, набрался я там... слов разных.
- В тюрьме, значит, отсиделся, мушавер?
- В ней самой рафик, в ней самой. Добрые люди помогли, есть люди на свете. А сейчас – и реабилитировали вчистую, и на работе восстановили.
- Полковник сейчас?
- Генерал-майор.
- Вырос, значит. Была одна власть – а стала другая власть?
- Так. Знаешь, рафик, что с Крючковым стало?
- Знаю, как не знать. Угрожаешь?
- Предупреждаю. Ты ведь из-за этого переметнуться решил, а? Мятеж устроил, американцев позвал. Из-за этого?
- Из-за этого, не из-за этого... какая сейчас разница, мушавер? Говори, чего надо, и уходи, не ... беспокой душу.
- По-русски правильно – не рви душу.
- А ты что, русский, мушавер? Разве так?
- Русский. Русский азербайджанского происхождения. Мы все здесь – русские. Так что, давай прямо, рафик. Говорить будешь?
- Нет.
- Почему?
- Если молчать буду – убьют только меня. Если заговорю – всю семью вырежут, до последнего человека.
- Это ту, которую ты в Югославии держишь? Хочешь, адресок назову?
- Бывший генеральный секретарь ЦК НДПА хотел было броситься, но моментально понял – бесполезно. Этого убьешь, другие придут. Нет им числа.
- Все замарались, все. И каждому выгребать – по делам его.
- Сам понимаешь, рафик, выбора у тебя нет. Мы, по крайней мере, тебя живым хранить будем. До последнего. Нам свидетель нужен. Я ведь догадываюсь, что там люди – которых словом не свалить.
- Их ничем не свалить.
- Ошибаешься, рафик. Крючков так думал – и где он теперь. Чебриков так думал – и где он теперь. Горбач так думал – и где он теперь? Скверну надо – каленым железом. Иначе нельзя, зараза пойдет. Так что думай, рафик, прямо сейчас думай, времени нет ни минуты.

⁶⁵ Господин президент.

⁶⁶ Советник.

Сыграешь – дадим документы, семью поселим в тихом месте... будешь век свой коротать где-нибудь... подальше от глаз. А врагов твоих – похоронят с тремя залпами. Ну?

– Нет.

– Как знаешь. Завтра передадим тебя ХАД, как положено. Посмотрим, доживешь ли до суда. Бывай, рафик, мне еще твоего брата сыскать надо. Может, он умнее окажется, чем ты.

Москвич встал, пошел к двери...

– Стой! – не выдержал бывший генсек, когда тот уже взялся за ручку – какие будут гарантии мушавер?

– Моих слов тебе недостаточно?

– Человек хозяин своего слова. Захотел дал, захотел взял.

– А слово Председателя Президиума Верховного Совета Союза СССР тебе весомее будет? Хочешь – сейчас к вертушке пройдем?

Бывший генсек немного подумал, потом обреченно махнул рукой. Сильный и крепкий в начале разговора сейчас, он как-то сдулся, съезжился, кажется, что даже стал меньше. Он сломался...

– Говори свои вопросы, мушавер. Скажу...

Москвич достал из кармана небольшой японский диктофон – чертовски удобная штука. Вставил две пальчиковые батарейки, сказал «Раз, раз», переключил и послушал как звучит. Звучало нормально. Тогда он положил диктофон на стол, поставил стул напротив.

– Сегодня шестнадцатое мая одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года, шесть часов одиннадцать минут по московскому времени. Я, генерал-майор государственной безопасности Аскеров Эльхан Абдулович, находясь в помещении ленинской комнаты авиабазы Баграм Демократическая Республика Афганистан, провожу допрос задержанного Мохаммеда Наджибуллы, бывшего генерального секретаря ЦК НДПА. Назовите свое имя.

– Мохаммед Ахтар Наджибулла.

– Вы клянетесь говорить правду и только правду?

– Клянусь, мушавер, клянусь – сказал бывший генеральный секретарь.

– Тогда вопрос первый. Когда вам впервые предложили участвовать в поставках в Советский союз героина?

– В апреле восьмидесятого года это было.

– Кто предложил вам участвовать в схеме поставок?

– А то ты не знаешь, мушавер.

– Рафик генеральный секретарь, я может, и знаю, но вы должны назвать это имя сами. Вы знаете процедуру не хуже меня.

– Двое пришли. Птицын и Кулаков. Прямо в кабинет. В открытую.

– Вы имеете в виду генерал-лейтенанта ГРУ, советника при Генеральном штабе армии ДРА Птицына Владимира Александровича и полковника КГБ, главного военного советника при Корпусе погранвойск ДРА Кулакова Петра Борисовича?

– Их самых, рафик мушавер. Их самых. Только Птицын тогда еще полковником был, а Кулаков – он не просто главным военным советником при погранвойсках был. Он тут личным представителем Андропова вашего был... он и заварил всю эту кашу...

– Почему вы согласились принять участие в заведомо преступных действиях Птицына и Кулакова?

Наджибулла усмехнулся в усы

– Глупые вопросы, мушавер задаешь. Попробовал бы я не согласиться. Они ведь не просто так пришли. А от Кармаля.

– От генерального секретаря ЦК НДПА Бабрака Кармаля?

– А что, еще один Кармаль есть? От него и пришли. Если бы я отказался – на ХАД другого бы поставили, а меня... в лучшем случае в отставку. А то и... работа то опасная, в Кабуле уже тогда было неспокойно.

– Бабрак Кармаль знал о поставках героина в Советский союз?

– А как не знать? Знал, еще как знал. Только наркоту эту – не в Советский союз поставляли. В Советский союз маковая соломка шла... конопли немного. Остальное дальше шло.

– Куда шло?

– А вот этого я не скажу, мушавер. Не скажу, как не проси.

Аскеров, Москвич – не стал настаивать.

– Хорошо. Вопрос второй – откуда вы брали наркотические вещества?

– Выращивали, откуда же еще.

– Поясните, пожалуйста, смысл слова «выращивали».

– Делянки были, мушавер. Сначала немного, потом больше. Далеко... ваши солдаты туда не совались. Госхозы⁶⁷ под это дело создавались. Договорные районы. Ну а часть... конечно оттуда.

– Оттуда – это откуда? Выражайтесь точнее.

– Оттуда – это с той стороны границы.

– С кем именно вы контактировали из членов Пешаварской семерки для покупки наркотиков?

– Хекматъяр, Раббани... Они все время и грызлись из-за того, что у одних доход был, у других его не было. Обидно, понимаешь.

– Вы имеете в виду доход от наркоторговли, так? Так.

– Следующий вопрос – расскажите, каким образом были организованы поставки в Советский Союз наркотиков?

– Как... Была специальная группа в составе ХАД. У нее вертолеты были. Забирали наркотик, доставляли в Баграм. Там принимала советская сторона.

– Кто именно принимал наркотик в Баграме?

– Был тут человек... Фамилия... Сивахин, кажется. Но ты его не ищи. Убили его.

– Кто убил?

– Не знаю. У своего руководства гэбэшного спрашивай.

– Хорошо. Когда это произошло?

– В восемьдесят третьем. Октябрь... не помню.

Аскеров прикинул – примерно в это время окончательно слег в больницу Андропов. Почки... и оттуда уже не вышел. Мингазов... сволочь, признался, что отравил Андропова, и многих других, но зачем – молчит как рыба. Видимо, и у этого – семья.

С..и...

– Допустим. Кто пришел на место Сивахина?

– А никто, мушавер не пришел.

– То есть как. Поясните.

– Пришел Птицын. Сказал, что в наших услугах советская сторона больше не нуждается. Теперь он все будет делать сам.

– Когда это было?

– Да примерно – тогда же.

Решили отключить афганцев, чтобы не делиться. Возможно – из-за этого же убили Андропова... Нет, скорее – чтобы не мешал.

– Кто и каким образом передавал вам деньги за оказанные услуги?

– Птицын передавал. Прямо в кабинет приносил.

⁶⁷ в Афганистане были не колхозы, а именно госхозы.

- Сколько именно?
- Немного. Наличными.
- Какими именно?
- Доллары. Американские доллары.
- А счета?

Бывший генеральный секретарь вскинул голову, прожег Аскерова ненавидящим взглядом.

- Какие еще счета?
- Обыкновенные. В швейцарском банке. Юнион Банк Свисс. Да ты не переживай так, мы все равно деньги снять не сможем. Просто знаем, что счет там есть. Сколько там?

– Достаточно.

Аскеров снова не стал настаивать.

- Какие именно суммы передавал вам Птицын и как часто?
- Десять... пятнадцать тысяч... каждый месяц.
- Долларов США? Десять – пятнадцать тысяч долларов США?
- Долларов США.
- Хорошо. Кто еще в афганском руководстве был в курсе схемы?
- Кармаль был.
- Еще?
- Не знаю. Про Кармаля знаю точно.
- Лаек?
- Не знаю, говорю же, мушавер.
- Хорошо. Кто убил полковника Кулакова?

Наджибулла усмехнулся.

– Ты еще спрашиваешь, мушавер? Ты его убил...

Аскеров покачал головой.

- Я не убивал Кулакова.
- Как знаешь – легко согласился Наджибулла – но и мы его не убивали. Не убивали мы его. Ищи у себя, кроме ваших – некому.

- Найдем. Как часто вы контактировали с Птицыным после конца восьмидесят третьего?
- Часто. Как и раньше. Он ведь мне платил.
- То есть как – платил?
- Так и платил, мушавер. Деньгами.
- Сколько?
- Семь... десять тысяч.
- Долларов США в месяц?
- Их самых. Долларов США в месяц.

Шайтан... как же просто. И какие мы все-таки дураки... Как облажались... с Амином, с Кармалем, со всеми. Никому просто в голову не приходило, что лояльность этих брехунов, рассуждающих о коммунизме как дикарь о высокой кухне – стоит ни много, ни мало – десять тысяч долларов США в месяц. Гнали сюда... стволы, муку, машины, строили им заводы на халяву. Но всё, что они стоили, все вместе, всем их головотяпистым кагалом – это десять тысяч долларов США в месяц.

Уму непостижимо.

- Кому еще кроме вас Птицын приносил деньги?
- Это не знаю, мушавер. Про себя знаю – скажу. Про других – не знаю.

Им же цена всем в базарный день – смятый трешник...

Генерал Аскеров вспомнил своего отца – тот после того, как пришел с войны устроился в милицию, дослужился до начальника РОВД. Вспомнил, как тот искреннее плакал, несколько

дней плакал и скрипел зубами, и был чернее тучи, так что домашние боялись подойти – когда одного из его подчиненных поймали на взятке. Помнил радость отца и опасливое восхищение соседей, когда он, ефрейтор пограничных войск, прибыл на десятидневную побывку к себе на родину. Зеленые петлицы, значок отличной боевой и политической...

А эти... Тот же... товарищ Наджиб, как он себя называл. Когда Кармаль бежал из Афганистана – этот был послом в Иране. Тоже бежал – но не забыл с собой кассу посольства прихватить. Все – проститутки дешевые... э, кутарингесси джалаб...

Некстати подумалось – хорошо, что отец так рано умер, да простит Аллах такие мысли. Он умер с гордостью за своего сына. Он не пережил бы позора, если бы узнал, что его сына, тогда уже полковника КГБ посадили в тюрьму, он не принял бы его дома, он просто не понял бы – что ему не говори. Хотя нет... он умер бы от горя, увидев своими глазами что творится в стране...

– Сменим тему. Вопрос – назовите пункты, через которые проходил контрабандный транзит героина. Это был Ташкент?

– Какой Ташкент, мушавер... ничего то ты не знаешь. Ташкент слишком часто проверяли. Это был аэродром в Оше, там какие-то ваши авиаполки базируются. Оттуда дальше.

– Куда – дальше?

– И этого я не знаю. Я знаю, откуда ваши борты приходили. Дальше – не знаю, ищи там, мушавер.

– Найдем. Следующий вопрос. Про кого еще из советских военнослужащих, советников, иных лиц с советским гражданством вы знаете, как об участниках схемы наркотранзита.

– А вот этого – не скажу, мушавер.

– То есть, как – не скажете?

– Так. Выполни то, что обещал – тогда поговорим.

– Запись прерывается...

Генерал Аскеров нажал на кнопку. Наджибулла старался не смотреть допрашивающему его мушаверу в глаза.

– Играешь... – неопределенно сказал москвич

– Мое дело. Пока семьи не увижу – ничего не скажу. Мне все равно – что жить, что умирать, мушавер. Если надо – так и расстреляйте меня за то, что я сделал. Семье жить дайте. Об одном прошу, мушавер, семье жить дайте. Как братьев вас прошу...

Генерал спрятал диктофон в карман, поднялся со стула.

– Вовремя ты о братстве сейчас вспомнил. Козел.

– Подожди! – Наджибулла остановил генерала у самой двери.

– Ну?

– Ты кое-что не понял, мушавер. Кое-что очень серьезное не понял. Ты думаешь, это мы все затеяли: я, Кармаль и несколько нехороших людей в командовании контингента и КГБ? Нет, мушавер, это не так. Все с верха шло, с самого верха. С вашего верха. Кармаль в Афганистан приехал – он про это уже знал, готовился это делать.

– Бред какой-то.

– Это так, мушавер, хлебом клянусь. Рафик Кармаль при мне ругался, говорил, что Советы войну затеяли и нас втравили.

– Не только он это говорил. Вы все это говорили.

– И я говорил, мушавер, но дело не в этом. Вы и в самом деле эту войну – сами затеяли. Ты сейчас пойдешь звонить – подумай хорошо, кому ты будешь звонить. Как бы не получилось так, что ты позвонишь самому злейшему врагу.

– Назови мне их, чтобы этого не произошло.

– Не могу, мушавер, да я и знаю то их не всех. Но семью в Москву привезешь – назову. Кого знаю.

– Тогда сиди. Жди. И молчи.

Генерал вышел из комнаты, аккуратно закрыл дверь.

– Никого к нему не пускать, никого. Следите, чтобы он не совершил самоубийства. Если ему принесут еду и воду – требуйте, чтобы тот кто принес, попробовал все это сам. Обыскивайте каждого, кто входит, и никакого оружия.

– Нам довели при постановке на пост... – сказал один из охранников.

– Сохраните его, ребята. Сохраните – За отвагу получите, только за то, что несколько часов тут стояли. Нет – в дисбате сгниете...

Когда генерал ушел, охранники переглянулись. Потом один из них кратко высказал все, что думает по этому поводу. Нецензурно.

* * *

Генерал зашел в центр связи базы. Когда он шел сюда в голове мелькнула мыслишка, а что если и... Но тут же – он упрекнул себя. Человек, который его сюда послал – он же его считай и из тюрьмы вытащил, и не только его – многих. Он его сюда послал и задание дал... не может быть, чтобы и он... Не на себя же охотиться.

– Покинуть помещение! – приказал генерал – Аскеров, когда настроили связь с Москвой – всем, включая дежурных операторов.

– Но... не по инструкции же...

– Кто из дежурных знает азербайджанский?

– Никто, товарищ генерал.

– Хорошо, дежурные остаются, все остальные – вон. Быстро!

Про себя он решил – если говорить на азербайджанском, те, кто будет слушать – должны будут сначала найти переводчика, потом все это перевести. Переводчика найти не так то просто. Так он выиграет хоть пару часов...

Когда лишние с поста вышли – он прервал связь, набрал на терминале другой номер. В ожидании ответа нервно постукивал пальцами по краю стола. Сейчас, сегодня – многое решится. Пан – или пропал.

Наконец – с той стороны ответили...

– Бу, Гейдар-эфенди⁶⁸

– О мэнэ⁶⁹? – в трубке послышался знакомый голос Председателя Президиума Верховного Совета СССР, хриплый, приглушенный аппаратурой космической связи.

– Бэли кох. О ади адлари хазирдир. Бютюн адлари⁷⁰.

– Сабит калишмишдир. Кох яхши. Мэн хошбэхт одлум. Сиз бир сей лазимдир⁷¹?

– Бэлитэяре вэ киса заманда. Бу, кох тэклюкэлидир⁷².

– Тэйяре дерд саат сизэ оласак. Она оф онун гёзлери алмак емтеиб⁷³

– Мэн хэр шэи баса дюшдюм, Гейдар – эфенди⁷⁴.

– Мэн Москвада сизин юшун беклиёрум. Эхсен⁷⁵.

⁶⁸ Это я, Гейдар-эфенди (азерб. Здесь и далее).

⁶⁹ Он рассказал?

⁷⁰ Да, и очень многое. Он готов назвать имена. Все имена.

⁷¹ Ты хорошо поработал. Очень хорошо. Я доволен. Тебе что-нибудь нужно?

⁷² Да, самолет и как можно быстрее. Здесь очень опасно.

⁷³ Самолет будет у тебя через четыре часа. Не спускай с него глаз.

⁷⁴ Я все понял, Гейдар – эфенди.

⁷⁵ Я жду тебя в Москве. Молодец.

Генерал Аскеров положил трубку. Машинально вытер руку об костюм – трубка скользила в мокрой от пота руке...

* * *

Самолет прибыл через четыре часа. Это был не Ан-12 или Ил-76 как можно было ожидать. Это был старый Ил-18 Салон, самолет командующего Туркестанским военным округом. Лететь – предстояло с полным комфортом.

Генерал Аскеров с удовлетворением отметил, что когда он зашел в комнату с четырьмя автоматчиками – Наджбулла дернулся. Думал, что расстреливать... мелкие они все. Как-то так получается, что на нашей стороне оказывается всякая рвань. Аскеров лично знал Масуда и был уверен – этот – не сдаст.

– Время переодеваться, Саид раис. Давай, не тяни время. Самолет ждать не будет.

Бывший генеральный секретарь снова переоделся – на смей раз в типичную для спецназа «эксперименталку», которую бывалые предпочитали всем другим видам формы. На голову – натянул шапочку с прорезями для глаз, раскатал до шеи. Поверх – накинул бронежилет.

– Дай ему – кивнул Аскеров

Один из солдат подал бывшему президенту свой автомат, тот не взял.

– Да не бойся ты, саиди. В автомате патронов нет, это чтобы ты как он был. А он – как ты – вот и посмотрим – кто кого.

Играть президента Наджибуллу – четко осознавая, что на пути к самолету он может стать мишенью для снайпера – вызвался рослый уроженец Новосибирска. Не за медаль.

Президент перехватил автомат, проверяя его на вес – а вдруг.

– Пошли.

В коридоре – не протолкнуться, парные посты, оружие у всех до единого. Генерал Аскеров идет первым, дальше – пятеро, четверо, и в центре еще один. Президент идет впереди – слева, и никто, даже те, кто сейчас стоит на постах, не знают, кто из этих пятерых – бывший президент Наджибулла.

Генерал выругал себя – он просил охрану, но никак не думал, что найдут столько свободных от работы оборотов, чтобы поставить на каждом углу. Он уже отчетливо понимал, с чем имеет дело, и какова глубина пропасти, в которую ему и его группе приходится смотреть. Пропать, из которой не выбраться, пропасть, в которой может сгинуть и страна и весь народ. В стране растет количество наркоманов, появились героиновые наркоманы, агентура доносит о появлении в среднеазиатских республиках сетей оптового распространения наркотиков, подпольное тестирование показало, что наркомания проникла и в систему МВД. Если Наджибулла назовет имена – появится возможность накрыть если и не всю сеть разом – то, по крайней мере, ее существенную часть, выбить из цепи самое важное ее звено – советский участок транспортировки. И уничтожить всех тех, кто к этому причастен.

Они спускаются вниз. У выхода из штабного здания – попыхивает мотором БТР-80, боковой люк, чертовски неудобный – открыт.

Один за другим – все они залезают внутрь, машина с утробным ревом начинает двигаться, катится по бетонке аэродрома к посадочной площадке.

У самолета – поставлен трап, это одно из наиболее уязвимых мест сейчас – на трапе человек беззащитен от выстрела, нет никакой возможности для маневра, и если правильно выбрать позицию...

– Сидеть и ждать...

Генерал выбирается из бронетранспортера, не выключающего двигатель. Крупнокалиберный пулемет устался своим растробом в сторону гор. У трапа – двое, с автоматами.

– Идите отсюда. Вы нам не нужны.

– Товарищ полковник приказал...

– А я приказываю – шагом марш отсюда! Доложите полковнику, что это мой приказ.

– Есть...

Генерал осматривается по сторонам. Машины на бетонке... аэродром живет своей жизнью, идет боевая работа нельзя просто так остановить целую военную базу, ключевую в регионе.

И любой – вон хоть тот тэчист⁷⁶ у вертолета, перебирающий двигатель – любой момент выстрелить. Никто не знает – сколько людей замешано во все это. Сколько? Кто они? Как, на чем их взяли? Кто сейчас – контролирует цепь.

Генерал наклоняется к люку.

– Идем в том же порядке. По одному. По моей команде. На трапе не задерживаться. Первый пошел.

Первый – один из назначенных телохранителей – бежит. Перепрыгивая через ступеньку по трапу. Он уже понял – что дело неладно.

– Второй пошел!

Эта цепь... Не может быть, чтобы наркота шла только в Союз, в Союзе просто нет столько потребителей под нее. Наркота и в самом деле шла за границу, и те кто ее поставлял – уже перекуплены. На корню перекуплены, до последнего, они может и сами не понимают, что счет в заграничном банке – это крючок, с которого не сорвешься, всю губу раскровенишь, а не сорвешься.

– Третий пошел!

Третий – Сам. И тоже дурак. Дурак набитый, хотя... мы сами виноваты. Мы все это допустили, а афганцы... они просто не такие циничные как мы. Это сейчас они... научились, и даже нас переплывают.

Наджибулла скрывается в салоне самолета

– Четвертый пошел!

И все-таки как легко все продаются и покупаются. Правильно Гейдар-ага тогда говорил, на дне рождения, правильно. Пьяный был – а правильно говорил, как никто правильно. Мы все – никогда не ели досыта, любого из нас купить – за кило сосисок. Поляков... генерал... Аллах, что он получил за предательство. Набор инструментов американских? Какую-то утварь? Телевизор, магнитофон? Это генерал ГРУ!⁷⁷ За что людей покупают? Да ни за что, за мечту, за мишуру покупают, за дрянь всякую.

Что-то надо делать. Пока не развалилось все – окончательно. Но что?!

– Пятый пошел!

Чем берут американцы? Да очень просто – он сам в зоне шпиона встретил – мало успел сдать, да и не знал почти ничего ценного – потому не расстреляли, пятнаху сунули. Все просто – приезжаешь в Нью-Йорк, в торгпредство, и первое что ты видишь – это супермаркеты в посттаможенной зоне. А там – ассортимент, какого в наших Березках не было никогда, хоть за право пользоваться Березками – ты кому только задницу не вылизывал. Машину? В СССР ты в очереди на нее стоишь, унижаешься перед профкомом – а тут на каждом углу магазин, надо – зашел и купил. Квартиру? Какая квартира, тут в квартирах нищие живут, на митинги на машинах приезжают. А нормальные американцы в собственном доме живут.

Так и пришел – сам пришел, никто его не вербовал, за руку не тянул. Пришел в ФБР, сдал всех, кого знал, сказал, что будет работать на американскую разведку, только бы получить американский паспорт и семью перевезти. Когда – такое было у нас, когда – кто-то переходил

⁷⁶ ТЭЧ, технико-эксплуатационная часть.

⁷⁷ Это и в самом деле так – следователи, которые вели дело генерала Полякова удивлялись, как мало он получил за свое предательство. Вообще – дело генерала Полякова темное и до сих пор непонятно, что заставило его предать. Понятно только одно – это не деньги и его не шантажировали.

вот так вот к нам? Не перебегал – а добром переходил. И не упомнишь... после войны еще, говорят, бывало. А у нас – как в зоне, противопобеговые мероприятия, по КГБ и ГРУ собирают людей в актовом зале и зачитывают сов секретный приказ, что мол смертные приговоры Верховного суда СССР будут исполняться в том числе и за границей. Это что – а?

Все. Теперь самому. Ступеньки... одна, вторая. Только не дернуться, только не побегать. Прошел.

Генерал, он же Москвич – прошел в салон. Наджибулла, не снимая маски, пристегивался к креслу.

Генерал посмотрел на часы. Несколько минут... черт, что так долго.

Еще двое – тоже в масках ввели в салон самолета третьего, в маске и с наручниками. Расстегнули наручники на одной руке, приковали к креслу. Потом – сорвали маску. Человек с забинтованной головой, которому успели оказать медицинскую помощь – испуганно озирался по сторонам.

– Куда мы летим.

– В Ташкент, – ответил генерал. На душе было скверно – как плюнули.

Яков Шифф возвращался домой.

– А... а что мне будет? Меня... расстреляют?

– Пряников дадут ... – сказал генерал, и добавил вполголоса – да кому ты нахрен нужен, ограш⁷⁸ такой.

– Взлетаем, товарищ генерал? – в салоне появился второй пилот.

– Взлетаем. И как можно скорее.

* * *

– Вышка, я ноль семьдесят первый, рулежку закончил, предполетные выполнил, прошу разрешения на взлет.

– Ноль семьдесят первый, я вышка. Взлет разрешаю. Ветер северный, слабый. После взлета уходите в северном направлении, занимайте эшелон четыре тысячи. Сектор свободен.

– Вас понял, спасибо.

Командир самолета Ил-18 Салон, возившего командующего Туркестанского военного округа, опытный и много повидавший подполковник – довел РУДы до нужной точки – и отпустил тормоза. Самолет покатился по бетонке Баграма, набирая скорость.

* * *

– Неладное дело...

– В чем неладное, Герасименко?

Один из офицеров спецназа, стоящих в тени ангара – отвернулся, зло сплюнул на землю.

– Товарищ полковник, добром все это не...

– Смотрите!

Самолет командующего Туркестанским военным округом уже взлетел, он уже заходил на вираж, чтобы выйти в сектор набора высоты – как вдруг что-то полыхнуло, что-то маленькое и яркое – и самолет этот – вздрогнул, как живой, как гусь, подстреленный дробью на охоте. Было видно, что все четыре двигателя работают – но из фюзеляжа – валил дым, тянулся за самолетом.

– Твою мать!

⁷⁸ Азербайджанское ругательство, означает – сожительство с матерью. Тот, кого так называли должен первым делом убить обидчика.

– Герасименко! Что рот разинул – тревожную группу в ружье и бегом к вертолету! По местам, по местам!

Было видно, что самолет ранен не смертельно, что экипаж пытается сделать все возможное, чтобы развернуть и посадить машину. Ему почти удалось это сделать – все-таки самолеты старых моделей делались прочно, рассчитывались на самые экстремальные условия – и даже взрыв в салоне Ил-18 выдержал. Ему уже почти удалось развернуться, на поле выли сирены, срочно освобождали все полосы, в экстренном порядке прервали заправку заправляемых бортов, навстречу уходящим в укрытия заправщикам катились, полыхая огнями сирен аэродромные пожарные машины. Но видимо – все было предопределено – Богом, или теми, кто не хотел, чтобы бывший генеральный секретарь ЦК НДПА Мохаммед Наджибулла добрался до Москвы. Самолет сорвался в самый последний момент, уже нацелившись носом на полосу – вместо более-менее плавного скольжения, он вдруг сорвался в штопор и пошел вниз, все сильнее крепясь на левое крыло.

И ударился об землю, вспыхнул погребальным костром – на виду у всей базы Баграм. Кто говорит, что рукописи не горят – горят и еще как. Рукописи, дневники, компромат и его носители – все равны перед пламенем...

Те, кто скрывал правду – добились своего. Пока.

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР

**О присвоении звания Героя Советского Союза
генерал – майору госбезопасности Аскерову Эльхану Абдуловичу**

За успешное выполнение заданий по оказанию интернациональной помощи Республике Афганистан и проявленные при этом мужество и героизм присвоить звание Героя Советского Союза (посмертно):

Аскерову Эльхану Абдуловичу – генерал-лейтенанту.

**Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Г. АЛИЕВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.**

* * *

Листовка

Правоверные! Несколько дней назад на многострадальной земле Афганистана был задержан жид Яков Шифф. Этот человек тоже приехал в Афганистан для того, чтобы делать джихад и сеять смерть. Сначала на афганскую землю незваными приходили правоверные – из Саудовской Аравии, Ирана, Алжира, из других стран. Потом незваными стали приходиться безбожники – из Китая, Америки – и они говорили, что ведут джихад. А теперь на многострадальную афганскую землю вести джихад приходят уже жидам! Видано ли это, был ли когда раньше такой позор и оскорбление ислама? Разве есть в джихаде место жидом? И разве не лжецы и вероотступники те, то приглашают на афганскую землю жидов, чтобы сеять смерть?

По решению временного правительства в городе Кандагаре будет проведен суд над жидом Яковом Шиффом, который посмел явиться в Афганистан, чтобы шпионить.

Правоверные! Только от нас сейчас зависит, будет ли Афганистан жить в мире, или по-прежнему на его земле будет литься кровь. Объединяйтесь! Вступайте в отряды самообороны! Изгоняйте с вашей земли иностранцев, многобожников и жидов! Только мы, народ Афганистана, имеем право решать судьбу своей Родины!

Аллаху Акбар!

*Председатель временного правительства Афганистана
А.Ш. Масуд.*

Лэнгли, штат Виргиния. 17 июня 1988 года

Первая информация о провале операции в Афганистане пришла с большим опозданием: у ЦРУ в Афганистане не осталось нормальных источников, активов. Точнее – они то были, просто с ними не было нормальной связи, нужно было послать человека, который бы восстановил контакт с источниками. Его послали – как на Луну и без обратной связи. О том, что произошло – информацию передал агент, работающий в Москве, который вышел на связь с американцами совсем недавно, работал за обещание перевезти его и всю его семью в Штаты и которого не успели разоблачить. Он сообщил, что в Афганистане сотрудниками КГБ СССР при привлечении частей специального назначения (спецназ) отслежен и взят живым высокопоставленный сотрудник ЦРУ США и бывший генеральный секретарь ЦК НДПА Мухаммед Наджибулла. И тот и другой – взят живым и до сих пор находятся на советской военной базе в Афганистане.

Кстати, про инициативника. Опытный волк разведки серьезно бы задумался над ситуацией. Только что – в Штатах был арестован некий Олдридж Эймс, начальник отдела внутренней контрразведки ЦРУ, выдавший КГБ всю разведсеть в странах Восточного блока. Об этом – большую статью под названием «Охота на ведьм» написала Правда, где естественно – Советский союз открестился от каких-либо контактов с Эймсом. Но профессионалы с обеих сторон железного занавеса понимали суть игры: статья – это предупреждение тем, кто готовится предать и оплеуха врагам, мол, если у вас человек, профессионально занимающийся борьбой с проникновением в аппарат разведки шпионов сам становится шпионом – то вся ваша структура сгнила насквозь. При таких обстоятельствах, появление инициативника, да еще старшего офицера ПГУ КГБ выглядело сомнительным: он не мог не знать, что произошло и нужно было быть либо отчаянным смельчаком, либо редкостным кретоном, чтобы идти к американцам. Но в ЦРУ США работали тоже люди: они разом лишились всех своих источников, и им нужно было хоть что-то, чтобы оправдать существование гигантского департамента по борьбе с советской угрозой. Инициативника наскоро проверили: наполовину еврей (по матери, фамилия русская), обойден при продвижении по службе – есть мотив предать. Значит, сойдет. Агента назвали Трубадур и взяли на контакт.

В условиях холодной войны существовал цивилизованный способ решения проблем, подобной той, которая сейчас встала перед американской разведкой. В федеральной тюрьме томился Олдридж Эймс, советский агент – идеальный кандидат для обмена с советским КГБ, баш на баш и никаких обид. Такое делалось не раз, и не два, существовала целая процедура подобного рода действий, излюбленным местом для обмена была либо венгерско-австрийская граница, либо Западный Берлин. Но увы – только что специальным помощником директора ЦРУ был назначен некий Гас Авратакис а он при подобных случаях – разве что кипятком не писал. Узнав о том, что произошло одним из первых в ЦРУ – через секретаря Заместителя директора по анализу – Гас Авратакис приказал срочно собираться всем своим – оперативной группе по Афганистану.

* * *

– Какой придурок додумался послать туда еврея? Мать вашу, у кого хватило ума послать туда еврея?!

Гас Авратакис, руководитель специальной группы по Афганистану в ранге специального помощника директора ЦРУ в бешенстве ходил по своему кабинету на седьмом этаже здания в Лэнгли. Благодаря своей дружбе с исполнительским персоналом – ему удалось получить каби-

нет больше и удобнее, чем у директора. Директор сидел в угловом, зимой он продувался и по конфигурации он был неудобным.

– Сэр, это был единственный подходящий человек – робко возразил Марк Миллер – нужные языки, в том числе русский, таджикский, опыт жизни в России, и...

– Господи, он еврей! Вы можете это понять – еврей! У вас мозги совсем отказали, а? Теперь – с этим евреем, пойманным на джихаде, поднимется такая буча! Русские это знают, как вы думаете, почему они не расстреляли его, а устраивают открытый суд?!

Сам Гас Авратакис в то время, как несколько придурков устроили операцию с посылкой еврея в зону боевых действий – находился в поездке по странам Ближнего Востока, восстанавливал старые связи, завязывал новые и смотрел, что уже успели обосрать. Для того, чтобы противостоять русским, вооруженным тяжелыми штурмовиками и новыми вертолетами – нужно было принципиально новое оружие.

– Это послужило вам уроком?!

– Да, сэр – ответил Миллер, который, по правде и был во всем в этом виноват

– В таком случае, давайте подумаем, как будем вытаскивать нашего парня из лап русских...

Одной из отличительных черт Авратакиса было то, что он довольно лояльно относился к подчиненным. Его карьера была полна взлетов и провалов, и он считал, что если человек делает дело – провалы неизбежны, их не бывает только у тех, кто ничего не делает. Главное – чтобы человек искренне переживал за дело, стремился сделать его как можно лучше – и если это есть, то простить можно многое. Почти все.

Судя по виду сотрудников оперативной группы – никто из них не желал лично отправиться в Афганистан на помощь попавшему в беду агенту. Да и сам Авратакис этого не желал... он был смелым, даже храбрым – но не сумасшедшим.

– Так, парни... Мне думается, нам потребуется тяжелая артиллерия. Мне нужно два толковых парня, чтобы съездить с ними в Пентагон. Возьмите с собой все материалы по этому делу. Они нам пригодятся...

* * *

В Пентагоне – на стоянках как всегда не было место, это означало, что русские в очередной раз что-то замышляют. Приткнуть машину удалось только за КП, в неполюженном месте – под стеклом оставили карточку, чтобы не нарваться на штраф. Документы у них проверили дважды: первый раз на входе, второй раз – перед входом в сектор, занятый командованием USSOCOM. Там была своя охрана, пусть из военных полицейских, как и везде – но выглядела она весьма внушительно.

Марка Вебера, один из офицеров USSOCOM, который входил в комиссию по Афганистану, и к которому всегда можно было обратиться с маленькой просьбой – они нашли в ситуационной комнате, он разговаривал с каким-то бригадным генералом внушительного вида. Авратакис подождал, пока он в очередной раз по привычке осмотрится, махнул рукой. Вебер кивнул, плавно закруглил разговор, и через несколько минут уже подошел к ним, поднявшись по лестнице.

– Что тут у вас происходит? Выглядит как улей, в который ткнули палкой

– Получены новые сведения. Русские собираются сбить американский самолет американским же ракетным комплексом Стингер в одной из стран Залива. Мы сейчас активируем все, что у нас есть, чтобы прикрыть аэропорты. А у вас что?

– У нас есть пропавший агент. Слышал?

– Да... – Вебер помрачнел

– Какого черта его никто не прикрывал?

– Это не так просто.

– Черт возьми, а что там сложного?! – взорвался Авратакис – выделить пару крепких парней на подхвате?

– Эй, а как эти парни, по-твоему, должны работать в Афганистане! Не зная языка, не имея даже нормальной исходной информации. Там сейчас осиное гнездо! По нашим данным, русские сейчас создают дивизию специального назначения. Дивизию! Люди Масуда видели многих из нас, они учились в наших лагерях и знают, как мы работаем. Черт возьми, а почему бы вам не замочить Масуда, как русские замочили уль-Хака?!

– Извини – Гас похлопал маленького спецназовца по плечу – извини.

– Да ничего. Я понимаю, что это проблема, но не надо винить в ней только нас.

– Я и не виню. Найдется кофе?

В кабинете Вебера – кофе нашлось, и даже в достаточном количестве. В углу – на стене, на пыльном пуштунском ковре, который хозяин кабинета купил на приграничном рынке западнее Пешавара в восемьдесят седьмом – висел автомат АК-74, подаренный моджахедами. Скорее всего – ни одного из дарителей этого уже не было в живых.

– Я слышал, это был еврей?

– Эмигрант из Израиля – неохотно подтвердил Авратакис – местные евреи уже трясут задницами по кабинетам.

– Почему бы им не отправить туда Саарет Маткаль⁷⁹?

– Очень смешно...

Гас одним глотком допил кофе, стукнул бокалом об стол, намекая, что не отказался бы от еще одной порции.

– Что есть у вас? Мне надо знать?

– Немного. У нас есть кое-какие независимые от вас контакты, в частности в Карачи. Прошла информация, что в Афганистане был очень серьезный бой и захвачен американец. Живым.

Авратакис наклонился вперед

– Ты уверен, что живым?

– Ни в чем нельзя быть уверенным сейчас. Но парень, который говорил об этом – сказал, что русские взяли кого-то живьем.

Это было очень важно. Информация, которая пришла из одного источника не может считаться информацией. Для того, чтобы она считалась информацией, нужно хотя бы одно независимое подтверждение. Сейчас у Авратакиса их было два – информацию московской станции ЦРУ подтвердили источники военных и китайская резидентура в Пакистане. После того, как русский медведь проснулся и расвирепел – Китай имел все основания опасаться за собственное будущее и шел на сотрудничество с американцами.

– Что ты хочешь от нас?

– Этого парня надо освободить. Мы слишком часто стали проигрывать.

– Как ты себе это представляешь?

– Как? Возьми несколько крутых парней, которые просиживают здесь штаны и качаются как культуристы и направь их туда. Как в Рэмбо – III.

– Это не фильм. И в Мэриленде – найдется куда больше ублюдков, без толку протирающих штаны.

– Уровень Е⁸⁰ никогда не пойдет на это.

⁷⁹ Спецназ генерального штаба Израиля.

⁸⁰ Пентагон построен по принципу концентрических колен, одно внутри другого, как в матрешке. Кольцо Е – отдано под офисы высшего генералитета.

– Тогда Управление поставит вопрос о том, какого черта специальные силы подчинены местным пердунам и для чего они созданы, если мы боимся их использовать.

Вебер внимательно посмотрел на наглого ЦРУшника. Нельзя сказать, что у них были плохие отношения, они делали одно и то же дело и стремились к одному и тому же – разрушить Советский союз. Более того – они работали в одной команде. Но сейчас – Вебер был раздражен наглым напором гражданского, ЦРУшника. Пусть и знал его не один год.

– Ты уверен, что президент встанет на вашу сторону?

– Черт возьми, Макс, о чем мы говорим вообще! – взорвался Авратакис – я тебя не узнаю! Красные трахают нас, как хотят, а мы боимся дать им как следует по морде!? Наш парень в плену и я хочу его оттуда вытащить! Вот и все, что я хочу, я пришел сюда не торговаться за бюджет или ради другой подобной хрени. Просто помоги мне, вот и все!

Майор Вебер задумался

– Есть здесь один парень... На одну ступень выше меня, но толковый офицер. Он здесь в командировке... я его приведу и потолкуете. Может быть, придется слетать в Форт Брэгг или в МакДилл⁸¹. Есть пара свободных дней?

Авратакис улыбнулся

– После вояжа на Восток – хоть неделя...

– Тогда он тебе позвонит. Но не сегодня.

* * *

Получив в Пентагоне скользкий и уклончивый ответ от Макса Вебера, занимающего гораздо более высокую реальную должность, чем та которая значилась в ведомости на выдачу жалования, Авратакис не пошел на кольцо Е. За то время, пока он занимался афганской проблемой он поднаторел в обхождении бюрократических рифов в Вашингтоне и знал, что это ровным счетом ничего не даст. В блоке Е обитают важные птицы – генералы, мундир которых свободно может сойти за бронезилет во фронтальной проекции, для них сотрудник ЦРУ – это нечто среднее между скунсом и хорьком, нечто такое, что стоит держать от себя подальше. Но все эти ребята, которые обожают дорогостоящие игрушки – чертовски сильно зависят от парней на Капитолийском холме, которые каждый год утверждают им бюджет. И любого из двенадцати конгрессменов, сидящих в комиссии по бюджету – они готовы носить на руках и целовать им ботинки. Вот почему – Гас Авратакис сел в полагавшийся ему по должности темно-синий бронированный Олдсмобиль-98 и отправился на Капитолийский холм, где засел главный идеолог и приводной мотор войны в Афганистане – конгрессмен от второго избирательного округа Техаса Чарли Уилсон.

В середине дня – в центре Вашингтона движение весьма затруднено, припарковаться тоже негде, и лучше было бы спуститься в метро – но Авратакис не хотел бросать машину. Пока водитель нервничал и, цедя через зубы ругательства рывками, как пехотинец от укрытия к укрытию, продвигался по запруженным транспортом вашингтонским улицам – Гас Авратакис думал. И мысли его – были весьма невеселые.

Русские предложат обмен, это к гадалке не ходи. Тот идиот, которого послали в Афганистан – он знал немного, и только по Афганистану, для русских гораздо важнее сейчас выручить Эймса. Они ткнули рожей в лужу все ЦРУ – интересно, кстати, откуда этот полурусский козел Гейтс узнал имя Эймса – а теперь ткнут еще раз. Освободив Эймса и вывезя его в СССР, они дадут всем ясный сигнал: на нас работать можно! Мы никого не оставим в беде и выручим

⁸¹ Форт Брэгг – место дислокации многих спецподразделений, в том числе подразделения Дельта. База МакДилл, Флорида – штаб-квартира USSOCOM, командования специальных операций. В Пентагоне у них только представительство.

нас в любой ситуации⁸²! Так что – привычно пойдя на обмен, ЦРУ только усугубит ситуацию с предательством Эймса, дав сигнал всем остальным, что предавать можно.

Ну, Роджер, ну козел...

Сам Авратакис почти не знал Эймса: в ЦРУ был такой уровень секретности, что ни один сотрудник не знал, чем занимаются другие. Встречались пару раз на совещаниях по советской проблематике, не более. Один раз они сидели на соседних местах и Авратакис, отец которого продавал алкоголь – почувствовал буквально въевшийся в одежду Эймса запах сивухи. Понял – пьет. Но в ЦРУ, со всеми стрессами и бесконтрольностью, с проблемами в семьях – пили многие, некоторые были готовы уже к обеду, некоторые шли в бар и напивались под вечер. И все было нормально – и только когда этот умник Гейтс, чистюля, шпарящий по-русски лучше русского, указал пальцем – тут и стало всплывать. И Ягуар на стоянке – интересно с каких грабежей. И разорительный развод, прошедший без особых финансовых потрясений. И отдых на дорогом курорте. И две дорожные картины, которые нашли в доме.

В общем, полный набор. И даже этим разоблачением, позволившим ликвидировать не то что протечку – а настоящую дыру ниже ватерлинии – КГБ им поднаслало, ведь теперь по всему ЦРУ шли проверки, и деятельность многих отделов была просто парализована. И это в то время, когда в Москве у руля – последние Сталина и русские – как с цепи сорвались.

Господи, может, Гейтс сам спелся с КГБ? Ведь даже вся эта вакханалия, что сейчас творится – на руку русским! Интересно – а кто сдал того парня в Афганистане, ведь не случайно он попался, к гадалке не ходи – не случайно!

Вырвавшись из цепких объятий вашингтонских пробок, Олдсмобиль свернул на закрытую стоянку Капитолия, водитель облегченно вздохнул.

– Приехали, сэр.

– Паркуй машину. Я сейчас.

* * *

В офисе конгрессмена Чарли Уилсона Авратакиса встретила ослепительная длинноногая блондинка с ангельской улыбкой – вокруг Чарли всю дорогу так и вились самые разные женщины. Ее звали... кажется Анита, а может и еще как. С помощью Ангелов Чарли – на Капитолийском холме можно было решить немало вопросов.

– Мистер Авратакис... – зашебетала она, сотрудника ЦРУ здесь хорошо знали – мы рады вас снова видеть, но мистер Уилсон прилег отдохнуть и...

Опять...

– Мне можно – заявил Авратакис, отодвигая даму в сторону – сейчас разберемся.

Первое, что бросилось в глаза сотруднику ЦРУ, когда он переступил порог кабинета конгрессмена – это бутылка. Опустошенная на две трети бутылка дорогой водки Grey Goose, она нагло стояла прямо посреди стола, незакрытая и от нее в кабинете был ощутимо неприятный запах. Еще более неприятный запах исходил от конгрессмена Чарли Уилсона, мирно спавшего на диванчике и издававшего рулады носом.

– Вы что, не можете отобрать у него бутылку? Ему же нельзя.

– Сэр, мы проверяем его кабинет постоянно... мы не знаем где он ее взял.

В восемьдесят шестом году Уилсон свалился с обширным инфарктом, врачи давали ему не больше месяца жизни. Бычье, техасское здоровье бывшего морского офицера взяло свое –

⁸² Точно так же сейчас поступает ЦРУ США в нашем мире. На десять придурков, которые занимались в Штатах неизвестно чем, они выменяли четырех реальных своих агентов, занимавшихся шпионажем и изобличенных. В то же время мы – пару раз отпускали реальных сотрудников ЦРУ, американцев, не пытаясь выменять Эймса и других наших агентов. В такой ситуации – ни про какие ценные вербовки по всему миру говорить не приходится: потенциальные источники смотрят на всё это и делают выводы.

но врачи предупредили его, что даже одного стакана спиртного может хватить для беды. Уилсон не пил какое-то время – но после того, как русские нанесли по Пакистану атомный удар – он сорвался. Это надо было прекращать.

– Значит, так. Два стакана для хайболла. В одном минеральная вода, немного и растворимый аспирин, таблетки три. В другом томатный сок на треть и два сырых яйца. И побыстрее.

Сын торговца спиртным, Авратакис хорошо знал, как приводить в чувство алкоголиков с минимальными последствиями для их здоровья.

– Да, сэр! – сказала Анита и вылетела за дверь.

Начальник департамента ЦРУ пододвинул стул, сел поближе к дивану, на котором спал конгрессмен. Для гигантского роста конгрессмена, диван был мал и его длинные ноги свешивались за спинку.

– Чарли, Чарли... – со вздохом сказал Авратакис.

Ведь он любил этого человека. Специальный представитель директора ЦРУ был жестким и циничным человеком, он видел слишком много дерьма и грязи, чтобы любить кого-то из людей – но вот этого парня он любил. Конгрессмен Чарли Уилсон сделал намного больше, чем он был должен для защиты интересов Америки, он не предал их и не подставил даже тогда, когда в Пакистане взорвался ядерный заряд и погибли американские военнослужащие и советские предьявили всему миру обломки сбитого в Афганистане американского палубного истребителя и нескольких сбитых американских летчиков – и на них на всех обрушилась очередная Ниагара дерьма. Предложения тогда были самые разные: распустить ЦРУ, объявить импичмент Президенту. Оказалось, что американцы готовы поддерживать тех, кто почти без шансов бьется на переднем крае борьбы с наступающим коммунизмом – но не готовы, чтобы гибли американские военнослужащие. И лишь этот парень – встал с ними плечом к плечу и принял на себя весь удар. Потому и начал пить – почти все, кого он узнал за время многочисленных поездок в Пакистан – погибли. Уйти не удалось почти никому.

– Готово, сэр – вернулась Анита с требуемым.

– Поставь на стол.

Гас Авратакис долил стакан с томатным соком и желтками водкой, размешал живительную смесь коктейльной соломинкой. Потом взял кувшин с водой и бестрепетно вылил кувшин на голову конгрессмена. Тот заворочался, застонал.

– Какого черта. Анелиз...

– Давай, вставай, парень. Русские идут!

Упоминание о русских взбодрило конгрессмена: тот с трудом сел на диване, приглаживая мокрые волосы. Мутные от опьянения глаза сфокусировались на человеке перед ним

– Гас? Какого... черта.

– Такого. На, пей. Пей!

Конгрессмен с трудом поднес стакан с похмеляющим ко рту – и едва не выронил его. Зубы мелко клацали об стекло.

– Ну... ну... не пролей. Давай, пей, это надо выпить.

Конгрессмен с трудом выпил похмеляющее, потом аспирин с минералкой. Начал немного приходить в себя.

– Гас... какого черта. Ты же... в Египте...

– Узнал, что ты бухаешь, и примчался сюда. Какого черта ты опять начал, парень, ты же знаешь, что это тебя убьет!

– Я... я не могу...

– Чего?

Конгрессмен смотрел прямо на Авратакиса, в глазах стояли мутные слезы

– Они... травят меня... но дело... не в этом.

– Мне тоже несладко приходится.

– Понимаешь... Гас... мы их просто бросили. Просто насрали на них... и все... Русские проехали по ним... танками... бросили на них... атомную бомбу... а мы просто на них насрали. Понимаешь это... подлость... когда сбивают несколько самолетов... мы все орем... как резанные ... а когда убивают миллион тех... кто поверил нам... нам наплевать, понимаешь, наплевать.

Авратакис вздохнул

– Вот что, Чарли. Ты знаешь, кто я и откуда я. Я видел сколько драк, сколько, наверное, видел один человек из миллиона. Двое парней, приняв на грудь, выходят из бара и чувствуют, что у них накопились проблемы, которые надо срочно решить. Но я кое-что понял. Все драки начинаются одинаково, но заканчиваются по-разному. Я видел парней, которые после того, как им врезали – лежали и хныкали как девчонки. А потом еще и вызывали полицию, чтобы та сделала то, чего не смогли сделать они. Но я видел парней, которые получали по морде, вставали – и снова лезли в драку, даже если противник был ощутимо сильнее и они делали это до тех пор, пока не теряли сознание, пока их не разнимали или пока не приезжала полиция. Таких парней было немного. Но они были. Так вот, Чарли – у нас нет полиции. Никто не приедет. Поэтому – вставай и дерись.

– А что... что случилось то? Ты как то ... не в себе.

– Точно. Не в себе. Один парень сунулся в Афганистан. И попал прямиком в лапы медведя. Так что у нас проблема, парень.

Вашингтон, округ Колумбия. 17 июня 1988 года

По пути – Авратакис и Уилсон заехали в одно неприметное местечко, которое содержал парень, отец которого покупал у отца Авратакиса спиртное еще в пятидесятые. Тарелка горячего лукового супа по особому рецепту, очень жирного – окончательно привела конгрессмена в чувство.

– Что произошло? – спросил Уилсон, когда они поедали суп с сухариками

Авратакис привычно оглянулся – вроде ничего подозрительного

– Мы направили парня в Афганистан. Он должен был восстановить контакты там... после всего этого дерьма мы как ослепли.

– Это был американец?

Авратакис еще раз оглянулся

– Хуже. Еврей.

– Еврей?!

– Говори тише!

– Извини... – конгрессмен снова налег на суп

– Да, еврей, черт бы побрал всех наших кабинетных умников. В том то и дело.

– Как он оказался на такой операции?

– Сейчас разбираются, пока известно немного. Парень – эмигрант из СССР, выехал с семьей в Израиль, потом его отправили на стажировку сюда, мы его переманили. Дали гражданство, чтоб его! Знал языки, считался надежным.

– Считался?

– Я сейчас уже ни в чем не уверен. Может, русские подбросили кукушечье яйцо в наше гнездо.

– Кто еще это знает?

– Пока никто. Не расплылось. Но по данным из трех источников – парень жив.

– Может поговорить с евреями? У меня есть там немало знакомых. Они...

– Ты что, с ума сошел?! Если евреи сунутся туда, это будет катастрофа! Русские и так орут на всех углах, что в джихаде участвуют евреи. Они явно намереваются вывести этого парня на открытый процесс и ткнуть нас в дерьмо. Ты представляешь, что будет?!

Конгрессмен Уилсон, хоть мозги его сейчас были не в лучшем состоянии, работали со скрипом – хорошо это понимал. Он помнил, как взвыли саудиты, когда он предложил покупать высокотехнологичное оружие у Израиля⁸³. Это для него Советы – главный враг, а вот те, кто с ними по одну сторону баррикад – готовы схватиться друг с другом, стоит только отвернуться.

– Тогда надо задействовать наших!

– Вот именно. Мы направляемся в Госдепартамент, чтобы пнуть там пару задниц. Потом – сделаем то же самое в Пентагоне. Ты мне нужен, парень. Трезвым и живым. Понял?

Конгрессмен отвел взгляд

– Понял.

– Никакой выпивки. Ни капли!

– Да понял, я ...

⁸³ Вообще история американских высоких технологий – очень загадочна. Технологический рывок случился во второй половине восьмидесятых, как раз в период наибольшей напряженности боев в Афганистане. Читая различные мемуары и материалы по разработкам – автор приходит к выводу, что очень многое было разработано при тайной помощи Израиля для вооружения моджахедов и лишь потом попало в американскую армию.

* * *

В Госдепартаменте самого Авратакиса, если бы он заявился туда один – принял бы в лучшем случае начальник отдела: ЦРУ и здесь не пользовалось популярностью, несмотря на то, что от него, от поставляемой им информации зависели многие дипломатические игры ведущиеся Туманным дном⁸⁴. Но вместе с конгрессменом, который отвечал за ассигнования – их провели на самый верх, туда, где работали чиновники в ранге не ниже заместителя Госсекретаря США.

Правда, когда Авратакис увидел, куда их ведет чрезмерно любезный стажер дипломатического ведомства – улыбка его погасла.

– Эй, парень, а куда пропал Штрассер? – напористо спросил он

– Сэр, мистер Штрассер сейчас на больничном. Дела по этому направлению принял мистер Хартман.

Черт, черт и еще раз черт!

Артур Хартман, бывший посол СССР в Москве с восемьдесят первого по восемьдесят седьмой годы – он проработал в Москве самое тяжелое и неоднозначное время и вовремя свалил оттуда – до переворота неосталинистов. Теперь его срочно дернули на дипломатическую работу – восстанавливать то, что дипломатическими методами восстановить было уже невозможно. Посол Джек Мэтлок младший все еще находился в СССР – но было признано, что с работой он не справился и его решено было отозвать. В госдепартаменте – Хартман был известен как сторонник нейтральной линии с Советами – «мы такие, а вы такие, с этим ничего не поделаешь, давайте, попробуем что-то продать друг другу». Ожидать от него действенной помощи было глупо.

Хартман, осанистый, седовласый, чем-то похожий на бывшего советского лидера Горбачева, которого убили сталинисты – с радушной улыбкой пригласил обоих в угол кабинета, где стоял стол, пара диванов и устраивали неформальные встречи. Его улыбка никого не обманывала – Авратакис знал, что этот дипломат хитер как лиса, связан с Уолл-Стрит и банкирским домом Рокфеллеров, умеет лгать, глядя в глаза. Не просто так он был в СССР послом в течение всего начала и середины восьмидесятых годов, ох не просто так...

– Слышал, вам дали новый кабинет в Лэнгли – осведомился замгоссекретаря – мои поздравления...

Все это было сказано с недоброй улыбкой патриция, поздравляющего раба с тем, что он чего-то добился в жизни. Авратакис был выходцем с самых низов – а вот у бывшего посла была почти голубая кровь.

– Да, много нынче мест освободилось. Как говорили британские офицеры, поднимая тосты в дни мира – за войну и продвижение по службе.

– Продвигаться можно и без войны.

Авратакис понял, что ничего хорошего из этого разговора не выйдет.

– Советник, у нас случилась некая неприятность в Афганистане. Мы можем рассчитывать на вашу помощь?

– Смотря на какую. А что там случилось?

– Пропал один наш парень. Попал в лапы медведя, как мы считаем.

– Наш – парень? – уточнил замгоссекретаря.

– Гражданин США – подтвердил спецпредставитель.

– Что произошло? Как он попал в Афганистан? У него была легальная миссия?

– Нелегальная, в том то все и дело. В Афганистане нельзя работать в белых перчатках.

⁸⁴ Прозвище Госдепартамента. Здание построено на месте осушенного болота.

Бывший посол пожал плечами.

– И какой помощи вы от меня хотите?

– Ну, для начала неплохо выяснить бы, жив он или нет, и если жив – то где он находится. В каком он состоянии. Попытаться добиться того, чтобы к нему пустили дипработников.

– Под каким именем он был в Афганистане?

– Джекоб Шифт. Журналист.

– Как он туда попал?

– С территории Пакистана.

Бывший посол добросовестно записал все в маленький блокнот, который имели при себе практически все дипработники.

– Мы направим официальный запрос, господа, посмотрим, что получится. Должен сказать, что ситуация весьма щекотливая. Госдепартамент уже выпустил предостережение для американских граждан, Пакистан является местом, категорически не рекомендованным к посещению. Вы уверены, что он находится у русских?

– Черт, а где же он еще может находиться?!

– Ну, к примеру, в руках бандформирования моджахедов, похитившего его с целью выкупа или шантажа. Там сейчас полно бандитов, промышляющих похищениями людей – слышали, что произошло с польской гуманитарной миссией? Если это так – боюсь, нам придется обращаться к СССР за помощью, а не с претензиями.

Это стало последней каплей для и так истощенного запаса терпения конгрессмена Уилсона, до того просто молча слушавшего.

– Послушайте, мистер! – сказал он, наклонившись вперед – эти бандиты, как вы их называете на самом деле самые храбрые люди из всех, кого я только знал! Пока вы распивали коктейли в большевистской Москве – они с голыми руками шли на советские танки, оплачивая своей кровью то, чего у вас не получалось добиться болтовней! Так что имейте уважение к людям, которые погибли за интересы Америки, мать вашу!

Заместитель государственного секретаря с невозмутимым выражением лица поправил галстук.

– Мистер Уилсон, мы уважаем ваше стремление защищать интересы Америки, но методы, какими вы их защищали, привели к дестабилизации всего региона и первому со времен Хиросимы и Нагасаки – боевому применению ядерного оружия. Ваши усилия привели к тому, что люди в Советском союзе, которых мы всячески поддерживали, которые искреннее хотели разрядки международной напряженности либо уже убиты сталинистами, либо ожидают смерти, а мы – пытаемся спасти еще хоть что-то. Нельзя одной рукой гладить медведя, а другой – бить ему в нос. Этих сталинистов вызвали к жизни вы, сейчас мы имеем дело с ошалевшими от крови зверьми и одному Богу известно, чем все это закончится. Вы можете добиться встречи с государственным секретарем США – но он вам скажет то же, что скажу вам я: внешняя политика Соединенных штатов Америки определяется здесь и в Белом Доме, но никак не на Капитолийском холме. Мы сделаем все, что в наших силах, господа, чтобы выяснить судьбу пропавшего американского гражданина, задействуем возможности, какие у нас есть – но я убедительно прошу вас не вмешиваться и не усугублять и так непростую ситуацию.

– Да какие у вас к чертям возможности... – психанул и Авратакис, вставая – нет их у вас. Вы пляшете под дудку русских – и больше ничего!

* * *

– Вот скользкий ублюдок! – психанул Уилсон, когда они сели в машину – да он, не вылезая из своего офиса, судит обо всем мире! Съездил бы, посмотрел, что там творилось! Козел!

Авратакис мрачно промолчал. Никогда раньше ни один заместитель государственного секретаря не посмел бы так разговаривать с конгрессменом из комиссии по ассигнованиям. Когда их акции котировались как нельзя высоко – Чарли Уилсон устроил несколько показательных расправ с чиновниками, которые посмели перейти ему дорогу в афганских делах, утверждая в Вашингтоне мнение, что не нужно вставать на пути у Чарли Уилсона, когда он занимается афганскими делами. Сейчас, судя по тому, как их принял Хартман – у него серьезная крыша в виде госсекретаря, а то и самого президента. Отношение к афганской проблеме – коренным образом изменилось.

Но это не значит, что сдастся лично он, Гас Авратакис. Вставай и дерись!

– Поехали, Билл. Заедем в Пентагон.

* * *

В Пентагоне с парковками было полегче, не так давно они застроили под парковки несколько гектаров. На вертолетной площадке стояли несколько вертолетов – а это значило, что армия что-то затевает.

Их согласился принять только что назначенный министр обороны, бывший конгрессмен от Вайоминга Ричард Чейни⁸⁵. Хорошего это не обещало – Дик Чейни был республиканцем, а Чарли Уилсон демократом, пусть даже он в военных вопросах кардинально расходился с политикой своей партии. В Вашингтоне Ричард Чейни считался технократом и однозначно человеком нового Президента и по тому, что он им сейчас скажет – Гас Авратакис надеялся понять позицию Белого Дома по всему этому дерьму.

– Господа! – приветствовал их Чейни, выйдя из за своего новенького стола со статуэткой какого то истребителя – рад вас видеть. Конгрессмен.

– Дик... плохо, что ты поработал у нас совсем ничего.

– Лучше не засиживаться на одном месте долго. Кофе?

– И как можно крепче. И моему другу тоже.

Расселись. Стюард в форме военно-морского флота, как в Белом Доме – принес кофе. Кофе и в самом деле был как нельзя кстати – и уставшему Авратакису и похмельному Уилсону.

– Дик, у нас проблема... – прямо заявил Уилсон, отхлебнув кофе, здесь разговор лучше было вести ему – один наш парень влип в скверную историю.

– Где?

– Афганистан.

На лице Чейни ничего не отобразилось. Он уже догадался, где и даже в общих чертах знал эту историю. Чарли Уилсон, придурок проспиртованный, начинает подпрыгивать на месте, только если речь идет, либо об Израиле, либо об Афганистане. Сам Чейни был человеком осторожным и за Афганистан – гроша бы ломаного не дал.

– Скверное место. И что ты хочешь?

– Чтобы ты продемонстрировал, что у нас еще остались вооруженные силы.

– То есть?

– Пошли кого-нибудь туда! Этого парня надо вытащить и как можно быстрее!

Чейни снял очки и положил на стол.

– Ты что, совсем свихнулся, Чарли – грубо сказал он – что ты хочешь, чтобы я сделал? Послал туда Дельту? Или пару авианосцев? Ты хоть соображаешь, о чем говоришь?! Там настоящее осиное гнездо, только вместо меда – дерьмо! Ты в нем уже по уши и хочешь, чтобы в дерьме был я?! Там русские, Чарли! А мы не воюем с русскими.

⁸⁵ Да, да. Тот самый. В нашей реальности – будущий вице-президент США.

– Когда ты будешь рассказывать про русские ракеты, подводные лодки и бомбардировщики – я припомню тебе это Дик.

Дик Чейни с мерзкой улыбкой откинулся на стуле

– Сначала переизберись, Чарли – с мерзкой улыбкой ответил он – перевыборы в твоём округе скоро, а я слышал, у тебя с этим будут о-о-очень большие проблемы. Да и в Палате представителей – у вас уже далеко не большинство. Ты этого не знал?

Уилсон с шумом отодвинул стул.

– Да пошел ты! Мразь коммунистическая.

И в этот момент, Гас Авратакис понял – что политика «забыть про Афганистан раз и навсегда» – это негласная политика администрации президента и ничего с этим не поделаешь. Все равно, что долбить лбом бетонную стену. И ему – стоит притихнуть, если он хочет остаться на своём месте и делать хоть что-то. Он не знал, что политика эта изменится на сто восемьдесят градусов и уже очень скоро.

Белый Дом. 17 мая 1988 года

Президент Соединенных штатов Америки Рональд Рейган мог торжествовать последнюю свою победу, точнее – последнюю удачную уловку, ибо везде и всюду он побеждал уловками. Русские схватили большую кувалду и долбанули со всей мочи ровно тогда, когда он «отбывал» второй срок. И он удалился – то ли в нейрохирургическую, то ли в психиатрическую больницу – оставив своего вице-президента, а теперь де-факто исполняющего обязанности президента Соединенных штатов Америки Джорджа Герберта Уокера Буша расхлебывать все это дерьмо.

Нечего сказать – удружил.

Исполняющий обязанности Президента Соединенных штатов Америки сидел за столом в положенном ему по должности овальном кабинете, схватившись за голову. Голова болела. Она начала болеть еще с момента пробуждения – видимо, от погоды и недосыпания, но после чтения «ранней пташки» – совершенно секретной разведывательной сводки, которая распространяется по Вашингтону с курьерами – робкие, затухающие аккорды боли перешли в оглушительное крещендо. Он уже выпил лекарство – и теперь сидел и ждал, пока оно подействует.

Нужно было просто сидеть, не двигаясь и ни о чем не думая – и боль постепенно уйдет. Он знал это по опыту. Первое – получалось. Второе – нет.

Джордж Буш не был злым или жестоким человеком, он был консерватором, и довольно миролюбиво настроенным игроком. Во время одного из секретных совещаний Совета национальной безопасности – он высказал серьезные опасения относительно проводимой «ястребами»⁸⁶ агрессивной политики в отношении СССР – речь тогда шла о поставках моджахедам зенитно-ракетных комплексов Стингер. Это решение далось намного тяжелее, чем это казалось непосвященным – все отлично понимали, что это будет прямым вызовом советской державе. Рано или поздно – ракеты найдут, найдут пусковые контейнеры от них, в а самом худшем случае – возможен набег спецназа через границу и захват лагеря вместе с американскими инструкторами. Опасались все. Зия уль-Хак, когда ему сказали о том, что американцы приняли решение поставить в зону конфликта Стингеры – побелел как мел и сказал: Это конец, долго нам не прожить. Опасения премьер-министра Великобритании были столь серьезны, что она подняла эту тему на личной встрече с Рейганом – она уже тогда предупредила: нельзя одной рукой гладить Горбачева, а другой бить его, это может закончиться очень плохо и для Горбачева и для всех них⁸⁷. Опасался и Буш – в отличие от Рейгана он служил, участвовал в войне, был сбит – и знал, какие страшные вещи могут произойти. Но тогда победили консерваторы, точнее даже не консерваторы – а ястребы. Сейчас – кое-кто из них был мертв, кое-кто под судом – а ему приходилось разгребать то, что они натворили. В Кремле сидели сталинисты, внешняя политика СССР стала не в пример более агрессивной, в Пакистане творился сущий кошмар, а русские, по донесениям ЦРУ – спешно модернизировали свою армию, явно собираясь действовать. Разведсеть в СССР была утрачена полностью – а теперь еще и американский разведчик попал в руки русских в Афганистане. Очередной скандал будет как нельзя кстати...

Утром у и.о. президента уже успел побывать Скаукрофт. Генерал-лейтенант ВВС, мормон, ранее занимал высокие посты в Стратегическом авиационном командовании. Среднего роста, сухоощавый, с фанатичным взглядом – Буш просто побаивался его. Скаукрофт принес

⁸⁶ Миз, Уайнбергер, Кейси.

⁸⁷ Это соответствует действительности. В 1985 году Зия уль-Хак прилетел на похороны Черненко, новый генеральный секретарь Горбачев отвел его в сторонку и сказал, что если Пакистан не прекратит поддерживать моджахедов, то СССР нанесет по столице Пакистана Исламабаду ракетно-бомбовый удар. Это еще более усложняет понимание Горбачева, есть много свидетельств того, что до 87-88 года он совершенно не собирался делать того, что произошло потом.

ему план нанесения ответного удара в Пакистане и Афганистане – а так же на самой территории СССР. Переброска в район конфликта подразделения Дельта, спецназа морской пехоты на паре десантных кораблей, поддержка со стороны уцелевших структур пакистанской разведки и моджахедов. Планировалась серия ударов по стратегическим объектам в СССР и Афганистане, так подразделение Дельта должно было взорвать какой-то там стратегически важный тоннель, а моджахеды – каскад плотин на юге СССР. В качестве составной части плана – предусматривалось силовое освобождение американского разведчика, даже с привлечением ВВС США.

Джордж Буш не хотел этого. Это было безумием. Форменным безумием, с теми, кто сейчас сидел в Кремле, это могло закончиться нападением спецназа на территорию США, взрывом американского авианосца или американской военной базы, организованной компанией террора против американских граждан по всему миру. Только недавно – заместитель директора ЦРУ Роберт Гейтс доложил о том, что на базах по всему Ближнему востоку идет активная подготовка больших групп палестинцев с участием советских специалистов. Это и раньше не было новостью – только раньше готовили в Крыму и без особой огласки – а теперь массово и на месте.

К чему катимся...

В дверь кто-то постучал, сначала президент подумал, что это Секретная служба, они обязаны заглядывать каждые несколько минут и проверять, жив он, или уже окочурился. Но это оказался один из его секретарей.

– Господин президент, на линии Лондон. Госпожа Тэтчер...

Ее только и не хватало...

– Соединяйте.

Президент – для краткости теперь его называли именно так – твзял трубку одного из телефонов. Мельком покосился на красный, в углу

– Госпожа премьер-министр, соединение установлено – доложил мужской голос

– Спасибо... – а вот этот, резкий и властный, был хорошо знаком – Тэтчер. Как не вовремя...

– Джордж...

Проклятая британская фамильярность. Если она к нему обращается по имени – значит, хочет о чем-то попросить. Он это уже знал.

– Да, госпожа премьер-министр.

– Джордж, мне только что сообщили о трагедии в Афганистане...

Вот как... Интересно – кто сообщил?

– Русские убили президента Афганистана Наджибуллу, последнего законно избранного главу государства. Они нашли его и убили, слышите Джордж?

– Да.

– Мы не должны это так оставлять. Нельзя этого так оставлять!

Голос буквально звенел в трубке, отдавался болью в висках

– Да, наверное – неуверенно согласился Буш

На противоположном конце провода – миссис Тэтчер сжала губы так, что они стали напоминать тонкую алую линию на несвежем, без косметики лице. Одной из самых больших ошибок, какую мог совершить любой политический лидер мирового уровня – была недооценка Маргарет Тэтчер как политика и как человека. Дисциплина, стальная решимость, фанатичная вера. Ирландские террористы, попробовавшие давить на нее голодовкой – умерли с голоду. Шахтеры, попробовавшие протестовать против закрытия нерентабельных шахт – были разогнаны дубинками и резиновыми пулями. Террористы – получили свой Принцесс-Гейт⁸⁸. Арген-

⁸⁸ В 1980 году группа террористов захватила иранское посольство на Принцесс-Гейт. Они были освобождены группой САС с боем, операция вошла в учебники борьбы с терроризмом. Маргарет Тэтчер после удачного завершения операции –

тина – свои Фолкленды, при том, что Соединенные штаты Америки придерживались по отношению к Аргентине благожелательного нейтралитета, а Франция даже во время конфликта продолжала поставлять туда противокорабельные ракеты⁸⁹. Сложно было найти тот момент, где Железная Леди проиграла схватку и именно в период ее правления – Великобритания очнулась от морока, накатившего на нее после разрушения колониальной империи, и уверенно пошла вперед.

Отношения с Советским союзом у нее были вначале отличные – ей удалось найти общий язык с Горбачевым, новым советским лидером. В немалой степени ей помог новый резидент КГБ в Лондоне, полковник Олег Пеньковский, который встал на путь предательства и передавал секретные данные британской разведке. Но взаимоотношения с Горбачевым нельзя было объяснить лишь тем, что Тэтчер могла видеть его карты – она искренне искала дружбы с ним и даже не раз заступалась за него перед Рейганом. Смерть Горбачева просто взбесила ее – она почувствовала себя преданной. Как и все англичане – Маргарет Тэтчер отличалась лютой ненавистью к России в любой ее ипостаси, она считала, что Россия является постоянно присутствующей угрозой всей западной цивилизации и ее надо уничтожить любыми средствами. Русские были и остались варварами, на них может быть хороший костюм и они могут знать английский – но они все равно останутся варварами. Как только Горбачев сделал несколько шагов навстречу Западу – они его зверски убили, а потом – не менее зверски расправились с Пакистаном – бывшей британской территорией. Сбросили на нее две атомные бомбы! Это решение русских, принятое и претворенное в жизнь совершенно хладнокровно, без консультаций с кем-либо – показало, что русские готовы на все. Готовы погибнуть сами – но уничтожить при этом Запад. Поэтому – задача подрыва и разложения Советского союза в британской тайной политике стала целью первого приоритета, в Пакистане нелегально действовал САС – целый эскадрон на постоянной основе и плюс – так называемое «контрреволюционное крыло». У Британии остались агенты в СССР – от них Тэтчер узнала, как погиб Горбачев и многие другие – агенты были и в Соединенных штатах Америки. По тайной директиве несменяемого советника по вопросам обороны и безопасности – Британия вела активный шпионаж против США. О том, что в Афганистане пропал, вероятно захвачен русскими кадровый американский разведчик – Тэтчер узнала едва ли не раньше, чем Джордж Буш и решила что это – шанс, который она так долго ждала. Она позвонила до обеда – стараясь ковать железо, пока оно горячо. И твердо была намерена победить и на этот раз.

– Джордж? Вы слышите меня?

Буш прикрыл микрофон рукой, постучал по столу, привлекая внимание охраны. Показал, чтобы ему принесли воды.

– Джордж!

– Я слушаю.

Господи... Только бы заткнулась...

– Мы должны что-то предпринять против Советского союза! Нельзя отдавать ему Афганистан, вы слышите!

– Что вы предлагаете?

– Надо усилить работу в Пакистане! Настоять на вводе войск!

О боже...

– Конгресс не пойдет на это. Там произошел ядерный взрыв. Никто не захочет рисковать заражением наших ребят.

весь вечер сидела в казармах САС и пила с сасовцами виски.

⁸⁹ Вопрос с поставками был столь серьезен, что рассматривался проект послать отряд САС и совершить диверсию в Тулузе на заводе, где производились эти ракеты.

– Джордж, я не говорю про большие контингенты! Часть людей пошлем мы сами! Но нам нужна помощь.

– Какого рода?

– Техническая и финансовая...

Буш прикинул. Перераспределить средства в рамках НАТО в пользу Великобритании вполне возможно. Даже не надо будет запрашивать Конгресс, все эти расходы идут по закрытым статьям. Дано что-то пообещать, иначе эта мегера не отстанет.

– Думаю, это стоит обсудить... – неопределенно сказал Буш

Чья то рука поставила перед ним поднос с бокалом с водой и двумя таблетками аспирина.

– И нам еще нужны будут люди.

Этого только не хватало...

– Совсем немного. Люди, которые умеют действовать во враждебном окружении. Такие, какие действуют у вас в Латинской Америке. Можно даже попробовать набрать людей там. Основной фронт борьбы с коммунизмом проходит не в Латинской Америке, он проходит в Пакистане, Джордж. Только там мы сможем, как следует пустить русским кровь!

Президент вспомнил, что совсем недавно он встречался с новым министром обороны – своим старым другом по Техасу Ричардом Чейни и каким-то генералом в черном берете. Генерал – был первым командующим силами специальных операций. Новым родом войск, призванным действовать в условиях локальных конфликтов, в необъявленных войнах, на территории противника, в том числе без объявления войны и без раскрытия государственной принадлежности. Никто из американцев в жизни не признал бы этого – но поводом к созданию Командования специальных операций стали действия советского спецназа в Афганистане и уровень угрозы для Соединенных штатов Америки от наличия в Советской армии такого количества подготовленных специалистов. До этого угроза спецназа, масштабных диверсий воспринималась как теоретическая – а вот в Афганистане она перешла в совершенно практическую плоскость.

Можно поговорить с Диком. Пусть решает.

– Джордж. Куда вы пропали?

– Я на месте. Думаю и это можно обсудить.

– Вот и отлично. У нас есть группа военных и гражданских специалистов, они находятся на полигоне в Нью-Мексико. Я пошлю кого-то из них, чтобы согласовать условия конкретно.

Маргарет Тэтчер была в своем репертуаре. Противника – она всегда добивала до конца.

– Да... будет неплохо.

– До свидания, господин президент. Передайте семье пропавшего разведчика мои самые искренние соболезнования.

– Обязательно передам...

– До свидания.

– Господин президент, соединение прервано по инициативе британской стороны – доложил оператор

Буш положил трубку на рычаг. Принял аспирин, поднялся со стула – и чуть не упал, схватился за стол. Но работать было нужно, кроме него – не кому. Не время, чтобы свалиться...

Президент вышел в приемную. Чертов ублюдок Ронни, сидел бы сейчас здесь и расхлебывал то дерьмо, что натворил с русскими. Империя зла, твою мать! И что теперь делать? Половина кабинета ему ни хрена не подчиняется, что хотят то и творят.

– Пригласите Дика Чейни. Через час. Нет больше никого не надо... И пока... больше я никого не приму.

* * *

Ричард Чейни – живой, деятельный, *ухватистый* – появился через час. Плюхнул на стол папку с документами. Ему нечего было бояться – не он облажался...

– У меня были гости – сообщил он

И.о. президента смотрел на него большими, красными глазами

– Сэр, с вами все в порядке? – забеспокоился Чейни.

– Да... все в порядке. Кто был?

– Конгрессмен Уилсон. И с ним какой-то ЦРУшник.

– И что?

– Окрестили коммунистическим сукиным сыном.

Раньше бы Буш посмеялся. Но теперь ему реально было плохо.

– Сэр...

– Вопрос по Афганистану. У ЦРУ там какой-то парень попал в переплет. Он в руках русских. И возможно – русским удалось убить последнего президента Афганистана, который выбрал свободу и пошел против них.

Чейни лишь пожал плечами – это не он облажался и не его ведомство

– Сэр, лучшее, что мы можем сделать, так это держаться отсюда подальше. Мы не можем позволить себе сейчас второй Вьетнам.

– Мы не можем пускать там ситуацию на самотек – сказал президент.

Лишь несколько дней назад – они говорили совершенно об обратном. Чейни собирался укрепить стратегическую оборону: в этом был смысл: на программе СОИ можно распилить больше, чем на поставке сотни специальных вертолетов для спецназа. И неважно, что спецназ вертолеты использует каждый день – а спутники СОИ, скорее всего, превратятся в космический мусор, так и не сделав ни одного выстрела.

– Сэр, там сложная ситуация...

– Я знаю это, черт побери! – разозлился Буш – может быть, хоть ты не будешь говорить мне о сложностях, а будешь решать их!

– Варианты есть – мгновенно перестроился Чейни

– Какие?

– Думаю, остались связи, контакты. Надо их активизировать.

– Конгресс съест нас живьем – сказал Буш

Чейни лишь кивнул, показывая, что Конгресс ничего не узнает – он об этом позаботится.

– Как насчет денег?

– В разумных пределах. Только что звонила Тэтчер...

Министр мгновенно сделал выводы. Звонила Тэтчер – значит, это после разговора с ней старый друг выглядит так, что краше в гроб кладут. И готов сделать все – только чтобы эта гарпия от него хоть ненадолго отстала...

– Есть люди, которые много могут. Мы совсем недавно объединили их в USSOCOM, командование специальных операций. Это настоящие парни, серьезные. Круче морской пехоты. Если кто и сможет надрать задницу советским в Афганистане – так только они.

Буш отрицательно покачал головой

– Вопрос не в этом. А в том, что мы обосрались. И ситуация может стать еще хуже, если русские выведут нашего парня на открытый суд. Этого нельзя допустить, мы потеряем добрые контакты с Востоком. Мне наплевать на моджахедов – но шейхи вкладывают деньги в нашу экономику. А она сейчас висит на волоске. Я так понял, что этот парень не американец?

Чейни согласно кивнул

– В принципе, нет, сэр. Родился в СССР, еврей, его родители переехали в Израиле. Управление нашло и привлекло его, он хорошо знает языки. В том числе и редкие. Я не знаю всего, но мне кажется, его планировали привлечь к вещанию на мусульманские республики СССР на их родном языке с территории Пакистана. А когда все накрылось медным тазом – Управление не нашло ничего лучшего, как послать его туда без должной предварительной подготовки и подстраховки.

– Мы должны решить эту проблему – уверенно повторил вице-президент.

Одно из достоинств высшего руководящего поста – это то, что если ты не хочешь говорить что-то прямо, ты можешь не говорить это прямо. Одно из достоинств хорошо подобранной команды – это то, что собранные в нее люди понимаю тебя с полуслова, с намека.

– Проблема будет решена, сэр – моментально перестроился Чейни и кивком дал понять, что все правильно понял – мои люди умеют действовать в любых условиях и выполнять любые приказы. Это настоящие профессионалы.

– Нет, не то... – покачал головой Буш – мы не можем себе позволить еще раз рискнуть в этом регионе американцами. А что если русские схватят и их? Слишком большой риск, мы не можем себе это позволить

Перед президентскими выборами...

– Найди кого-то... кто готов поработать на нас.

Чейни прикинул – пока у него в голове ничего не было, но он знал что найдет решение. Решение всегда есть, надо только не лениться и шевелить мозгами.

– Пара дней, господин Президент.

– Хорошо. Думаю мы можем себе позволить пару дней.

– И сэр... – Чейни неопределенно повел пальцами в воздухе – нужно какое-то ... законодательное закрепление.

Буш недоуменно уставился на своего подчиненного. Только что он допустил нарушение субординации и вопиющее проявление нелояльности.

– Какое еще законодательное закрепление?

– Нечто... общее, сэр, не конкретно по этому делу, а вообще. Нужно... что-то делать с законом Форда, он выбивает почву у нас из-под ног. По сути, любое действие, какое мы совершим в Пакистане – будет противозаконным. Разве что кроме раздачи денег подонкам – но мы уже навалились на это, не так ли?

Буш прикинул – самое время соваться в оккупированный демократами Конгресс с таким...

– Решение Совета национальной безопасности тебя устроит?

– Полагаю, что да, сэр.

– Это хорошо. Потому что больше – все равно ничего не будет. И помни – тихо, без шума, без статей в прессе. И можешь мне не докладывать, что вы там делаете – обо всем узнаем из газет. Теперь – давай, по остальному, что там у тебя на подпись?

Пентагон. 17 июня 1988 года

Из Белого дома секретарь по делам обороны Чейни возвращался в хорошем настроении. В числе документов, какие он привез в Белый дом – ему удалось подсунуть документы на закупку полутора сотен новейших вертолетов по хорошим ценам и документы по лазерному оружию ПВО – развитие системы СОИ, которое шло ни шатко, ни валко. Что бы ни случилось дальше – день прошел не зря...

Вернувшись к себе в офис, в Пентагон – Чейни вызвал доверенного человека и передал ему подписанные президентом контракты для того, чтобы как можно быстрее «провести их по бухгалтерии» – то есть зарегистрировать и сделать все иные необходимые действия. Чейни никогда не брал взятку напрямую – он поступал намного хитрее. Все оборонные подрядчики – знали, к кому надо обращаться и с какими компаниями надо заключать контракты... например, на юридическое и лоббистское сопровождение своих усилий. Деньги двигались по такому сложному и запутанному каналу, что даже Служба внутренних доходов⁹⁰ вряд ли смогла бы разобраться в этом. Об этом знал только автор системы – Ричард Чейни.

Чейни был умным. Более того – он вероятно был самым умным человеком в Вашингтоне на сегодняшний день. И одним из самых богатых людей среди политиков – общественность знала менее чем о десяти процентах его подлинного состояния. Так что поговорка «если ты такой умный, то почему такой бедный» – тут была не к месту.

Своего босса, через которого он решал все свои вопросы и вопросы которого он был вынужден решать в порядке взаимной любезности – он понял правильно. Вице-президент США Джордж Буш приказал не спасти, а убить попавшего в беду агента ЦРУ. Убить, чтобы русские не вывели его на открытый суд и чтобы не испортились отношения Америки с арабскими монархиями. То что он был не американец... не совсем американец – в общем, намек был яснее некуда.

Проблема была в том, что дело предстояло сложное и опасное. С большой вероятностью провала. Раз ЦРУ не смогло нормально внедрить своего человека – у министерства обороны шансов еще меньше... или, по крайней мере, не больше. Если произойдет провал – кому то за это надо будет отвечать. Иран Контрас напугал многих, страх чувствовался до сих пор. Парочка болтунов, парочка пронырливых и наглых репортеров – и вот администрация на грани развала, а президент – на грани импичмента. Как только начнутся поиски виноватых – одним из главных, если не главным кандидатом на роль козла отпущения будет он сам. А вице-президент даже в Конгрессе – откажется признать тот факт, что он отдал приказ и скажет, что никаких приказов он не отдавал и его неправильно поняли.

Так и будет. Все дерьмо – всегда стекает вниз.

Немного подумав, министр обороны принял решение – сыграть двумя руками. Если вице-президент приказал ему предпринять спасательную операцию – он и будет ее предпринимать. Сейчас соберет совещание, поставит на нем вопрос о возможности проведения именно спасательной операции – и тем самым заручится свидетелями. Отдаст приказ готовиться какому-то из спецподразделений – и тоже к спасательной операции, а не ликвидации. Одновременно с этим найдет верного человека, одного верного человека и уже ему – отдаст приказ на ухо. Только ему, только он будет в курсе и больше никто. А пошлет он его...

Ради того, чтобы разобраться с ситуацией на месте и подготовить площадку для высадки спецподразделений. Провести первичную разведку объекта. Если потом будут копаться в документах – он подстрахует себя, указав там понятную и не противоречащую официальной цели этой миссии.

⁹⁰ Налоговая служба.

Требования к этому человеку. Первое – он должен быть сильно в чем-то замазан. Так, чтобы если он и начнет говорить – чтобы ему никто не поверил. Можно кого-то замазанного в Иран-Контрас, можно – в южноамериканских делах, там мясников полно. Хорошо бы иметь на этого человека компромат. Он должен быть офицером среднего звена, мечтающим чтобы его заметили... такой найдется. И он должен быть профессионалом, потому что лучше бы эту работу выполнить. Все таки – не хочется, чтобы вице-президент в нем разочаровался.

Человек... Один верный человек.

Его поисками он займется потом. Сейчас надо прикрыть свою задницу...

Освежившись ледяным чаем, Чейни начал обзванивать своих людей, собирая их на совещание по вопросам Афганистана.

Первым – он позвонил генералу Колину Пауэллу. Первый генерал с черным цветом кожи, он стал известен в армии, когда снялся в ролике против расизма. Наверх его поднял министр обороны Каспар Уайнбергер, сделав своим заместителем, потом Рейган был вынужден назначить советником по вопросам национальной безопасности: все более подходящие кандидатуры замазались в деле Иран-Контрас. Карту генерал читал туго, в вопросах национальной безопасности разбирался не больше чем людоед в сортах шампанского и на совещание по вопросам Афганистана не так уж и рвался. Но сказал, что пришлет своего заместителя, который и тащил всю работу за него – профессионального дипломата, сильно *замазавшегося* в Латинской Америке – Джона Дмитрия Негропонте. Это и нужно было Чейни – Негропонте он знал давно и хорошо – и как человека и как профессионала. Взгляды на должный миропорядок у них были совершенно одинаковыми – такими, какие сделали бы честь Гитлеру или Геббельсу.

Правильные по нынешним временам взгляды.

Второй звонок – он сделал директору АНБ, генерал-полковнику Уильяму Одому. Бывший военный атташе в Москве и ярый антисоветчик потребовался ему вот зачем: у АНБ огромный и плохо контролируемый бюджет. Если речь идет о размещении в Пакистане – то будет разумно откусить часть куска от бюджета Агентства национальной безопасности, разместив в Пакистане станции прослушивания сигналов советских войск. Под это дело – запросто можно было провести обеспечение безопасности этих станций и их персонала в виде целого батальона спецназа. Генерал Одом был занят – но обещал прислать своего доверенного человека: министр знал, что это будет полковник Клайв Пик, специалист по грязным делам, который лично пробыл нелегально на территории Советского Союза в молодости. Выбираясь назад – он убил двоих советских пограничников и очень этим гордился – фуражка одного из них до сих пор висела у Пика в его кабинете в АНБ как напоминание.

Последним – он позвонил своему подчиненному, генералу Джеймсу Линдсею, командующему силами специальных операций. Этот звонок был единственным, который сделал не сам министр, а его помощник – остальные звонки передоверять было опасно. Сам генерал был в Форт Бреге, улаживал дела, какие обычно и бывают при организации нового подразделения... да какого там подразделения – целого рода войск! Техника, имущество, тренировочные комплексы. Его присутствие и не требовалось – достаточно было, чтобы он послал кого-то дельного из тех, кто сейчас в Вашингтоне. Генерал обещал немедленно распорядиться.

Последний звонок – секретарь Чейни снова сделал сам. И не только позвонил – но и распорядился послать машину за последним человеком, присутствие которого на совещании он считал необходимым. Это была советолог, доктор политологии, эксперт по делам Советского Союза при Совете национальной безопасности Кондолиза Райт.

Дамочка еще та... Негритянка, поступила в университет Денвера. Вовремя поняла, что на пианино играть не получится и выбрала международные отношения своей специализацией. Главную роль в ее становлении как советолога и политика сыграл профессор политологии, доктор Джозеф Корбелл, бывший советник чешского президента Бенеша и ярый антисоветчик и антикоммунист. Конди Райт неоднократно бывала дома у профессора Корбелла, где подру-

жила с его единственной дочерью по имени Мадлен Олбрайт. С Олбрайт они поддерживали отношения до сих пор: Олбрайт была главным экспертом по Советскому союзу при администрации Картера, фактически была одним из заместителей Збигнева Бжезинского. В это же время – Кондолиза Райт работала в антисоветской команде Б⁹¹ ЦРУ США, созданной директором ЦРУ Джорджем Бушем – именно эта команда и ее теоретические выкладки положили начало резкому обострению напряженности между США и СССР в восьмидесятые. Сейчас – Олбрайт преподавала в университете Джорджтауна, поскольку было время республиканцев – но было известно, что у демократов она состоит в теневом кабинете.

К Советскому союзу, объекту ее изучения – Кондолиза Райт питала ненависть. Возможно, это было связано с тем, что в свое время, когда в Москве она проходила практику как стажер ЦРУ – КГБ устроило против нее провокацию и вышибло из страны. Провокация заключалась в том, что советская женщина пожаловалась в милицию на то, что пьяная американка приставала к ней с требованием секса. Конечно же, это была провокация и более ничего – как месть за то, что мисс Райт по ночам ходила считать горящие окна в здании советского Генерального штаба. Но в ЦРУ ее все равно после этого не взяли.

Конди Райт единственную из всех не пустили бы в Пентагон – даже как посетителя – поэтому, министр отправил свою бронированную машину со своим помощником и пропуском на предъявителя. Со всем уважением – туда и обратно...

Первым – в кабинете министра появился невысокий, жилистый офицер с майорскими знаками различия и именной планкой «Вебер» на груди. Он четко козырнул министру...

– Сэр! Майор Вебер явился по приказанию генерал-полковника Линдсея, сэр

– Вы специалист по Афганистану? – министр рассматривал майора и то, что он видел – ему нравилось.

– Да, сэр!

– Работаете здесь, в Пентагоне?

– Так точно, сэр, специалист по планированию

Министр вспомнил, кто это. Про него докладывали – тот самый майор, который путался в темных компаниях с ЦРУшниками и конгрессменом Чарли Уилсоном, который нахамил ему в этом самом кабинете. Но это сейчас говорило скорее в пользу майора, чем против него. Он вспомнил, что Вебера предлагали перевести на какую-нибудь дальнюю базу.

– Сэр!

Министр взглянул на часы – время еще есть, остальные так просто не доберутся – в этот час в Вашингтоне пробки

– Присаживайтесь, майор. За то время. Которое у нас есть – давайте, попробуем что-то сделать с моей безграмотностью. Итак – что происходило в Афганистане и Пакистане за последнее время, майор? Только начистоту...

* * *

Как и предполагал министр – остальные появились примерно через час. Этот час он потратил с пользой – теперь он знал, что делать и как. Что там происходило и почему. Налажали, конечно, здорово, но можно кое-что поправить.

– Джентльмены... – он кивнул одетой в строгий костюм мисс Райт, чтобы не упоминать ее – я должен сообщить вам, что вице-президент приказал действовать. Решения Совета наци-

⁹¹ Одиозная группа независимых экспертов, созданная Бушем в бытность его директором ЦРУ. Шарлатанскими методами изучали экономику и Вооруженные силы СССР, «доказали», что военные расходы Советского союза втрое больше, чем считают специалисты Советского отдела ЦРУ. В начале девяностых обман раскрылся, в Конгрессе был поставлен вопрос о расформировании ЦРУ.

ональной безопасности, санкционирующей нашу активность в Афганистане и Пакистане пока нет, но оно последует в самое ближайшее время. Я собрал вас здесь для того, чтобы мы вместе приняли решение – что мы будем делать и как.

Думаю, многим уже известно, а тем, кому неизвестно до тех довожу, что вчера в руки советских солдат в Афганистане попал высокопоставленный сотрудник ЦРУ, направленный туда для восстановления агентурной сети. Кроме того – по неподтвержденным данным убит последний законно избранный президент Афганистана. Русские добились своего. Президент интересуется этой ситуацией и хочет что-то сделать для афганцев.

Чейни оглядел собравшихся. Все молча сидели и слушали его. Негропонтте смотрел в стол, присланный генералом Линдсеем майор чему-то улыбается, Пик как всегда держит маску.

– Конди, как считаешь, у нас есть шансы против русских?

– Шансы есть, господин министр. Но их немного, это надо признать сразу.

– Когда я выбирался от русских, у меня их было не больше – сказал Пик

– Об этом потом – подытожил Чейни – мисс Райт, что мы можем сделать? У русских есть уязвимые места?

Элегантно одетая женщина утвердительно кивнула головой

– Шансы есть всегда. Сейчас советское руководство раскололось на два клана. Первый клан – это генеральный секретарь Соломенцев и поддерживающий его Громыко. Скорее всего, ведущим в этой связке является именно Громыко, бывший министр иностранных дел, очень опытный и жесткий советский дипломат. Вторая команда – группируется вокруг Председателя Президиума Верховного совета СССР Алиева, который и является реальным главой государства. По конституции – но у русских всегда все идет не так, как по бумажке.

– То есть? – не понял Чейни – глава государства у них разве не генеральный секретарь, как Горбачев?

– Нет сэр, думать так – ошибка. У русских все очень запутанно. Есть Верховный совет СССР, он избирается всенародным голосованием. Не совсем демократично, в бюллетенях только один кандидат и он коммунист – но все же он избирается. Он двухпалатный – примерно, как у нас Сенат и Конгресс. Поскольку Верховный Совет не может работать постоянно – из числа депутатов избирается Президиум из пятнадцати человек, а Президиум – избирает из своих рядов Председателя. Юридически – председатель и является главой советского государства.

– И сейчас этим... председателем является Алиев?

– Совершенно верно, Дик – чуть подколола тexasца Райт

– А кто же тогда Соломенцев?

– Глава партии. По идее, все члены Верховного совета, все члены Совета министров, который тоже избирается Верховным советом – являются коммунистами и должны выполнять руководящие указания лидера своей партии, который у них называется Генеральным секретарем. Но они могут этого и не делать.

– А почему лидер партии... не участвует в выборах? – не понял Чейни

– Почему, участвует. Лидер партии и все члены Политбюро обязательно избираются депутатами Верховного совета. Но совершенно не обязательно, чтобы лидер партии КПСС был одновременно и Председателем Президиума. Иногда так бывает, а иногда – нет.

– И что это значит, черт побери?

– Разногласия в партийном руководстве, это можно объяснить только так. Конечно, каждый лидер партии хочет одновременно занимать и должность лидера партии и должность, которая примерно соответствует должности президента в парламентской республике. Но так получается далеко не всегда. Советская власть – это всегда борьба противоборствующих группировок. Если их две и силы равны – то эти должности делятся между двумя разными людьми.

– Получается, как система сдержек и противовесов. Только иногда она работает, а иногда – нет.

– Примерно так. Как и у нас – бывает, что Президент и большинство в Конгрессе принадлежат к одной партии, а бывает, что и нет. Вы понимаете, сэр, как сильно различаются эти две ситуации.

Чейни кивнул в знак согласия. Он не слишком то хорошо понимал советскую систему управления и, как любой средний американец представлял ее в виде неограниченной диктаторской власти одного человека. Иногда плохого, как Сталин, иногда относительно нормального как Горбачев. Оказывается – что это далеко не так и советская система власти намного сложнее, и в чем-то даже похожа на их систему власти. Это не делает их меньшими сукиными детьми, но все-таки – неплохо придумано.

– Теперь, получается что у них непокорный Конгресс.

– Вероятно, да, сэр.

– И кто же по вашему ... более подходящая кандидатура, чтобы искать контактов?

– Соломенцев – не задумываясь, сказала Райт – точнее, Громыко

– Почему?

– По разным причинам. Первая – Соломенцев относительно стар, равно как и Громыко. После их смерти можно рассчитывать на позитивные перемены в Советском союзе. Если победит Алиев – рассчитывать не на что. Во-вторых: Алиев – генерал КГБ, в этом качестве он курирует спецслужбы и ищет в них поддержку. Я слышала – что у него есть кабинет в главном здании КГБ на Лубянке, и он сидит там. Руководитель КГБ – его человек, из Баку, вероятно – подставное лицо, а на самом деле КГБ руководит сам Алиев. И третье...

– Да?

– Алиев – мусульманин. Единственный из советских руководителей, который мусульманин. Можно считать, что он атеист – но все же он родился в республике, в которой много мусульман. Это сильно облегчает ему работу на Ближнем Востоке, он знает мусульман и умеет управлять ими

– Где он работал? – заинтересовался Чейни

– Азербайджан, сэр. В девятнадцатом году туда ворвались русские, и немудрено – там очень много нефти. Там была одна из первых и крупнейших нефтяных провинций мира, что-то вроде Техаса, сэр.

– Черт, мне хочется познакомиться с этим парнем... – пошутил Чейни

– Возможно, это и можно как то сделать – не поняла шутки Райт

– Хорошо. Несколько вопросов. Первый – насколько опасно новое советское руководство?

– То есть? – снова не поняла, Райт

– Что от них ждать? Могут ли они, к примеру, запустить на нас ракеты, если им чего-то не понравится? Каков их порог реагирования?

Райт задумалась

– Конечно, все возможно, сэр – наконец сказала она – но я бы не стала собирать чемодан и идти в бомбоубежище. Они что-то готовят, это несомненно. Но они же не оккупировали Пакистан, хоть и могли. Они даже уменьшили численность войск в Афганистане, разве я не права?

– После того, как бросили атомную бомбу! – резко сказал Вебер.

Чейни поднял руку, требуя тишины.

– Их можно запугать?

– Не знаю. Скорее всего – нет.

– Купить?

– Наверняка нет, хотя точно сказать сложно. Горбачев был психологически слабым. Эти сильнее. Соломенцев старше и опытнее, Громыко тоже – тем более, что он был министром иностранных дел и привык противостоять нам. Алиев ... ему уверенности придает то, что он имеет поддержку в спецслужбах. И вероятно то, что это он убил Горбачева и еще многих. Ему терять нечего.

– Что они будут делать, если мы продвинемся в Пакистане? Смогут нанести удар в ответ?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.